

ПУТЬ НА ПОЛЬЗУ

**К 225-летию путешествия
Екатерины Великой
в Новороссию и Крым**

**Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ)**

ПУТЬ НА ПОЛЬЗУ

**К 225-летию путешествия Екатерины Великой
в Новороссию и Крым**

**Москва
2012**

УДК 94 (47)
ББК 63 (2) 46
П 90

Издано при поддержке:

- Украинского филиала Института стран СНГ (г. Киев);
 - Института стран СНГ в г. Севастополе;
- ОАО «Российские железные дороги» (ОАО «РЖД»);
- Фонда поддержки публичной дипломатии им. А.М. Горчакова;
 - Фонда «Русский мир»

Редколлегия:

К.Ф. Затулин (отв. ред.), д-р ист. наук, проф. В.Г. Егоров,
д-р ист. наук, проф. В.Н. Захаров,
канд. ист. наук, доц. Н.В. Бессарабова
канд. ист. наук О.И. Елисеева

Путь на пользу: к 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым – Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ). – М., 2012. – 336 с., илл.

Сборник научных статей посвящен 225-летию юбилею одного из самых знаковых событий «золотого века» Екатерины – путешествие императрицы в Крым (1787 г.). Авторы освещают широкий круг вопросов, связанных с посещением Екатериной Великой Юга Российской империи, с проблемами внутри- и внешнеполитического, а также экономического развития России в ее эпоху.

Для историков и широкого круга читателей.

ISBN 978-5-94293-035-6

© Институт диаспоры и интеграции
(Институт стран СНГ), 2012
Перепечатка материалов (частичная
или полная) разрешается только
после согласования с Институтом
стран СНГ

СОДЕРЖАНИЕ

От редколлегии.....	4
В.И. Матвиенко. Вступительное слово.....	6
Р.Т. Дейников. Основные этапы и хронологические рамки истории присоединения Крымского ханства к России.....	8
В.Н. Захаров, Ю.А. Поспелова. Внешняя торговля России через порты Северного Причерноморья в конце XVIII века.....	55
О.И. Елисеева. Хозяин Тавриды. Управление Г.А. Потемкиным вновь присоединенными к России землями на Юге.....	72
В.С. Лопатин. Потемкинские деревни – гордость России.....	112
Н.В. Бессарабова. Взаимоотношения Екатерины Великой с подданными во время путешествия в Крым.....	131
С.А. Смолянников. И быть славному Кременчугу столицей Днепровской. К юбилею посещения города Екатериной Великой.....	174
Н.В. Бессарабова. Внешнеполитическая сторона путешествия Екатерины Великой в Крым.....	196
В. Корнилов. Отображение Екатерины II и екатерининской эпохи в украинских учебниках истории.....	224
А.А. Палий. Правление Екатерины II: взгляд из Украины.....	229
О.А. Бузина. Екатерина была права!.....	239
К.Ф. Затулин. Человек и его дело (Вместо послесловия).....	264
Список сокращений.....	267
Примечания.....	268

От редколлегии

Данный сборник научных статей посвящен 225-летию одного из самых знаковых событий «золотого века» Екатерины – путешествию императрицы в Крым, которое состоялось в 1787 г.

Это наиболее пышная и помпезная поездка монарха в российской истории, на подготовку к которой было затрачено немало сил, средств и времени. Не следует, однако, думать, что путешествие было просто увеселительной прогулкой, предпринятой коронованной туристкой ради праздного любопытства. Оно стало важным явлением эпохи просвещенного абсолютизма и жизни российского общества второй половины XVIII в. В этой поездке нашли отражение многие вопросы внутренней и внешней политики Екатерины Великой: стремление принести реальную пользу России сочеталось здесь с декларативными устремлениями; во время контактов государыни с подданными остро вставала проблема взаимоотношения власти и общества; посещение Северного Причерноморья утверждало право собственности Российской империи на эти земли; встречи Екатерины с европейскими монархами и демонстрации вооруженных сил Юга России существенно повлияли на развитие русско-турецких, русско-австрийских и русско-польских отношений; наконец, именно тогда возник один из самых стойких антироссийских мифов – о «потемкинских деревнях».

Многие проблемы, затронутые путешествием Екатерины в Крым в 1787 г., весьма актуальны и в наши дни – поэтому его изучение представляет большой интерес, а память о нем необходима для сохранения исторического и культурного наследия двух современных государств, объединенных общим прошлым – Российской Федерации и Украины – по территории которых 225 лет назад проехала венценосная путешественница.

В данном сборнике освещается широкий круг вопросов, связанных с посещением Екатериной Великой Юга Российской империи, с проблемами внутри- и внешнеполитического, а также экономического развития России в ее эпоху.

В статье Р.Т. Дейникова подробно рассматривается длительный процесс присоединения к России Крымского ханства, территория которого в 1787 г. станет конечным пунктом путешествия «в Полуденный край».

В.Н. Захаров и Ю.А. Поспелова исследуют важную проблему экономической жизни России второй половины XVIII в. – торговлю через порты Северного Причерноморья, затрагивая при этом такие вопросы, как политика российского правительства, направленная на развитие внешнеэкономических связей в Азово-Черноморском регионе, и деятельность западноевропейских купцов.

В работе О.И. Елисеевой всесторонне анализируется управление Г.А. Потемкиным южными землями: процесс заселения края и строительство городов, реформы в армии и подготовка к войне; также здесь очерчен круг соратников и противников светлейшего князя.

В.С. Лопатин освещает такую актуальную проблему, как «потёмкинские деревни»: в его статье много внимания уделяется обстоятельствам возникновения этого суждения, приводится оценка деятельности Г.А. Потемкина по освоению Северного Причерноморья и показываются реальные – весьма впечатляющие – ее результаты, которыми Россия может по праву гордиться.

Одна из статей Н.В. Бессарабовой исследует взаимоотношения Екатерины Великой с представителями различных социальных слоев во время путешествия в Крым, а вторая – внешнеполитическую сторону этой поездки: переговоры с европейскими монархами и влияние «пути на пользу» на начало русско-турецкой войны 1787–1791 гг.

С.А. Смоляников совершает экскурс в историю города Кременчуга, показывая, как повлияло на его развитие пребывание здесь императрицы во время путешествия в Крым.

В.В. Корнилов освещает подходы к личности Екатерины Великой и к значению ее деятельности, отраженные в украинских школьных учебниках по истории.

В статье А.А. Паляя излагается точка зрения ряда современных украинских историков на политику Екатерины Великой по отношению к Украине, которая рассматривается исключительно в негативном свете. Подобных взглядов придерживаются далеко не все украинские исследователи.

В работе О.А. Бузины отражена другая точка зрения, также характерная для современной украинской историографии. Здесь рассматривается состояние Украины во второй половине XVIII века и анализируется влияние на него политики Екатерины. Автор делает вывод, что проведенные императрицей мероприятия благоприятно сказались на развитии края.

Точка зрения отдельных авторов не обязательно совпадает с мнением редколлегии. Авторы несут ответственность за аутентичность использованного материала и за справочный аппарат.

Вступительное слово

Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации
Валентина Ивановна МАТВИЕНКО

В 1787 году свершилось одно из знаменательных событий в общей истории русских и украинцев. Императрица Екатерина II отправилась в далекое полугодовое путешествие из Санкт-Петербурга в Причерноморье, чтобы воочию убедиться в торжестве героизма и трудолюбия народов, объединенных под ее скипетром. Это масштабное событие должно было продемонстрировать миру, что северное Причерноморье стало неотъемлемой частью Российской империи.

В наши дни исполняется 225 лет со времени этого знаменательного путешествия.

Российское государство смогло добиться быстрых и очевидных результатов в освоении причерноморских пространств, сплотив силы и способности людей самого разного происхождения. Богатейшие земли Новороссии принимали всех – немцев, чехов, сербов, болгар, армян, греков. Но ведущей силой хозяйственного освоения были русские и украинцы, многие сотни тысяч наших предков воздвигали этот «рай земной», как тогда говорили, на степных просторах. В еще недавно пустынной местности, которую именовали «диким полем», императрица увидела множество новых поселений, крепких крестьянских хозяйств. В недавно основанном Севастополе предстал ее взору Черноморский флот, которому предстояло совершить в будущем немеркнущие славные подвиги.

«Я путешествую не для того, чтобы видеть города и области, по планам и описаниям мне довольно хорошо знакомые, – говорила Екатерина II, – но чтобы видеть людей...».

Мы помним уроки истории и потому ценим труды и усилия Екатерины Великой, ее энергичных сподвижников, а главное огромной массы трудолюбивых людей, представителей братских народов России и Украины.

Я с уважением отношусь к памяти Екатерины Великой. Ее вклад в развитие России, накопленный в те времена опыт хозяйственного освоения земель не утратил своей ценности и на современном этапе, когда Россия приступает к осуществлению новой стратегии развития Сибири, Байкальского региона и Дальнего Востока. В этой связи уместно вспомнить, что и сегодня русские и украинцы – два самых крупных этноса этой части Евразии.

Убеждена, что юбилей давнего события, знаменательного «Пути на пользу» даст новый импульс развитию плодотворного сотрудничества России и Украины, укреплению братских отношений наших стран.

Основные этапы и хронологические рамки истории присоединения Крымского ханства к России

Равиль Тагирович ДЕЙНИКОВ

Судостроительный банк (г. Москва)

Задача данной статьи – определить научно обоснованные и логически выверенные хронологические рамки процесса присоединения Крымского ханства к России, а также выделить его основные этапы.

Начало процесса борьбы России за контроль над Северным Причерноморьем

С какого момента следует вести отсчет процесса, который мы условно называем «присоединением Крыма к России»? В историографии существует по крайней мере четыре концепции.

В ряде дореволюционных исследований утвердилось мнение, что «крымский вопрос» в российской внешней политике начал решаться со времени царствования Петра Великого. В качестве наиболее яркого примера можно привести выдающегося российского историка-востоковеда Василия Дмитриевича Смирнова¹.

С конца 1920-х гг. большинство отечественных историков полагало, что вопрос о принадлежности Крымского ханства и о его дальнейшем существовании стал актуальным для России после Переяславской Рады (1654 г.) и заключения союзного договора с Польшей (1672 г.).

Наиболее последовательно эту точку зрения отстаивал крымский исследователь начала XX столетия А.Е. Мачанов². Подобного же мнения придерживалась и известный советский ученый Е.И. Дружинина³.

В начале 1950-х гг. появился труд крымского партработника и краеведа П. Надинского, где впервые упоминается 1556 г. (год основания Запорожской Сечи) как время начала борьбы «за освобождение Крыма»⁴. Во многом это было связано с политическим заказом того времени, когда ключевыми фигурами в процессе создания сильного Российского централизованного государства было принято считать Ивана Грозного и Петра Великого. Данная концепция не получила широкого распространения, так как авторы не смогли подвести под нее широкую доказательную базу. Поэтому весьма странно, что ряд современных крымских историков берет за основу исследований процесса присоединения Крыма к России именно 1556 г.⁵

В диссертационном исследовании саратовского историка А. Крючкова за отправную точку процесса присоединения Крымского ханства к Российской империи берется 1768 г.⁶ Автор обосновывает установление этой даты первыми заседаниями Государственного Совета (в 1768 и 1770 гг.), на которых обсуждался вопрос о судьбе Крыма.

Так какая же из указанных версий представляется более верной?

Россия, безусловно, не могла претендовать на Северное Причерноморье в XVI в. Крымское ханство к тому времени окончательно превратилось в вассала Османской империи. Так, в 1584 г., после утверждения ханом Ислам-Гирея II, имя султана стало произноситься впереди имени хана в хутбе (пятничной молитве) на территории Крыма⁷, что в исламском мире служило совершенно ясным признаком вассалитета. К этому стоит добавить традицию утверждения ханов в Стамбуле; чеканку монет с изображением султана; обязательное участие ханских войск в войнах Османской империи; обычай заложничества

(аманатства) и проживания отставных ханов на территории Порты; правила наследования; участие в выдвижении своих ставленников на престол главами виднейших крымских родов и их связи с турецкими придворными кругами и т.п. Все это говорит не о каком-то договоре, как соглашении равных между Крымским ханством и Османской империей, а о статусе «ахид-наме», который, согласно турецкому историку Халилу Иналджикю⁸, можно понимать как султанскую милость, определявшую некие условия сосуществования двух государств.

Таким образом, в XVI столетии претендовать на Северное Причерноморье означало для России вступить в конфронтацию с Османской империей. По основным геополитическим показателям – территории, людским и материальным ресурсам, военной мощи – Оттоманская Порта того периода была значительно сильнее Российского государства. Поэтому, с точки зрения геополитических факторов, попытки Москвы решить в XVI – начале XVII в. «крымский вопрос», несомненно, привели бы к военному поражению.

Конец 60-х гг. XVIII в., безусловно, также не может считаться отправной точкой начала борьбы России за контроль над Северным Причерноморьем. Сводить все к официально озвученному курсу российской внешней политики по включению Крымского ханства в орбиту влияния России⁹ (как это делает А. Крючков) принципиально неверно. При таком упрощении процесса становятся неясны причины голицынских и азовских походов последней четверти XVII в., крымских походов Б.-Х. Миниха во второй половине 30-х гг. XVIII в. и т.д. В данном случае автор сомневается в самих принципах расширения Российского государства, ставя их в исключительную зависимость от личности Екатерины II. Такая зависимость не может быть принята ни с точки зрения политической истории, ни с точки зрения геополитических процессов.

На наш взгляд, именно воссоединение Украины и России в 1654 г. (или, если угодно, признание Украиной сюзеренитета московского государя) явилось тем основ-

ным геополитическим фактором, который и позволил поставить вопрос о необходимости и возможности взятия Москвой под свой контроль Северного Причерноморья, в то время практически полностью находящегося под властью крымских ханов. Именно с указанного времени Россия проявляет политическую, дипломатическую и военную активность в регионе.

При этом, не идеализируя политику Российского государства, все же трудно согласиться с мнением В.Е. Возгрин, который считает, что указанный процесс представлял «...начало неприкрытой агрессии, активное наступление на никогда не принадлежащие России крымские земли... завершившиеся ликвидацией Крыма как государства»¹⁰. В подтверждение этой теории автор отмечает: «Тревогу крымские политики забили сразу, как только до них дошла весть о смысле Переяславских соглашений. Диван 1654 г. пришел к выводу, что Крым вряд ли сможет помешать в дальнейшем северной угрозе... Переговоры в Чигирине татар с поляками, также опасавшимися явного усиления России, закончились пактом о дружбе, ненападении и взаимопомощи ханства и Польши»¹¹. При этом изображение Крымского ханства второй половины XVII в. в роли некой «жертвы», пытающейся предотвратить страшную «северную угрозу», не выдерживает серьезной критики. Если с точки зрения Речи Посполитой договор с Крымским ханством носил больше оборонительный характер, учитывая, что признавшая сюзеренитет Москвы Украина, ранее была составной частью Польско-Литовского государства, то со стороны Крыма этот союз носил как раз явно агрессивный характер. В.Е. Возгрин, описывая соглашение 1654 г. между Крымским ханством и Речью Посполитой, совершенно не замечает наиболее важных его особенностей. Так, «в июле 1654 г. польский сейм, а в ноябре – крымский хан утвердили договор о союзе, предусматривавший долгосрочные совместные действия сторон против России и Украины. Целями войны должны были стать возвращение Украины под власть Речи Посполитой, поражение России и раздел

русских земель между союзниками. Предусматривалось, что при таком разделе под власть Крымского ханства должны отойти Казань и Астрахань»¹². Более того, в 1659 г. крымский хан Мехмед-Гирей IV прислал к калмыцкому предводителю Дайчину (вассалу московского государя) особое посольство с богатыми подарками, чем рассчитывал склонить тайшей (калмыцких князей) к совместному походу против Москвы. Крымский хан обещал отдать калмыкам Астрахань, Казань и выдавать ежегодно 40 тыс. золотом. Тем не менее, калмыцкие тайши отказали крымскому послу на основании того, что они признавали сюзеренитет московского государя¹³.

Также В.Е. Возгрин игнорирует и тот факт, что после гибели шляхетского войска под командованием коронного гетмана С. Потоцкого в январе 1655 г. в битве под Ахматовым, на переговорах с русскими посланниками крымский визирь Сафергазы-ага впервые заявил о претензиях ханства и на Украину тоже, утверждая, что украинские казаки «...у них (у крымских ханов. – Р.Д.) были в подданстве лет семь, и оне, крымские люди, проча их, черкас, себе, и чая от них впредь правды и постоянства, за них стояли, и с польскими и литовскими людьми бились... А гетман де Богдан Хмельницкий... хотел быть за ними в подданстве и до веку. А ныне те же запорожские черкасы им солгали, и воровством своим от них отложились, и доброту их забыли, а называются государевыми (имеется в виду российский государь – Р.Д.)»¹⁴. Любопытно, что после поражения русских войск под Конотопом в 1659 г., когда верной Алексею Михайловичу осталась лишь Левобережная Украина и Запорожская Сечь, именно татары разоряли в течении нескольких лет не только Левобережную Украину¹⁵, но и внутренние уезды Российского государства¹⁶, а полки «агрессивных» с точки зрения В.Е. Возгрина русских не вторгались на территорию ханства (наносили удары по ханству лишь отряды друженственных России калмыков и запорожцев).

Справедливости ради отметим, что в этом вопросе нельзя полностью согласиться и с мнением Г.А. Санина,

который писал, что «на протяжении XVI в. и особенно XVII в. политика России на юге определялась не натиском на Крым, а обороною и постепенным продвижением своих границ в ничейное “Дикое Поле”... Безусловно, это была экспансия России. Но это была экспансия на земли, не принадлежащие ни одному государству, ни одному народу. Это была экспансия на ничейные земли»¹⁷. Мы полагаем, что конечно, Российское государство защищало свои границы, но, продвигаясь на юг, оно вольно или невольно становилось участником политической игры с Османской империей и Крымским ханством за влияние на орды ногайцев, кабардинские и черкесские княжества, донских и запорожских казаков. При этом в международной практике принято считать, что именно то государство, которое стремится к ликвидации буферной зоны между своей территорией и территорией соседней державы, выступает в роли агрессора. Другое дело, что эту буферную зону легко преодолевали отряды татарской иррегулярной конницы, которые опустошали южные земли Российского государства, серьезно тормозя развитие страны. В этих условиях любое государство стремится к ликвидации на своих границах подобных зон неопределенности (так называемых фронтиров).

Таким образом, на наш взгляд, началом борьбы России за контроль над Северным Причерноморьем является оформление вассалитета Украины по отношению к России и последовавшая за этим борьба за Украину между Россией, Речью Посполитой, Крымским ханством и Османской империей. Основным внешним фактором (помимо Украины), который создал условия для продвижения России на юг, явилась необходимость ликвидации грабительских набегов со стороны отдельных крымско-ногайских мурз и всего Крымского ханства на соседние страны (Россию и зависимые от нее Левобережную Украину и Кабарду), экономический эффект от которых стал одной из основных статей дохода ханства.

**Первый этап (1654–1681 гг.):
установление российского сюзеренитета
над Левобережной Украиной**

Итак, мы полагаем, что первым этапом процесса присоединения Крымского ханства к России можно считать период 1654–1681 гг. В это время произошла русско-польская война 1654–1667 гг., в которой активное участие на стороне Речи Посполитой принимало Крымское ханство при относительно нейтральной позиции Османской империи. Затем Крымское ханство непосредственно включилось в борьбу за Украину, способствовал избранию Петра Дорошенко гетманом Правобережной Украины и начал войну уже с Речью Посполитой¹⁸. При этом раздел Украины между Российским государством и Речью Посполитой по Андрусовскому договору 1667 г. не был официально признан Османской империей на основании того, что, как было заявлено московским послам в Стамбуле, «польский король у великого государя нашего, у салтанова величества в подданстве и в холопстве так же, как и крымский хан его салтанову величеству в холопстве служит»¹⁹. Все это привело к включению Турции в активную фазу борьбы за Украину с официальным принятием гетманом Петром Дорошенко сюзеренитета турецкого султана²⁰. В результате Крымское ханство, да и представители украинской политической элиты, окончательно утратили самостоятельную роль в борьбе за Украину.

Столкновения между русско-украинскими и польско-украинскими вооруженными силами с одной стороны, и турецко-крымско-украинскими формированиями – с другой, происходили все 70-е гг. XVII в. и привели к усилению влияния Турции в юго-западной части Украины, а также к сохранению контроля Москвы над Левобережьем. Эти столкновения завершились Бахчисарайским перемирием 1681 г., по условиям которого Османская империя и Крымское ханство признавали власть России над Левобережной Украиной, Запорожской Сечью и Киевом с окрестностями. Полоса шириной

в 10 верст по Днепру признавалась демилитаризованной зоной. Крымские татары получили право на кочевание и охоту по берегам Днепра, а казаки – право рыбной ловли в Днепре и право добычи соли.

Таким образом, Российское государство, с одной стороны, получило Левобережную Украину, что, как мы отмечали выше, позволяло вести борьбу за Северное Причерноморье. С другой стороны, действия Османской империи и особенно Крымского ханства в 50–70-е гг. XVII столетия показали России возникающие трудности в развитии новых территорий при наличии агрессивного южного соседа, опирающегося на мощный потенциал Османской империи. Вопрос с воссоединением Украины под властью русского царя при сохранении тех геополитических реалий представлялся вообще почти нерешаемой задачей. Неслучайно заключение Бахчисарайского перемирия воспринималось в России лишь как временная передышка в борьбе с Османской империей, однако теперь в Москве было решено изменить направление экспансии с украинского собственно на крымское.

В этой ситуации начинается второй этап борьбы России за Северное Причерноморье, завершившийся Константинопольским миром.

Второй этап (1680-е гг. – 1700 г.): начало открытой борьбы России за контроль над Азовско-Причерноморским регионом

Важнейшим военным элементом указанного этапа стало строительство новой линии обороны на юге – Изюмской черты. Полоса укреплений, растянувшаяся на 400 верст, должна была прикрыть обширную территорию, занятую русским и украинским населением южнее главного рубежа русской обороны – Белгородской черты²¹. Трудно не согласиться с В.Е. Возгриным, считающим, что эта цепь сооружений носила более наступательный, нежели оборонительный характер²². Безусловно, кроме чисто защитных функций, Изюмская черта с ее опорными

пунктами и магазинами (складами) делала значительно более реальными возможные планы российского военного командования относительно широкомасштабного похода регулярных войск на территорию Крымского ханства.

Политическим же фоном нового этапа стало создание широкого европейского антитурецкого союза – Священной лиги. После мира 1681 г. у России не было формальных причин воевать с Османской империей, однако русское правительство, возглавляемое В.В. Голицыным, прекрасно понимало, что стратегической задачей Москвы является борьба за Приазовье и Северное Причерноморье – значит, столкновения с Турцией не избежать.

В 1686 г. Россия разорвала отношения с Османской империей и Крымским ханством и заключила с Речью Посполитой антитурецкий союз. Фактически после этого она вступила в Священную лигу европейских государств, направленную против Турции²³ (хотя юридически это произошло несколькими годами позже). Более того, с 1686 г. Российское государство перестало выплачивать Крымскому ханству ежегодные «поминки»²⁴, которые в Бахчисарае трактовались не иначе, как дань. Важно отметить еще один факт. В августе 1687 г. Москва впервые предъявила претензии на Крым с Очаковым и Азовом²⁵, а фактический глава русского правительства князь В.В. Голицын говорил о стремлении добиться того, чтобы «крымский хан учал писаться подданным царским»²⁶. Таким образом, в 1687 г. были озвучены цели грядущей войны – оформление российского сюзеренитета над Крымским ханством и аннексия турецких крепостей, контролирующих Азовское море и северную часть Черного моря. Эта риторика стала фоном к двум крымским походам 1686 и 1689 гг. (названными впоследствии «голицынскими») русско-украинской армии. Провал первого крымского похода и относительная неудача второго на некоторое время сняли вопрос о возможности военным путем принудить Крымское ханство к выходу из сферы влияния Османской империи и к установлению над ним тех или иных элементов российского сюзеренитета.

В дальнейшем, вплоть до азовских походов Петра I, активных действий в этом регионе Москва не предпринимала. Более того, изменение внешнеполитических условий (сближение, при непосредственном участии Франции, Речи Посполитой с Османской империей и Крымским ханством), а также борьба сторонников царя Петра с правительством его старшей сестры и регента Софьи создали условия для изменения статус-кво в украинско-причерноморском регионе. Польша фактически вышла из войны с Турцией и Крымским ханством, а Запорожье отложилось от гетмана Левобережной Украины и признало себя вассалом Бахчисарая (так называемая «Ханская Украина»). Лишь организационно-политический талант гетмана Левобережья Ивана Мазепы позволил в эти годы сохранить практически в полном объеме сложившийся после Бахчисарайского перемирия баланс сил в регионе.

К середине 90-х гг. XVII в. правительство Петра I обращает пристальное внимание на Юг. Начинается подготовка к первому Азовскому походу. По вопросу целесообразности этих походов у исследователей нет единого мнения. Оценка действий молодого царя колеблется от мнения, что он стремился к захвату «берегов Азовского и Черного морей»²⁷, до взгляда, что «Азовские походы следует считать лишь дорогостоящей “воинской потехой” 23-летнего недоросля и его компании с Кукуя»²⁸. Мы полагаем, что оба этих мнения ошибочны. Если посмотреть на карту, то можно увидеть, что в то время русские, украинские и зависимые от них земли как нож прорезало Приазовье с мощной турецкой крепостью в устье Дона. Владение этой стратегически важной территорией позволяло туркам:

- обеспечивать фланговое прикрытие земель Крымского ханства между Доном и рекой Молочная, находившихся как раз между землями донских и запорожских казаков;

- закрывать устье Дона, что обеспечивало контроль над нижним течением реки и над всем Азовским морем;

- успешно противостоять влиянию России на Северном Кавказе за счет контроля над Азовским морем

и Нижним Доном, которые как бы облегал Кавказ с запада и севера.

Таким образом, именно овладение Азовом в тех условиях позволяло Москве с минимальными затратами сил и времени решить максимальное количество задач, стоящих перед российской внешней политикой на южном направлении. Кроме того, в 1694 г. между Османской империей и государствами Священной лиги в городе Стрый под Львовом начались переговоры о мире, на которые приглашали и русскую делегацию²⁹. Для усиления позиций российской дипломатии военная победа была бы весьма кстати. Так что «воинской потехой» Азовские походы назвать нельзя.

В то же время, лишь взятие русскими войсками Азова в 1696 г. и днепровских крепостей (Кызыкермен и Таван) в 1696–1697 гг. позволило Москве опять задуматься об установлении контроля над Северным Причерноморьем. До этого, мысли о Черном море вряд ли можно было бы считать относящимися к реальной политике.

Так или иначе, но фактический развал Священной лиги и большая европейская политика (назревающие противоречия между Францией и Австрией, Швецией и ее южными и восточными соседями) отодвигали турецкую проблему на задворки внешней политики Европы. В этих условиях австрийская и польская дипломатия стремилась ускорить подписание мирного договора с Османской империей, вполне соглашаясь на предложенный турками вариант «как владеете». Россию это не совсем устраивало. Здесь мы видим, как отечественная дипломатия впервые предъявила претензии на выход из Азовского в Черное море, поставив вопрос о контроле над Керчью³⁰. Это, а также то, что Оттоманская Порта уже заключила мир с Речью Посполитой и империей Габсбургов, привело к тому, что России не удалось заключить полноценный мир, ограничившись лишь двухгодичным перемирием. Тем не менее, уже в 1700 г., пойдя на взаимные уступки, Стамбулу и Москве все же удалось подписать мир (формально – 30-летнее перемирие). По условиям договора

Россия сохраняла Азов, Таганрог и земли по нижнему течению Днепра³¹.

Константинопольский мир стал принципиально важным рубежом и в русско-крымских отношениях. Турция взяла на себя обязательство сдерживать крымских татар от набегов на южные районы России и Польши³². Официально отменялась и не платившаяся Россией с 1686 г. ежегодная дань крымскому хану, составлявшая 90 тыс. червонцев³³.

Более того, Москва прекращала дипломатические отношения с Бахчисараем, дабы не унижить царские честь и достоинство отношениями с вассалом турецкого султана. Отныне официально Россия не признавала хана полноправным властителем и фактически передоверила контакты с ним украинскому гетману И. Мазепе³⁴. Безусловно, это было знаковым событием в истории Восточной Европы, так как впервые Россия громогласно заявила о себе и была признана в праве международных договоров равной Османской империи, а крымский хан юридически уже не мог считать себя ровней Российскому государю.

Таким образом, задача второго этапа по установлению тех или иных проявлений зависимости Крымского ханства от России, а также аннексии турецких крепостей, контролирующих Азовское море (Азов) и выходы к Черному морю (Очаков, Керчь) в полном объеме решена не была. Тем не менее, очевидно, что Константинопольский мир стал принципиально важным рубежом в русско-крымских отношениях.

Кроме того, что Россия приобрела Азов и прилегающие к нему земли (хороший военный плацдарм для борьбы с Крымским ханством), официально Российское государство более не признавало хана полноправным властителем и прекратило прямые дипломатические отношения с Бахчисараем (хороший политический плацдарм для дальнейших попыток России по установлению тех или иных форм сюзеренитета над ханством).

**1710–1720-е гг.:
временный отход России от активной политики
в Причерноморском регионе**

Первое десятилетие XVIII в. было в российской внешней политике полностью посвящено противостоянию со Швецией. Поэтому не случайно предыдущие успехи отечественного оружия и дипломатии в Причерноморском регионе постепенно сводились на нет южными соседями России. Так, Османская империя сделала не столь значимым для Москвы обладание Азовом постройкой в 1697–1703 гг. крепостей Аджи (в устье реки Кубань) и Еникале (в Керченском проливе)³⁵. Одновременно Порты добивалась установления контроля над Северным Кавказом и подчинения кумыков (тюркский народ восточной части Северного Кавказа), кабардинцев, черкесов³⁶. Крымское ханство, в свою очередь, вело агрессивную антироссийскую политику как на дипломатическом поприще (подготовка крымско-шведского военного союза³⁷, деятельная поддержка сепаратистских настроений в Запорожской Сечи³⁸ и даже в Башкирии³⁹), так и в военно-диверсионном плане (крупные набеги на Поволжье⁴⁰, украинские земли⁴¹ и на признающих сюзеренитет России горцев Северного Кавказа⁴²; военная поддержка восстания К. Булавина⁴³, а после его подавления – принятие на своей территории нескольких тысяч мятежных казаков во главе с атаманом И. Некрасовым)⁴⁴.

Все эти события, а также предоставление Османской империей убежища после Полтавской битвы шведскому королю Карлу XII, опальному гетману И. Мазепе и чуть позже – сторонникам союзного Швеции польского короля Станислава Лещинского, стали причиной очень жестких военно-политических демаршей России, приведших, в свою очередь, к русско-турецкой войне. В результате просчетов военного командования и лично Петра I, Россия потерпела поражение в войне (Прутская операция). Были потеряны Азов и Таганрог, а по Андрианопольскому миру 1713 г. к Османской империи отошла вся террито-

рия Запорожья и южная граница России отодвинулась далеко на север от берегов Черного моря: она теперь проходила посредине между реками Самара и Орель⁴⁵. То есть, практически победив в борьбе за Балтику, Россия полностью проиграла борьбу за контроль над Северным Причерноморьем. В результате России опять пришлось временно сосредоточиться на других внешнеполитических задачах. Конечно, Петр I не мог не думать о выходе в Черное море, однако он понимал неподготовленность страны к решению этой задачи и повторения Прутской авантюры не хотел.

Таким образом, на некоторое время Северное Причерноморье, Украина и Крым оказались как бы на задворках большой европейской политики. После окончания военного конфликта 1711–1713 гг. с Россией, Османская империя втянулась в войну с Венецией и империей Габсбургов (последняя нанесла ряд тяжелейших поражений туркам в Европе). На Северо-Западе Россия продолжала войну со Швецией, которая затянулась благодаря финансовой и дипломатической поддержке Карла XII французами, весьма недружественными к России действиями морских держав (Англия, Нидерланды), а также существенными разногласиям между членами Северного союза (особенно между Россией и Данией). Тем не менее, в сентябре 1721 г. Северная война все же завершилась подписанием Ништадтского мира. Теперь основной внешнеполитической задачей России стало удержание завоеванных на северо-западе стратегически важных территорий.

В Северном Причерноморье сложился своеобразный статус-кво, который, учитывая стратегическую и экономическую важность региона, был временным явлением. В описанных выше внешнеполитических условиях Крымское ханство на некоторое время оказалось предоставлено само себе. За двадцатилетний период, последовавший после подписания в 1713 г. мира, приграничные российские и украинские земли почти каждый год подвергались набегам со стороны крымских татар и ногайцев. Известный американский исследователь Крымского ханства

А. Фишер отмечал, что в их числе были и крупные походы⁴⁶. Одновременно непрерывным набегам со стороны крымских татар и кубанских ногайцев подвергалась Кабарда. В эти годы Крымское ханство продавало на невольничьих рынках до 20 тыс. человек ежегодно⁴⁷.

Очевидно, что Россия не могла долго терпеть весьма нестабильную ситуацию на своих юго-западных границах. Должны были созреть условия (международные и внутривосточные) при которых началась бы новая русско-турецкая война. При этом все стороны конфликта понимали, что война будет не за пересмотр Прутского и Адрианопольского соглашений, а за все Северное Причерноморье. Начинался новый этап борьбы за гегемонию в регионе.

Третий этап (1730-е гг.): попытка России силовыми средствами взять под контроль Северное Причерноморье и Приазовье

Условия для возобновления борьбы с Турцией созрели к середине 30-х гг. XVIII в. Успешная деятельность отечественной дипломатии привела к разрушению антиросийской системы «Восточного барьера», выстраиваемой Францией. «Могильным камнем» этой системы стало поражение франко-польских войск Станислава Лещинского под Гданьском в 1734 г. от русско-польской армии Фридриха-Августа в борьбе за «польское наследство».

Теперь, когда положение страны в Европе стабилизировалось, правительство России решило активизировать свою политику на Юге. Становилось абсолютно понятным, что Санкт-Петербург будет пытаться решить «черноморскую проблему» военным путем, тем более годы, прошедшие с Адрианопольского мира 1713 г., охарактеризовались резким усилением элементов нестабильности на южных рубежах России и Украины. При этом еще крымский хан активно вмешивался и в польские дела на стороне французского ставленника Станислава Лещинского; и в кавказские дела, нарушая хрупкую

архитектуру паритета интересов великих региональных держав (Османской и Российской империй, шахской Персии) на Кавказе. На наш взгляд, непродуманная политика верхов Крымского ханства в этом взрывоопасном регионе в значительной (если не сказать в определяющей) степени способствовала войне, приведшей к резкому падению значения Крымского ханства как военной, да и политической силы в Причерноморье и на Кавказе. Так, во время очередного конфликта между Османской империей и Персией, крымский хан Каплан-Гирей сообщил своему турецкому сюзерену, что нашел дорогу к посылке татар в Персию через Кавказские горы, близ Дагестана, не касаясь владений России⁴⁸. Безусловно, это было блефом, учитывая географию расположения тогдашних владений России на Кавказе и принявших ее подданство северокавказских правителей. Российский посол в Османской империи дважды предупреждал, что намеченное Стамбулом и Бахчисараем предприятие вызовет военный конфликт с Россией⁴⁹. Тем не менее, по султанскому фирману, войска Крымского ханства должны были выступить против персов, заручиться поддержкой горских племен Северного Кавказа и двинуться к Дербенту⁵⁰. Отметим, что это было со стороны Османской империи очевидным и сознательным нарушением Константинопольского трактата 1724 г., в котором не последнюю роль сыграла позиция крымского хана. В ходе похода российские воинские подразделения и северокавказское ополчение изрядно потрепали 25-тысячный крымский корпус, что, вероятно, сыграло свою роль в сокрушительном поражении под Багдадом турецких войск от персов осенью 1733 г. Все это привело к сближению России и Персии и подписанию между двумя державами в 1735 г. Гянджинского договора, имевшего ярко выраженную антитурецкую направленность. Договор изменил расклад сил в Закавказье в пользу Персии и фактически развязал руки России на Северо-Западном Кавказе и в Причерноморье.

Начавшаяся война впервые привела к вторжению регулярных российских войск на территорию Крымского

полуострова (1736, 1737 и 1738 гг.). Несмотря на то, что основные военные силы ханства не были разбиты в ходе крымских походов, сам факт вторжения вражеских войск на полуостров, а также страшные разрушения, изменили во многом как психологическую уверенность самих крымских татар, так и мнение о ценности военного потенциала Крымского ханства в Османской империи. По поводу второго русского похода в Крым современник событий Сейид-Мухаммед Риза писал: «проклятые московы опять подобно злым духам вошли в чистое тело Крыма и вдруг горядь дерзнули предать разрушению и опустошению город Кара-Су... Все от мала до велика повергнуты были в смущение и потеряли голову»⁵¹. Помимо этого, калмыцко-кабардинское ополчение разорило кубанские земли ханства, а российские войска взяли важнейший опорный пункт Османской империи в регионе – крепость Очаков (правда, удержать ее не удалось из-за эпидемии). Все это, а также вступление в войну на стороне России империи Габсбургов, привело на Немировском мирном конгрессе в 1737 г. к озвучиванию российской дипломатией весьма обширных требований к Стамбулу. Россия предлагала:

- отменить все прежние русско-турецкие договоры и заменить их на новые;

- осуществить переход к России Кубани, Крыма и земель между устьями Дона и Дуная в целях обеспечения спокойствия Российского государства;

- провозгласить Молдавию и Валахию независимыми княжествами под протекторатом России, предназначенными стать барьером, предохраняющим Россию и Турцию от взаимных конфликтов;

- официальному Стамбулу – признать императорский титул российского самодержца;

- обеспечить свободное плавание русских торговых кораблей по Черному морю и добросовестное выполнение Турцией условий Карловицкого конгресса 1698–1699 гг. относительно неприкосновенности Речи Посполитой⁵².

Конечно, Османская империя не могла пойти на такие условия, и война возобновилась. Несмотря на блестящие

победы русского оружия в 1739 г. (победа под Ставучанами и захват Хотина, а также уничтожение крупного крымско-ногайского корпуса у реки Лаба), фактический выход из войны империи Габсбургов, оторванность основных сил русской армии от тылов, недружественная позиция Швеции и Речи Посполитой, заставили русское правительство пойти на переговоры с Османской империей, которые состоялись в Белграде. 29 сентября 1739 г. был подписан русско-турецкий мирный трактат. Согласно его условиям, Россия возвратила себе Азов (но должна была срыть все укрепления) и получила право построить крепость на донском острове Черкасе, а Турция – в устье Кубани; Большая и Малая Кабарда становились «нейтральными». Запорожье перешло в подданство России. При этом Таганрог не мог быть восстановлен, Россия не имела право на собственный флот (включая торговый) в Азовском и Черном морях⁵³.

Таким образом, Петербург отказался от решения тех задач, которые ставил перед началом войны. Белградский мир 1739 г. лишь слегка отодвинул южные границы России ближе к Черному морю, но не решил самой черноморской проблемы. Парадоксально, но Белградский мир – это как раз тот случай, когда отсутствие видимых практических результатов кампании было компенсировано произошедшими в ее результате сдвигами в балансе сил и интересов в регионе. Относительным успехом отечественной дипломатии можно считать признание сторонами независимости Большой и Малой Кабарды, что укрепило влияние Петербурга на Северном Кавказе и приблизило вхождение Кабарды в состав Российской империи. Кроме того, война 1735–1739 гг., а главное – умелая внешняя политика, проводимая Россией, существенно повысили ее авторитет в Европе. Для Крыма эта война имела определяющее значение. Впервые за всю историю ханства вражеские войска вторгались непосредственно на территорию полуострова. При этом не только татары не могли сами себя защитить, но, что более важно, их не могла защитить Османская империя. Таким образом,

после 1739 г. рыхлая политическая структура ханства с его неэффективным государственным аппаратом столкнулась с резким возрастанием внешней угрозы со стороны своего северного соседа. Эта новая ситуация поставила перед Крымским ханством такие задачи, решение которых, как показали дальнейшие события, оказались для него непосильными.

Таким образом, проводимая Россией внешняя политика 20-х – первой половины 30-х гг. XVIII в. привела к возникновению предпосылок для решения причерноморской проблемы. Относительно успешные военные действия в период 1735–1739 гг. и заключение вынужденного и не очень выгодного Белградского мира хоть и не решили тех задач, которые стояли перед страной на этом этапе борьбы за Северное Причерноморье, но создали серьезные предпосылки для дальнейшего более успешного решения проблемы.

Четвертый этап (1740-е гг. – 1772 г.):

вовлечение Крымского ханства в орбиту российского влияния

Четвертый этап процесса присоединения Крыма к России несколько затянулся прежде всего из-за внешнеполитической ситуации в Европе, когда Россия сосредоточилась на отстаивании завоеванных Петром I территорий в Прибалтике и минимизации возникающих со стороны Франции и Пруссии угроз своим интересам в Восточной и Центральной Европе. Тем не менее, задачи этого этапа были очевидны – отрыв Крымского ханства от Османской империи и установление тех или иных форм его зависимости от России.

При этом 40-е – 50-е гг. XVIII в. можно охарактеризовать как «мягкое» соперничество Санкт-Петербурга, Стамбула и Бахчисарая в Причерноморско-Северокавказском регионе на фоне «большой» европейской политики, а 60-е – начало 70-х гг. – как время эскалации напряженности, приведшее к началу новой русско-турецкой войны.

В 40-е – 50-е гг. XVIII в. Османская империя проводила в целом мирную внешнюю политику. Ее правительство занималось в основном внутренним реформированием армии и административного аппарата с целью укрепления политической и экономической структуры государства. Во внешней политике к приоритетным направлениям относилось соперничество с Персией на Кавказе и в Малой Азии, впрочем, не доходившее до крупномасштабных военных столкновений. Эта мирная политика сказалась и на ситуации в Северном Причерноморье. Так, правивший в 1748–1756 гг. крымский хан Арслан-Гирей получил благодарность от турецкого султана за «соблюдение условий дружбы и приязни с Российской державою и Польской республикой»⁵⁴. Безусловно, набеги крымских татар не прекратились, однако они не носили уже системного характера и совершались, в основном, отдельными мурзами собственными силами (как правило, всего в несколько десятков человек). Справедливости ради стоит отметить, что точно такие же набеги на крымские земли осуществляли запорожские и донские казаки, а также подвластные России калмыки⁵⁵. Эта постоянная угроза набега приводила к тому, что обширнейшие территории, принадлежащие Запорожской Сечи, очень медленно заселялись. Османские же и крымские территории, примыкавшие к русским и украинским землям, вообще фактически были полосой отчуждения. Так, Приднестровье и нижнее Приднепровье, можно сказать, не были заселены. Земли, лежащие между Бугом и Днепром, а также между Бугом и Днестром, вообще не осваивались Турцией и административно даже не входили в ее состав⁵⁶.

Одновременно Украина быстрыми темпами теряла существовавшие ранее незначительные элементы своей государственности (автономности). С 1734 г. место гетмана оставалось вакантным, а административные вопросы все чаще решались киевским генерал-губернатором. В этих условиях Россия подняла вопрос (впервые в 1740 г.) о присутствии на территории Крымского ханства русского консула, так как не хотела более, чтобы крымский

вопрос был в исключительном ведении Украины. Крымское правительство всячески стремилось не допустить российскую миссию в страну, поскольку факт принятия внешнеполитической миссии, имеющей значительно более низкий статус, чем посольство, лишний раз бы подтвердил политическую зависимость ханов от турецких султанов. Таким образом, русский консул (резидент) в Крыму появился лишь в 1763 г.

При этом российской стороной велась кропотливая работа по усилению этнических противоречий внутри ханства. Дело в том, что по ряду причин объективного (различия в культуре, образе жизни и хозяйствования) и субъективного характера (большая экономическая зависимость от России, постоянное соприкосновение с русскими подданными, сложные отношения с жителями собственно Крымского полуострова), ногайцы, которые составляли около 40% населения ханства и занимали всю его территорию за пределами полуострова⁵⁷, больше склонялись к поддержанию добрососедских отношений с Россией, чем крымские татары. Эти-то противоречия небезуспешно использовали русские агенты⁵⁸.

В то же время с 1740-х гг. начались активные мероприятия по заселению так называемых «Заднепровских мест» (территории, расположенные южнее Днепровских порогов). Данному процессу во многом способствовало создание Украинской оборонительной линии. Ее строительство началось еще в 1731 г. на границе Малороссии и запорожских земель. Очевидно, что кроме чисто оборонительных целей (защиты внутренних районов Левобережной Украины от набегов крымских татар и иногда – запорожцев), Украинская линия имела своей целью создание форпоста для будущих военных операций русской армии против Крымского ханства, так как все прежние походы на Крым заканчивались неудачей во многом из-за огромного удаления армии от баз снабжения и госпиталей. Таким образом, с появлением Украинской линии, с чисто военной точки зрения, Крымское ханство становилось еще более уязвимым для российских войск.

Эти процессы, конечно, вызывали живое беспокойство в Стамбуле и Бахчисарае.

Потенциально не менее острый узел противоречий вызревал и на Северном Кавказе. Подданными крымского хана в то время на Кавказе были адыги, занимавшие левобережье Кубани, однако их зависимость от Крыма была чисто номинальной. «По крепости тех гор, в которых они живут, слушают их (ханов. – Р.Д.) в чем сами хотят»⁵⁹. Такая позиция адыгов провоцировала постоянные набеги на них крымских и кубанских татар. В результате не один раз различные адыгские племена заявляли о своем желании перейти в русское подданство. Одновременно и Санкт-Петербург, и Стамбул, и Бахчисарай активно вмешивались во внутренние дела формально независимой Кабарды, обвиняя друг друга при всяком удобном случае в нарушении пунктов Белградского мира 1739 г.

Таким образом, в эти «мирные» годы шло упорное соперничество между Россией с одной стороны, и Османской империей и Крымским ханством – с другой, за гегемонию в Северном Причерноморье и на Кавказе. Лишь нескончаемая череда малых и больших европейских войн в 1740–1750-е гг., на наш взгляд, отодвинула дальнейшие попытки России решить те задачи, которые она ставила перед собой в ходе войны 1735–1739 гг. Понимая это и учитывая опыт предыдущий войны, Османская империя начала готовить благоприятный внешнеполитический фон перед началом неизбежного нового столкновения с Россией. Так, в ходе Семилетней войны Стамбул вел переговоры о союзе с Пруссией (договор между двумя странами был подписан в 1761 г.)⁶⁰ и лишь «странный» выход России из войны с Пруссией в правление императора Петра III и заключение русско-прусского союзного договора расстроило планы Турции.

Примерно такие же настроения, как в Османской империи, присутствовали и в Крымском ханстве, которое с конца 1750-х гг. начало проводить ярко выраженную антироссийскую внешнюю политику⁶¹, нередко идя и на прямые нарушения русско-турецких договоров

(например, вмешательство в польские дела). Конечно, враждебность крымских ханов к своему северному соседу можно объяснить, учитывая постоянные столкновения крымских и российских интересов на приграничных территориях, ведением Россией подрывной деятельности среди подвластных хану ногайцев и адыгов, а также проведением российским резидентом в Крыму, говоря современным языком, «деятельности, несовместимой с дипломатической»⁶².

Таким образом, политика всех причерноморских стран в 40–50-х гг. XVIII в. лишь нагнетала напряженность в регионе и приводила к углублению взаимных противоречий. Хотелось бы особо отметить, что по нашему мнению, основная причина созревания предпосылок новой русско-турецкой войны заключалась в нерешенности ключевых региональных проблем в результате заключения Белградского мира 1739 г. Так, Россия не смогла решить насущных геополитических и экономических задач в ходе войны 1735–1739 гг. Османской империи не удалось установить гегемонию на Кавказе и сохранить в Северном Причерноморье относительно комфортное для себя положение, сложившееся после Прутского поражения России. Крымское ханство не только не обеспечило себе каких-либо геополитических и экономических выгод, – оно вообще утратило статус самостоятельной стороны конфликта и, со всей очевидностью, превратилось из субъекта политического процесса в его объект.

По нашему мнению, в планах российского правительства сразу после войны с Пруссией была подготовка к войне с Османской империей за Северное Причерноморье и Северный Кавказ. В тех условиях это могло означать только одно – стремление официального Санкт-Петербурга разрушить существующую систему военно-политической и религиозно-идеологической зависимости Крымского ханства от Османской империи. Не случайно почти сразу после восшествия на российский престол Екатерины II ей был представлен знаменитый доклад канцлера М.И. Воронцова «О Малой Татарии»⁶³. Глава российского

внешнеполитического ведомства в частности писал: «полуостров Крым местоположением своим столько важен, что действительно может почитаться ключом российских и турецких владений; доколе он останется в турецком подданстве, то всегда страшен будет для России, а напротив того, когда бы находился под российскою державою, или бы ни от кого зависим не был, то не токмо безопасность России надежно и прочно утверждена была, но тогда находилось бы Азовское и Черное море под ея властью».

Подготовка к неизбежной войне привела к тому, что резко активизировалась подрывная деятельность русской агентуры в различных областях Османской империи⁶⁴. Кроме того, с начала 1760-х гг. велось активное укрепление линии между Бугом и границей Украины с Крымским ханством в Новой Сербии, несмотря на то, что по Белградскому договору данная территория объявлялась нейтральной зоной. В 1763 г. в устье реки Темерник Россия начала постройку крепости св. Дмитрия Ростовского (Ростова-на-Дону), которая позволяла контролировать сообщение и торговлю Крымского полуострова и Кубани.

Весьма активны были действия России и на Кавказе. Весной 1763 г. в урочище Моздок началось возведение одноименной крепости. Строящаяся крепость стала ключевой в создаваемой Кизлярско-Моздокской линии укреплений. Благодаря своему расположению, она, во-первых, полностью контролировала наиболее богатые пастбищные земли князей Большой Кабарды, а во-вторых, по словам Крым-Гирей-хана, находилась на таком месте, которое «есть единое полному проезду и сообщению дагистанов с кубанцами и крымцами», и если она будет достроена до конца, то «всякое сообщение у татар с дагистанцами вовсе пресечено будет»⁶⁵. Крепость была достроена в 1765 г., получив 40 пушек и мощный гарнизон.

Не стоит полагать, что подобные действия предпринимались лишь одной стороной. Османская империя, например, активно модернизировала армию и флот, усиливала укрепления и гарнизоны своих северочерноморских и кавказских оборонительных линий. Крымский хан

в 1759 г. перевел часть ногайцев из Буджака на левый берег Днепра и поселил их между реками Белозеркою и Рогачиком⁶⁶ (что было запрещено Белградским договором). В июне 1765 г. кубанский сераскер (наместник крымского хана на Кубани) совершил крупную военную диверсию в районе российского Кизляра и был отбит с большим трудом⁶⁷.

Таким образом, все соперничающие в Северном Причерноморье стороны были готовы к новой войне. Лишь польский вопрос, зародившийся в начале 60-х гг. XVIII в. несколько отсрочил начало нового военного конфликта. Уже в 1762 г. тяжело больной польский король Август III фактически отошел от дел. В этих условиях наиболее вероятным претендентом на престол становился кандидат из династии Веттинов, связанных родственными отношениями с австрийскими Габсбургами. Подобное развитие событий устраивало не только Венский двор, но и Францию, так как создавало враждебную Пруссии (а по необходимости и России) мощную германо-польскую коалицию. Попадание же Речи Посполитой под сильное влияние австрийской, а особенно французской политики, было для России неприемлемо. Очевидно, что в подобных обстоятельствах естественным союзником России становилась Пруссия. Это привело к заключению в апреле 1764 г. военно-политического русско-прусского союза⁶⁸, благодаря которому бывший фаворит Екатерины II граф Станислав Понятовский стал польским королем Станиславом Августом. Проводившаяся королем пророссийская политика привела к началу гражданской войны в Речи Посполитой. Польская оппозиция (Барская конфедерация), официально обратилась к Османской империи с просьбой о военной помощи⁶⁹. Турции и ее союзнице Франции показалось, что настал благоприятный момент для решения вопроса силовым путем, и в 1768 г. началась война, которая изменила политическую карту Северного Причерноморья⁷⁰.

Таким образом, инициатива начала военного конфликта исходила от Османской империи, которая в

тот момент находилась в куда более выгодном внешне-политическом положении, нежели Россия. Отсюда и разность стратегических целей войны двух империй. Турецкое командование рассчитывало, собрав армию в 300 тыс. человек, начать наступление на Каменец-Подольский и, соединившись с Барскими конфедератами, выдавить русские войска с территории Речи Посполитой и двинуться на Киев и Смоленск. Вспомогательный удар предполагалось нанести на Северном Кавказе и Южной Украине с помощью войск крымского хана⁷¹. Кроме того, в районе Азова и Таганрога планировалось высадить крупный десант, присоединить к нему 50 тыс. горцев Северного Кавказа и наступать в сторону Астрахани⁷². С целью привлечения на свою сторону жителей Северного Кавказа, эмиссары крымского хана еще до официального объявления Османской империей войны России прибыли в Большую Кабарду и склоняли горцев к совместному выступлению против России⁷³.

Цели, которые российское правительство ставило в ходе войны, были более чем скромными – добиваться свободного мореплавания по Черному морю и стараться получить удобную гавань и какую-либо крепость на побережье⁷⁴. То есть тяжелая внешнеполитическая обстановка вновь заставляла российское правительство откладывать вопрос о статусе Крымского ханства.

Тем не менее, ход войны сразу изменил планы сторон. Началось все со страшного по своей опустошительности набега крымского хана в 1769 г. на Украину. Военного значения этот поход не имел, а был настоящим грабительским набегом, целью которого, по словам тогдашнего французского резидента в Крымском ханстве Рюффена, было «разорить колонии, цветущее состояние которых возбуждало зависть соседей и которые рассматривались как новшество, не предусмотренное трактатами; заинтересовать добычей татарскую нацию, не получавшую от Порты никакой платы...»⁷⁵. Этот набег имел большое значение для Крыма, но только со знаком минус. Он привел, с одной стороны, к скоропостижной смерти энергичного

и талантливому в военно-организационном отношении Крым-Гирей-хану, а, с другой стороны – к занятию российскими войсками так называемых «барьерных» земель и восстановлению Азова и Таганрога. Одновременно в устье Дона развернулось строительство российской военной флотилии⁷⁶. Эти мероприятия с очевидностью (в том числе и для современников) свидетельствовали о предстоящем наступлении на Крым. То есть Россия уже на начальном этапе войны, отошла от первоначального плана в отношении Крымского ханства, предполагавшего лишь оборону на указанном направлении⁷⁷.

Касаясь основного театра военных действий, отметим, что здесь российская армия достигла блестящих успехов. Российские войска в 1769 г. заняли Хотин, Яссы и Бухарест⁷⁸, а в начале кампании 1770 г. нанесли поражение туркам у Фокшан и отразили их общее наступление под Журжей и на Бухарест, что окончательно позволило России завладеть стратегической инициативой.

Эти победы, а также фактическая блокада Крымского ханства привели к расколу в правящей верхушке ханства. Так, уже к исходу 1769 г. в Крымском ханстве некоторые беи и мурзы начали вести активные консультации с российскими агентами о переходе под российский протекторат, а солтанаульские ногайцы, кочевавшие на правом берегу Кубани, в ноябре 1769 г. вступили в подданство России⁷⁹. В связи с этим, новый командующий Второй армией П.И. Панин получил императорский рескрипт от 16 октября 1769 г., состоящий в том, «... что Ее Величество заблагорассудить изволила сделать испытание, не можно ли будет, при настоящих войны обстоятельствах, Крым и все Татарские народы отвлечь от Оттоманской Порты внушением им мыслей к составлению у себя ни от кого независимого правительства, обещивая с своей стороны подавать им действительные к тому вспоможения»⁸⁰. Без сомнения, говорить в это время о какой-то «дипломатической подготовке присоединения Крыма к России»⁸¹ абсолютно неправильно. Более того, на рубеже 1769–1770 гг. сложилось мнение, что необходимо действовать

в обход крымского хана, склоняя буджаков и едисанцев (крупнейшие ногайские орды) к отделению и от Крымского ханства, и от Османской империи. Наиболее четко эта позиция нашла отражение в записке П. Бакунина⁸² на имя Н. Панина от 17 декабря 1769 г.⁸³ и в записке П. Веселицкого⁸⁴ генералу П. Панину от апреля 1770 г.⁸⁵ Речь шла о фактическом расчленении Крымского ханства и создании буферного ногайского государства под контролем России. Тем не менее, российское правительство не исключало и более глобальной задачи – ликвидации политической и военной зависимости Бахчисарая от Османской империи⁸⁶. Анализируя текст протокола заседания Государственного Совета от 15 марта 1770 г., Е.И. Дружинина совершенно справедливо отмечала, что в это время была конкретизирована первоначальная формулировка целей войны, которые условно разделялись на две последовательные стадии:

«1. По договору с Крымским ханством Россия получала на черноморском побережье какой-нибудь порт и ряд опорных пунктов, что открывало перспективы для развития русской черноморской торговли и в то же время препятствовало восстановлению турецкого владычества над Крымом.

2. По договору России с Оттоманской империей Крымское ханство становилось независимым, что означало подтверждение со стороны Турции договора с татарами также и в части предоставления России порта и опорных пунктов в Крыму»⁸⁷.

Любопытно, что эти цели России в далеком 1770 г., вероятно, не совсем вписываются в идеологическую систему современной украинской исторической науки. Даже один из лучших специалистов по истории ногайцев Северного Причерноморья и Кубани Владислав Грибовский в своей статье «Обставини та хід переміщення причорноморських ногайців до Північно-Західного Кавказу на початку 70-х років XVIII ст.» не удержался от искажения фактов и, ссылаясь на исследование Е.И. Дружининой, указал, что «на втором заседании Совета 15 марта 1770 сформулиро-

валось задание включить Крым в состав России, или, как минимум, объявить его независимым от Порты»⁸⁸, чего, как мы отметили выше, не было и в помине.

В июне–июле 1770 г. российские войска добились того, чего не удавалось сделать никогда ранее. В битвах при Рябой Могиле и Ларге были полностью разбиты основные войска Крымского ханства под командованием Каплан-Гирей-хана с приданной им турецкой пехотой и артиллерией. После поражения при Ларге союзник турецкого султана – крымский хан – фактически прекратил активные действия до конца кампании. Кроме того, эти победы открыли российской армии путь к овладению устьем Дуная и всей территорией по Пруту и Днестру. Сметя турецкие войска в Кагульской битве, российская армия под командованием П.А. Румянцева к началу осени 1770 г. овладела Бендерами, Измаилом, Килией и Браиловым. В результате, все пространство между Днестром и Прутом перешло под контроль русских войск. Турецкая армия была загнана за Дунай и уже не смогла выбраться оттуда на протяжении последующих кампаний. Успешны были и действия российского флота в Средиземноморье, который уничтожил наиболее боеспособные турецкие военно-морские силы в проливе Хиоса и перерезал турецкие коммуникации с Архипелагом⁸⁹.

Первые успехи России на театре военных действий существенно осложнили ее внешнеполитические позиции. Действия в Польше вызывали раздражение Венского и Берлинского дворов (хотя последний и был союзником России, но стремился к разделу Речи Посполитой, контролируемой российским ставленником), а оккупация Молдавии и Валахии довели до крайней степени раздражение Габсбургов, считавших эти княжества «естественным» продолжением своих земель. К этому добавился произошедший в 1769 г. переворот в Швеции, когда профранцузская партия во главе с кронпринцем Густавом в парламенте одержала убедительную победу, что, несомненно, угрожало России войной на два фронта (правда, уже в 1770 г. шведская угроза была ликвидирована из-за парламентского кризиса в королевстве).

Кроме осложнений, в международных делах были и несомненные успехи. Так, победы русского оружия заставили Ингушетию и Восточную Осетию покориться России⁹⁰, что позволило Российской империи фактически установить гегемонию на Северном Кавказе. Самое главное – эти победы поставили под вопрос целостность Крымского ханства как государства. 20 февраля 1771 г. прибывшая в Санкт-Петербург представительная делегация наиболее многочисленных Буджакской и Едисанской ногайских орд, в торжественной обстановке официально оформила свое отделение от Османской империи и свою независимость под протекторатом Российской империи⁹¹. После этого Россия стала ведущей силой в Северном Причерноморье, а нахождение остальной части Крымского ханства под сюзеренитетом Османской империи со всей очевидностью становилось анахронизмом прежних времен. Тем более, как писала Екатерина II: «можно считать его (крымского хана. – Р.Д.) за принца, которого словно обобрали ибо часть его подданных, три орды: аккерманская, буджацкая и едисанская – перешли на сторону России. Крым остается за ним, но там две партии, большая половина расположена к нам, другая склоняется к миру, и никто не имеет желания сражаться, потому что они видят, что самая сильная опора их – турки – не в состоянии помогать им»⁹².

Таким образом, к началу 1771 г. сложившаяся ситуация поставила Крымское ханство не только на грань военного поражения (как и Османскую империю), но и на грань распада государства как социально-этнической и политической целостности. Отделение ногайских орд, обеспечивающих влияние ханства в причерноморских, азовских и кубанских землях, на наш взгляд, со всей очевидностью обрекло ханство в будущем на вынужденную смену политической ориентации. Кстати, напомним, что к январю 1772 г. практически все причерноморские ногайцы (80 тыс. кибиток или около 400 тыс. человек) в составе основной массы Буджакской, Едисанской, Джембойлуковской, Едишкульской орд и киргизов, ра-

нее находившихся в Крымском ханстве, по настоянию российских властей откочевали на правый берег Кубани⁹³ и в степи Северо-Западного Кавказа, фактически, заняв в регионе место отправившихся в Джунгарию весной 1771 г. калмыков.

Сложная внешнеполитическая обстановка требовала от России скорейшего заключения мира, однако Санкт-Петербургу нужна была большая победа. По плану кампании 1771 г., одобренному на заседании Государственного Совета 11 ноября 1770 г., основной удар планировалось нанести по Крыму с целью овладения полуостровом. Нужно ли это было с военной точки зрения? Безусловно. Как отмечала сама Екатерина II «велико и знатно быть может приращение силам и могуществу российскому из их (крымских татар. – Р.Д.) от власти турецкой отторжения... Оттоманская Порта... претворится в небытие моральное, потому что ей не кем и с некоторой стороны неудобство будет делать никаких важных предприятий на российские границы, да и тем же самым положится навсегда новое и довольно важное препятствие переводить ей свои войска через Дунай, имея тогда в правом боку независимых от нея татар»⁹⁴. Кроме военного аспекта, оккупация Крыма была важна и с политической точки зрения. Во-первых, пока территория Крымского полуострова с находящимися там турецкими гарнизонами не будет завоевана, не могло быть и речи о том, чтобы склонить Порту к признанию независимости Крымского ханства. Во-вторых, в отличие от ногайских орд, которые удалось оторвать от Турции преимущественно мирными способами, в крымском обществе не было единства по данному вопросу. Подобная ситуация вынуждала российское правительство «подтолкнуть» элиту Крымского ханства к «правильному» с точки зрения Санкт-Петербурга решению – разрыву вассальных отношений с Османской империей.

В первые два месяца лета 1771 г. российские войска вторглись в Крым и, встречая незначительное сопротивление, овладели побережьем полуострова с городами Козлов

(Гезлев) и Судак, а также выбили турецкие гарнизоны из Кафы, Керчи и Еникале. После этого, 25 июля 1771 г. в Карасубазаре крымская знать совершила переворот, избрав на ханский трон Сахиб-Гирея. Его брат Шагин-Гирей (фактический глава «русской партии» в Крымском ханстве) занял вторую по значимости должность – калги-султана. В присяжном листе объявлялась политическая независимость Крымского ханства от Османской империи и декларировалось, что «...по подписании сего надлежит из всех крепостей выгнать турецкое войско и занять все крепости и пристани российскими гарнизонами»⁹⁵. Ни о каком «желании быть в российском подданстве», как ошибочно полагает Н. Саламова⁹⁶, в этом документе речи не шло. Более того, крымское общество, оказав существенную помощь российским войскам в деле освобождения полуострова от турецких гарнизонов, судя по всему, совершенно не рассчитывало, что «...России... необходимо получить крепости Керчь и Еникале, а также гавань в Кафе»⁹⁷. Известно, что Сахиб-Гирей-хан практически сразу начал протестовать против пребывания в крымских крепостях русских гарнизонов⁹⁸. Начались русско-крымские переговоры, которые должны были закончиться подписанием договора между двумя государствами. Армия князя Долгорукова покинула Крым, оставив на полуострове небольшой корпус под командованием Ф. Щербатова⁹⁹. Это, на наш взгляд, однозначно свидетельствует о том, что Россия была настроена не на оккупацию Крыма, а на ведение диалога с новым правительством Крымского ханства дипломатическими методами.

Тем временем, на дунайском театре военных действий армия Румянцева смогла сдержать попытки превосходящих сил противника переправиться на левый берег Дуная. Успешные действия русских войск, внешнеполитические перемены (колебания империи Габсбургов, связанные с подготовкой первого раздела Польши) и внутренние затруднения (истощение казны, недовольство народа, восстание в Египте и в Палестине) вынудили Турцию пойти на мирные переговоры, которые

завершились заключением в мае 1772 г. перемирия, однако переговоры о заключении мира на Фокшанском и Бухарестском конгрессах провалились. В надежде на международную поддержку (прежде всего – на помощь Франции и Австрии) представители Османской империи настойчиво отказывались от российских предложений. Тем временем российским эмиссарам удалось убедить крымского хана в необходимости отложения от турок. 1 августа 1772 г. Российская империя официально признала «Хана Крымского независимым владетелем, а область Татарскую в равном достоинстве с прочими подобными свободными и под собственным правительством состоящими областями»¹⁰⁰. 1 ноября 1772 г. в Карасубазаре был заключен союзный договор с Крымским ханством, согласно которому это государство объявлялось независимым ханством под покровительством России. При этом Россия получала крепости, контролирующие Керченский пролив (Керчь и Еникале).

Карасубазарским договором завершился длительный этап русско-крымского противостояния. Крымское ханство оказалось оторвано от Османской империи политически и, как совершенно справедливо отмечала С.Ф. Орешкова, «складывались новые условия существования государственности крымских татар – не как вассала Османской империи, а как самостоятельного государства, хотя и находящегося в сфере влияния Российской империи»¹⁰¹. Победами своего оружия и дипломатии Россия смогла добиться еще и огромной стратегической победы – она стала доминирующей силой в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе. Все это привело к поистине тектоническим сдвигам как в региональной, так и в общеевропейской политике.

Пятый этап (1772–1783 гг.):
«независимость» Крымского ханства
под «покровительством» России

Следующий этап процесса присоединения Крыма к России относится к периоду его формальной независи-

мости (1772–1783 гг.), который характеризовался двумя основными моментами – стремлением России добиться от Османской империи признания независимости ханства и одновременным стремлением обеспечить комфортное для России политическое и экономическое устройство этого государства.

С августа 1772 г. Крымское ханство было признано Санкт-Петербургом независимым государством, а с ноября того же года Россия стала гарантом этой независимости и получила на территории ханства ряд крепостей. Указанные геополитические изменения в Причерноморье совпали с проведением очередного русско-турецкого мирного конгресса – Бухарестского, в котором основными пунктами были: независимость Крымского ханства, гарантированная Россией; свобода мореплавания и статус крепостей Керчь и Еникале¹⁰². Это были весьма сложные переговоры, в ходе которых Османская империя, обремененная очередным ухудшением русско-шведских отношений, заняла достаточно жесткую позицию. Не стоит сбрасывать со счетов и ухудшение внутривосточной ситуации в самой России. Так, в первой половине 1771 г. из пределов России в Китай откочевала основная масса калмыков (от 60% до 70%)¹⁰³, игравших огромную роль как в сдерживании кубанских ногайцев¹⁰⁴, так и в склонении основной массы кабардинцев к подданству России в 1769 г. (не случайно после принятия присяги на верность России наиболее влиятельный кабардинский князь Касай Атажукин приехал к наместнику Калмыцкого ханства Убахе и «взошел в кибитку, целовал у наместника руку и полу»)¹⁰⁵. Уход калмыков уже в 1771 г. привел к отступлению российских войск на Кавказе к Моздокской линии, в результате чего Россия в течение нескольких лет занимала в регионе исключительно оборонительную позицию, отказавшись от наступательных действий. К откочевке калмыков стоит добавить волнения казаков Яицкого войска, которые уже с 1771 г. практически парализовали военно-административную жизнь Оренбургской губернии¹⁰⁶ и волнения, охватившие в 1772 г. всю

территорию Войска Донского, из-за автономистских (на грани с сепаратистскими) действий атамана Ефремова¹⁰⁷. Таким образом, не случайно, что к началу 1773 г. русско-турецкие переговоры провалились.

Неудача Бухарестского конгресса делала неизбежной продолжение военных действий, в которых российскому оружию необходимо было одержать новые громкие победы, чтобы помочь политикам заключить устраивающий Россию мир – однако кампания 1773 г. закончилась относительно неудачей. Дунайская армия, ослабленная в связи с отправкой частей на русско-шведскую границу, не смогла закрепиться на правом берегу Дуная. В результате на Дунайском театре военных действий возникло равновесие сил между противостоящими сторонами. В это же время произошли столкновения российской эскадры с турецким флотом в районе Балаклавы и Суджук-Кале. Российские корабли смогли отогнать турок от берега, не позволив высадить десант, однако стратегической инициативой на Черном море, безусловно, владели турки.

Срыв мирных переговоров и относительные успехи турецкого оружия существенно усилили протурецкую партию в Крыму. Как отмечал В.Д. Смирнов, «ободренные уступчивостью России на Букурештском конгрессе... а также и некоторыми последовавшими за тем успехами османского оружия, крымские татары, то есть собственно партия, желавшая возвратиться в турецкое подданство... стали опять заискивать у Порога Счастья (султанского престола. – Р.Д.), начав присылать одно за другим письма»¹⁰⁸. В 1773–1774 гг. в Крымском ханстве сложилась очень опасная политическая ситуация, грозившая расколом правящей элиты и гражданской войной. В среде политической элиты сформировались две противоборствующие партии – русской и турецкой ориентации. Первая группа, выступавшая за модернизацию страны по европейскому образцу, группировалась вокруг брата хана – калги-султана Шагин-Гирея. Эта группа имела мощную поддержку в лице во многом ориентированной на Россию ногайской знати. Идейным и, судя по всему,

финансовым вдохновителем протурецкой партии считался один из предыдущих ханов – Девлет-Гирей, ранее смещенный Портой за военные неудачи. После занятия Крыма русскими войсками Девлет-Гирей находился при трапезундском губернаторе сераскире Хаджи-Али-Паше, собирая войска и готовя с ним десантную операцию в Крым. Крымский же правитель Сахиб-Гирей-хан колебался, находясь под давлением двух сторон, и никак не противодействовал мятежникам¹⁰⁹. Эта ситуация приводила к нарастанию антироссийских настроений на полуострове, убийствам отдельных военнослужащих и повсеместному угону лошадей россиян. Дошло до того, что весной 1774 г. во многих мечетях Крыма муллами читались молитвы об избавлении Крыма «от рук неверных»¹¹⁰. Внутрироссийские дела также вызвали беспокойство. На Южном Урале и в Поволжье разгоралось широкое антиправительственное движение, которое, в дальнейшем, потрясет основы Российского государства – «Пугачевщина»¹¹¹.

В этой ситуации российские правительственные круги стремились как можно быстрее заключить мир с Османской империей. Было решено пойти даже на уступку Керчи и Еникале татарам и удовлетвориться Кинбурном, взятым у турок¹¹². Совершенно очевидно, что в условиях предполагаемого сохранения инвеституры султана на утверждение хана и назначение судей в Крымском государстве, а также религиозного верховенства султана (как халифа всех мусульман-сунитов) над крымскими татарами, потеря Россией Керчи и Еникале означала существенное ослабление влияния Санкт-Петербурга на политические процессы в независимом Крымском ханстве.

При сложившемся положении большое внимание уделялось предстоящей военной кампании 1774 г. В общих чертах она предполагала отвлечь внимание противника осадой Очакова и активизацией российского флота в Архипелаге. Тем временем основные российские силы должны были ударить на Шумлу (Болгария), искать генерального сражения с главной турецкой армией и,

победив ее, принудить визиря к заключению немедленного мира¹¹³. Тем не менее, ситуация для России, ослабленной войной и восстанием Е.И. Пугачева, неожиданно осложнилась еще и тем, что 21 января 1774 г. скончался султан Мустафа III, «фатальному несчастью которого и упрямству турки приписывали все свои неудачи и поражения»¹¹⁴. Естественно, что приход к власти нового правителя – Абдул Хамида I – существенно усилил рваншистские настроения в турецкой армии и в обществе. Правда, правительство Порты в лице великого визиря и реис-эфенди (чиновник, занимавший пост, соответствовавший посту министра иностранных дел или государственного канцлера), с деятельной подачи прусского и австрийского послов, вело активную переписку с графом Румянцевым, на которого были возложены в том числе и функции по ведению мирных переговоров. При этом условия, предлагаемые Османской империей, были для России неприемлемы¹¹⁵, а изложение Румянцевым в ответной ноте компромиссного варианта, предполагавшего существенные уступки от позиции России на Бухарестском конгрессе¹¹⁶, имело обратный эффект, убедив великого визиря в слабости противника.

Таким образом, Румянцеву оставалось принудить турок к миру военными методами. В мае-июне 1774 г. российские войска одержали блестящие победы у Абтату, Туртукая и Козлуджи и, заняв города Базарджик и Эни-Базар, осадив Силистрию и Руцук, вышли к окрестностям Шумлы (ставка турецкого командования на Дунайском театре военных действий). Османское предложение о перемирии было жестко отвергнуто Румянцевым, стремящимся к заключению полноценного мира¹¹⁷. Посланные визирем уполномоченные на заключение мира нишанджи (глава султанской Канцелярии, хранитель государственной печати) Ресми-Ахмет-эфенди и новый реис-эфенди Ибрагим-Мюниб застали ставку Румянцева в деревне Кючук-Кайнарджи. Ход этих быстротечных переговоров подробно описан в Журнале российского полковника Христофора Петерсона¹¹⁸. Как известно, уже 10 июля был

подписан знаменитый Кючук-Кайнарджийский мирный договор¹¹⁹, увенчавший славою как Румянцева, так и всю Россию. Основными приобретениями России по условиям мира можно считать:

- признание независимости татар крымских, кубанских и др., остающихся в ведении султана только по делам вероисповедным;

- удержание Россией за собой Керчи, Еникале, Азова и Кинбурна с округой;

- признание российского сюзеренитета над Большой и Малой Кабардой;

- приравнивание русских торговых кораблей в турецких водах по юридическим правам к французским и английским;

- признание за Россией права защиты и покровительства христиан в Дунайских княжествах, которые, в свою очередь, получили значительные права автономии;

- отсутствие запрета на пребывание российского военного флота в Черном море;

- официальное признание Стамбулом императорского титула российских государей (то есть признание равенства статуса российского государя статусу турецкого султана).

Казалось бы, вот оно, долгожданное признание Блистательной Портой независимости (а фактически перехода под покровительство России) Крымского ханства, однако не все было так просто. Уже после заключения мира (вести до Крыма еще не дошли), в июле 1774 г. на Крымском полуострове был высажен сильный турецкий десант (по разным оценкам 20–35 тыс. человек). Практически сразу вспыхнул мощный антироссийский мятеж в Старом Крыму и на Керченском полуострове. Ситуация столь накалилась, что российский резидент (посланник) Веселицкий был арестован прямо в ханской ставке и передан турецкой стороне, а отдельные части 2-й русской армии вели кровопролитные бои в отрыве от командующего, основных сил и баз снабжения¹²⁰. Лишь известие о мире развело противоборствующие силы. Было ясно, что новый

российский «союзник» в лице Крымского ханства весьма нестойк и склонен к антироссийским выступлениям. Поэтому странно, что некоторые современные авторы говорят о фактическом переходе Крыма под протекторат России после договора 1774 г.¹²¹ и тем более – об установлении там колониального режима¹²². Действительно, после договора Россия получила эффективные инструменты воздействия на крымскую политику. Этими инструментами были, во-первых, крымские крепости (Керчь и Еникале); во-вторых, новые государственные границы, благодаря которым Крым оказался с трех сторон окруженным русскими землями; в-третьих, возрастающее могущество России, которое ставило ее сравнительно с Турцией в более выгодное положение относительно Крыма. При этом не стоит забывать, что Кючук-Кайнарджийский мир сохранил религиозную зависимость татар от турецкого султана – халифа «всех правоверных». За Турцией сохранялся мощный центр влияния в регионе – крепость Очаков. Кроме того, почти все производство и вся внешняя торговля ханства были ориентированы исключительно на турецкий рынок¹²³. То есть в религиозно-идеологическом и экономическом отношении Крымское ханство продолжало оставаться зависимым от Османской империи. Вышеупомянутые факторы, ослаблявшие русское влияние в Причерноморском регионе, хотя бы частично могли быть «нейтрализованы» присутствием российских войск на полуострове, однако русское правительство, заинтересованное в быстрой ратификации выгодного мирного договора 1774 г., начало вывод своих войск из Крыма. В Петербурге тогда полагали, что «...надобно стараться оставить ныне татар при собственных их распоряжениях и таким поведением приучить Порту к оставлению их с ее стороны в полной их вольности и независимости»¹²⁴.

Очевидно, что в указанных выше условиях решение российского правительства о выводе войск с полуострова являлось поспешным. Поэтому не случайно практически сразу после вывода войск с территории ханства там произошел протурецкий мятеж Девлет-Гирея, ставше-

го новым крымским ханом. К осени 1776 г. быстрыми темпами со стороны Османской империи и Крымского ханства происходила ревизия договоров 1772 и 1774 гг., апофеозом которых стал односторонний разрыв Девлет-Гирей-ханом Карасубазарского трактата с одновременным объявлением кабардинцев ханскими подданными, а также приостановление Османской империей контрибуционных выплат России с требованием «...отступить от независимости татар, возвратить Кинбурн и оставить ей во владение Таман».

В этой связи необходимо отметить один существенный момент, без которого будет не совсем ясен дальнейший ход событий. Приход к власти в Крымском ханстве Девлет-Гирея с его протурецкой ориентацией фактически расколол и так существенно уменьшившееся после российских завоеваний и откочевки ногайских орд на Северный Кавказ государство. Основная масса ногайцев не поддержала нового хана, самостоятельно очистив Тамань и Темрюк от турок и верных Девлет-Гирею отрядов¹²⁵. На территории Крымского полуострова были сильны пророссийские настроения (точнее, вероятно, это были настроения за независимость Крымского ханства).

Таким образом, после указанных выше событий, в конце 1776 г. российские войска вновь вступили на территорию Крымского ханства. Санкт-Петербург деятельно поддержал мятеж «пророссийской» партии в Крыму во главе с Шагин-Гирей-султаном¹²⁶. После успешного переворота российское правительство решило предоставить новому хану полную самостоятельность во внутренних делах, в то время как внешняя политика государства должна была согласовываться с российским посланником¹²⁷. Именно с этого времени и можно говорить об оформлении неких элементов российского протектората над Крымским ханством, поскольку важнейшим признаком двусторонних межгосударственных отношений, основанных на договоре о покровительстве, считается делегирование государству-протектору внешнеполитических прав опекаемого им государства при формальном сохранении признаков государственности.

Резкая смена внешнеполитических ориентиров нового правительства Крымского ханства, не очень взвешенная реформаторская деятельность молодого хана, а также деструктивные действия турецких властей¹²⁸ привели к страшному по своим масштабам антиханскому бунту в Крыму в конце 1777 – начале 1778 г., подавленному российскими войсками с помощью ополченцев из крымских христиан. Все это происходило на фоне подготовки Турции к новой войне, убийства агентами Османской империи пророссийски настроенного господаря Молдавского княжества Григория III Гики, присоединения Блистательной Портой к своей территории крымских земель в Бессарабии с созданием нового пашалыка (в него оказались включены Каушаны, Балта, Дубоссары и прочие земли до р. Буг¹²⁹ с административным центром в Бендерах), а также явно намечающегося общеевропейского кризиса, грозившего перерасти в полномасштабную европейскую войну. В указанных условиях российское правительство практически уверилось в скором вооруженном столкновении с Османской империей. В Санкт-Петербурге предполагали, что возникнет вероятность отступления из Крыма, так как при слабости российской черноморской эскадры и зачастую враждебно настроенной основной массы населения будет проблематично удерживать полуостров при высадке сильного турецкого десанта. В таком случае предполагалось разыграть «кубанскую карту», при которой ногайские орды отделились бы от Крыма с созданием «независимого» ханства под протекцией России. На заседании Государственного Совета России от 6 ноября 1777 г. было принято решение поручить фельдмаршалу Румянцеву-Задунайскому «убедить хана собственными поступками его к перемене поведения и сколь нужно ему держаться сдешних наставлений, соединить ногайские народы ласкою и деньгами под его послушание, перевести его самого, в случае объявления войны, на Кубанскую сторону, и разорить Крым как вину распрей и дабы турки не имели более способов там утвердиться (выделено нами. – Р.Д.)»¹³⁰. Вслед за этим последовало решение скло-

нить крымских христиан, активно поддерживавших российские войска, к выходу из Крыма на российскую территорию. В Санкт-Петербурге естественно предполагали, что месть крымским христианам со стороны антироссийски настроенных татар при попустительстве Османской империи в случае неблагоприятного развития ситуации может перерасти в широкомасштабную резню. Эвакуация христианского населения Крыма была практически полностью завершена к концу 1778 г.

Тем не менее, очередной военный русско-турецкий конфликт не случился, и с середины 1778 г. внешнеполитическая активность России была направлена на решение вопросов исполнения Турцией Кючук-Кайнарджийского договора и признания султаном ханского достоинства Шагин-Гирея. Время было выбрано весьма удачное в связи со сложившейся внешнеполитической обстановкой в Европе. Разгоралась борьба между Берлином и Веной за баварское наследство, также произошел разрыв между Францией и Англией из-за революции в Северной Америке. Роль России в европейских делах была столь велика, что ни одна группировка в такой ситуации не могла себе позволить с ней ссориться. В результате было оказано общее дипломатическое давление на Стамбул, которое и вынудило последний быть более сговорчивым в вопросе ратификации статей Кючук-Кайнарджийского договора и признания Шагин-Гирея ханом Крыма. Всего этого удалось добиться от Турции в марте 1779 г. в так называемой разъяснительной Айналы-Кавакской конвенции, которая подтвердила основные пункты Кючук-Кайнарджийского договора. Султан оставался духовным главой татар и должен был утверждать хана, однако в конвенции говорилось, что избранного татарами хана султан должен был утвердить в любом случае. Кроме того, по условиям конвенции Россия обязалась вывести свои войска из Крыма, что и было сделано к концу лета 1779 г. В документе была зафиксирована еще одна интересная деталь, характеризующая действительный статус Крыма. Россия обязалась передать Османской империи земли между Днестром

и Бугом, которые формально принадлежали Крымскому ханству¹³¹ и были зимой 1777–1778 гг. оккупированы турецкими войсками. Для соблюдения внешнего декорама в конвенции объявлялось, что Порты с ханом сами договорятся об уступке этих земель. Известный современный одесский исследователь, специалист по политической истории Южной Украины и Северного Причерноморья А.И. Третьяк, анализируя результаты Айналы-Кавакской конвенции, пришел к выводу, что «Россия де-факто, а в 1779 г. и де-юре признала протекторат Турции над Буджаком и Едисаном, ограничивая свои устремления только Крымским полуостровом и Кинбурном». Отсюда, автор заключает, что «как политико-правовые документы, так и ход последующих исторических событий позволяют сделать вывод не об одностороннем поглощении Крымского ханства, но о его разделе между Россией и Турцией»¹³². Это очень важный момент. Можно сказать, переломный для темы нашего исследования. Дело в том, что Крымское ханство в марте 1779 г. уже де-юре из субъекта политики превращается в ее объект (как за несколько лет до этого Речь Посполитая). Тем более, власть хана в прикубанских землях была также весьма ограничена его братьями-серакерами, которые, не претендуя на создание отдельного государства, установили прямые контакты с российской администрацией¹³³ (украинский исследователь В.В. Грибовский вообще полагает, что реальная власть на Кубани в это время сосредоточилась в руках российской военной администрации)¹³⁴.

Таким образом, после раздела Крымского ханства между Россией и Турцией в результате Айналы-Кавакской конвенции, дни этого государственного образования были сочтены. Хотя в российском правительстве еще не задумывались о прямой ликвидации ханства¹³⁵, сама логика событий уже предопределила судьбу государственности крымских татар.

После признания независимости Крымского ханства и вывода российских войск с полуострова Османская империя уже не могла открыто поддерживать протурец-

кую группировку в Крыму. Это, конечно, не означало, что Стамбул решил отказаться от своих планов возврата ханства в сферу турецкого влияния – просто методы изменились. Порта активно начала проводить подрывную деятельность на Таманском полуострове и на Кубани, где сепаратизм был издавна очень силен (помогало туркам то, что изменения этнического и численного состава населения после перехода сюда причерноморских ногайцев привели к напряженности с соседними горцами, а в начале 1780-х гг. в регионе еще и разразился сильный голод)¹³⁶. Наряду с этим усилилась работа по дискредитации хана в глазах народа через мусульманское духовенство и дервишей. Это было тем более легко, что хан своей политикой и так вызывал всеобщее недовольство. Ужесточение налогового бремени и произвол откупщиков, введение в обиход медных денег и рекрутский набор – все это не способствовало популярности хана. Вероятно, наибольшее возмущение татар, особенно знати и духовенства, вызывало стремление хана поступить на службу к российской императрице. В то время в Европе считалось обычным явлением получение чинов правителями небольших стран от опекавших их могущественных государств. Для народа и мусульманского духовенства это было непонятно и унижительно. Как владетельный и «самостоятельный» хан, избранный «всею народом», может поступить на службу, да еще к «неверным»? В Санкт-Петербурге же ошибочно посчитали, что при удовлетворении просьбы хана влияние России в регионе еще более усилится. Просьба хана была удовлетворена в октябре 1781 г.¹³⁷ После этого начались антиханские выступления на Кубани¹³⁸. Из доклада подполковника Лешкевича становится ясно, что уже к лету 1781 г. почти все ногайские орды перестали признавать свою зависимость от Крыма¹³⁹. В ответ российские войска переправились через реку Кубань и начали силой оружия принуждать ногайцев к покорности хану. Обескровленная область практически не оказывала сопротивления. Большая часть ногайцев предпочла покориться, некоторые ушли в горы.

Российская политика по отношению к своему южному соседу на данном этапе (лето 1781 г.) все еще продолжала строиться по принципам, сформированным в 1777–1778 гг.: Крымское ханство, являясь официально независимым государством, на самом деле во внешнеполитической и военной областях должно подчиняться Российской империи (протекторат).

В начале 1782 г. случилось событие, которое навсегда изменило судьбу и Шагин-Гирея, и Крымского ханства в целом. Недовольная правлением хана крымская элита решила воздействовать на Шагин-Гирея через муфтия. На следующий день ханом было совершено страшное с точки зрения мусульман преступление – муфтий был повешен. Весной 1782 г. на полуострове Тамань вспыхнуло восстание. Его возглавили братья хана – Батыр-Гирей и Арслан-Гирей. Очень скоро у Шагин-Гирей-хана не осталось защитников. Братья чуть было не захватили его в собственной резиденции. С небольшой свитой хан бежал в Керчь под защиту российского гарнизона. Становилось ясно, что без российских войск подавить восстание опять не удастся. При этом уже 15 июня 1782 г. посланник в Крыму П. Веселицкий докладывал в Санкт-Петербург, «...что крымцы, не желая ни Шагина, ни Батыра-Гирея султана над собой иметь ханом, подвергаютца в российское подданство в образе казанцов (на тех же условиях, что и казанские татары. – Р.Д.)»¹⁴⁰. Ситуация в Крыму и готовящееся к подписанию очень выгодное русско-турецкое торговое соглашение требовали от России осторожного подхода к решению крымской проблемы. Тем не менее, дальнейшие события на полуострове заставили Санкт-Петербург действовать решительно. После того, как Батыр-Гирей был провозглашен ханом, а турки, в нарушение Айналы-Кавакского договора, решили его признать в этом достоинстве, российские войска вступили в Крым. Сопротивления татары почти не оказывали, и мятежники быстро были схвачены, а Османская империя предпочла дипломатические демарши вместо военной помощи мятежникам.

Именно с этого момента можно говорить о деятельной подготовке присоединения ханства к России – тем более и внешнеполитическая ситуация этому способствовала. Во-первых, в мае 1781 г. Россия заключила союзный договор с империей Габсбургов, согласно которому в случае нарушения турками их договорных обязательств или объявления ими войны одной из договаривающихся сторон другая сторона должна была прийти на помощь в течение трех месяцев¹⁴¹. Во-вторых, Россия с 1779 г. являлась гарантом австро-прусского мира, достигнутого на Тешенском конгрессе, существенно влияя на стабильность во всей Центральной Европе. В-третьих, к октябрю 1781 г. Санкт-Петербург стал создателем и вошел в Лигу нейтральных государств, которые обеспечивали безопасность мировой морской торговли в условиях англо-франко-испано-голландского конфликта. В-четвертых, Россия и Австрия были приглашены в качестве посредников для переговоров по ликвидации англо-французского конфликта.

Итак, 14 декабря 1782 г. Екатерина II писала князю Г.А. Потемкину: «известно, что одним из главнейших поводом к распрям нашим с турками от давняго времени служил полуостров Крымский, из недр коего неоднократно обезпокоены были границы наши. Преобразование его в вольную и независимую область обратилось только в новыя для нас заботы со знатными издержками... В следствии того волю нашу на присвоение того полуострова, и на присоединение его к Российской Империи объявляем вам с полною нашею доверенностию, и с совершенным удостоверением, что вы к исполнению сего не упустите ни времени удобнаго, ни способов от вас зависящих»¹⁴². Шагин-Гирей, вернувшись на ханский престол на «русских штыках», проявлял поистине средневековую жестокость по отношению к своим противникам¹⁴³, что, по мнению И. де Мадариаги, могло подтолкнуть российскую императрицу к окончательному решению по лишении протекции крымского хана¹⁴⁴. Зная о готовности значительной части политического истеблишмента Крым-

ского ханства, уставшего от самодурства Шагин-Гирей и перманентного состояния гражданской войны, принять российское подданство¹⁴⁵, императрица Екатерина II, использовав как предлог нарушение турецкими частями границы в районе Тамани¹⁴⁶, манифестом от 8 апреля 1783 г.¹⁴⁷ ликвидировала Крымское ханство путем включения его в состав Российской империи. Сам Шагин-Гирей еще в конце февраля 1783 г. согласился отречься от престола в пользу России в обмен на ежегодное содержание в 200 тыс. руб. и получение в дальнейшем престола в Персии¹⁴⁸. Так закончилась более чем 300-летняя история Крымского ханства и очередной, пожалуй, наиболее важный и динамичный этап в процессе присоединения Крыма к России.

Десятилетний период независимости не принес ханству благоденствия. В условиях противостояния Российской и Османской империй в регионе нельзя было рассчитывать на сохранение независимого государства, занимающего столь важное геостратегическое положение. Поэтому вопрос на данном этапе стоял о том, в руки какой из империй упадет как перезревшее яблоко Крымское ханство. Очевидно, что при победе Османской империи в этой борьбе была бы только на время сохранена государственность крымских татар под покровительством Порты, и то с распространением власти хана лишь на Крымский полуостров.

Внешняя торговля России через порты Северного Причерноморья в конце XVIII века*

Виктор Николаевич ЗАХАРОВ,
доктор исторических наук, профессор
Московский государственный областной университет

Юлия Алексеевна ПОСПЕЛОВА
Московский государственный областной университет

Внешняя торговля России через Черное море имеет глубокие исторические предпосылки. Достаточно вспомнить знаменитый путь «из Варяг в Греки», расцвет которого в конце I тыс. н.э. способствовал становлению Древнерусского государства. Позднее, в XIV–XV вв., большое значение имели торговые связи гостей-сурожан, обосновавшихся в Москве, с генуэзскими колониями в Крыму, а через их посредничество – и со странами Средиземноморья. Расцвет Османской империи привел к тому, что Черное море оказалось под полным ее контролем, и торговое судоходство в его акватории было возможно только на турецких судах. Попытки России выйти к берегам Черного моря активизировались с конца XVII в., долгое время они не имели успеха. Тем не менее, уже в первой половине XVIII в. Россия стремилась наладить непосредственную торговлю через порты Черного и Азовского морей

* Статья подготовлена в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России 2009–2013 гг.». Государственный контракт № П-357 от 07 мая 2010 г.

со странами, находившимися под властью Османской империи, а также и всего бассейна Средиземноморья. По условиям Белградского мира 1739 г. русские купцы получили право торговать в портах Азовского и Черного морей, но они могли использовать только турецкие суда, поскольку военные и торговые корабли прочих стран в Черное море Турцией категорически не допускались¹⁴⁹. В 40-х – 50-х гг. XVIII в. имелось несколько попыток организовать компании с участием греческих и итальянских купцов с целью наладить торговые контакты Юга России с Константинополем и странами Средиземноморья через черноморские порты. Дальше деклараций о намерениях дело, как правило, не шло¹⁵⁰.

Более успешной была в конце 1750-х – начале 1760-х гг. деятельность российской привилегированной Темерниковской компании. Она отправляла товары за море от Темерниковской пристани, находившейся в нижнем течении Дона, там, где ныне находится город Ростов-на-Дону¹⁵¹. При этом в условиях, когда Турция по-прежнему в полной мере обладала берегами Черного моря, включая зависимое от нее Крымское ханство, российская торговля в азово-черноморских портах не могла свободно развиваться. Также были крайне затруднены торговые контакты с Россией ее потенциальных торговых партнеров в Средиземноморье, в Южной и Юго-Западной Европе. В то же время для развития внешней торговли на данном направлении существовали значительные потенциальные возможности, в частности, Россия могла наладить здесь экспорт зерна, другой сельскохозяйственной продукции плодородных южных районов страны. Таким образом, внешнеторговая активность России на Юге была одним из важных факторов, обусловивших ее стремление закрепиться в Северном Причерноморье.

Эта цель была достигнута в правление Екатерины II. В результате прошедших в тот период двух русско-турецких войн было положено начало непосредственной внешней торговли России через порты Азовского и Черного морей, что вскоре стало одним из важных факторов экономического развития страны.

Кючук-Кайнарджийский мир 1774 г. закрепил за Россией выходы к Черному морю: один – через устье Днепра, где к России отошла Кинбурнская коса с частью Днепровско-Бугского лимана, другой – через Керченский пролив, на берегах которого находились приобретенные Россией приморские укрепления Керчь и Еникале. Одновременно был получен «угол» степи между Бугом и Днестром – к югу от старой границы, установленной по Белградскому миру, а так же бывшие «барьерные» земли Приазовья до реки Еи¹⁵².

Еще более важным следствием мира в Кючук-Кайнарджи было открытие Черного моря для торговых судов России и других стран. В связи с этим из приобретенных Россией и вновь построенных портов Северного Причерноморья могли оправляться торговые корабли как под российским флагом, так и под флагами любых других стран, заинтересованных в непосредственных торговых контактах с российским рынком.

В 1774–1783 гг. освоение Северного Причерноморья происходило в условиях напряженной борьбы за Крым, который считался независимым, фактически же находился под влиянием то России, то Турции, что не могло не осложнять внешнюю торговлю. Несмотря на выгодные для России постановления Кючук-Кайнарджийского мира, торговые связи практически оказались почти невозможными¹⁵³. Включение Крымского ханства в состав России в 1783 г. и установление русско-турецкой границы по морским рубежам, начиная от устья Днепра и кончая устьем Кубани, существенно меняло соотношение сил России и Турции в пользу России, обеспечивая более благоприятные условия для развития российской внешней торговли, для фактического открытия Черного моря для торговых судов разных стран.

Итак, добившись для России права свободного выхода в Черное море, необходимо было обеспечить условия для развития в регионе торговли. Непростая политическая обстановка, стремление Турции вернуть потерянные земли, были перманентными условиями становления россий-

ской азово-черноморской торговли. Правительство было вынуждено действовать в столь сложных условиях.

Политика, направленная на развитие внешней торговли Азово-Черноморского региона, проводилась по нескольким направлениям: переселенческая политика, издание таможенного тарифа для Черного моря, введение дополнительных льгот для азово-черноморской торговли, привлечение иноземного купечества, заключение торговых договоров с иностранными державами.

Специальный таможенный тариф для Черного моря.

Дополнительные пошлинные льготы

Идея развития внешней торговли через порты Черного и Азовского морей требовала от правительства введения дополнительных пошлинных льгот для данного торгового направления. Уже через год после заключения Кючук-Кайнарджийского мира, в августе 1775 г., был издан специальный льготный «Тариф о сборе пошлин с привозимых и отвозимых товаров при портах Черного моря». Екатерина II поручила создание тарифа для Черного моря графу Иоганну Эрнесту Миниху, президенту Коммерц-Коллегии. Еще в январе 1775 г. Миних при участии членов Канцелярии таможенных сборов, статского советника князя Мещерского и коллежского советника Красильникова, составил новый тариф за зиму 1775 г. Источником сведений о товарах, включенных Минихом в тариф, были ведомости о привозимых к Темерниковской пристани, находившейся в нижнем течении Дона, и отправляемых от нее турецких, греческих и других товарах в период с 1764 по 1769 гг. и таможенные тарифы 1757 и 1766 гг.¹⁵⁴

По данному тарифу турецкие, левантийские и греческие товары, привозимые в Россию, а так же российские товары, вывозившиеся в Османскую империю, Левант и Грецию, облагались пошлиной, которая была в среднем на четверть меньше, чем в Петербургской таможне. С товаров всех остальных стран взималась пошлина, уста-

новленная общим для всей России тарифом 1766 г., так как эти товары привозились к Темерниковской пристани в очень незначительном количестве. С товаров, не указанных в тарифе, пошлина также взималась на четверть меньше¹⁵⁵.

Как известно, тарифом 1766 г. был запрещен привоз в Россию «европейских шелковых с золотом и серебром материй», однако через черноморские порты Екатерина II разрешила доставлять в Россию турецкие ткани, шитые золотом и серебром. Пошлина на них была уменьшена в три раза, относительно пошлины, установленной тарифом 1757 г.

Нужно отметить, что вступив в силу 4 августа 1775 г., тариф для портов Черного моря фактически начал действовать лишь с 5 февраля 1776 г., после издания указа о действии нового тарифа во вновь учрежденных таможах¹⁵⁶.

5 сентября 1782 г. был издан «Тариф о сборе пошлин с привозимых и вывозимых из Константинополя российскими купцами товаров постановленный между Российской империею и Портою Оттоманскою». Этот тариф уточнял тариф 1775 г. и создавался, в большей степени, с учетом интересов торговли Крымского полуострова¹⁵⁷, хотя и был издан до присоединения Крыма к России (1783 г.).

Кроме введения специального тарифа издавались указы, по которым вводились дополнительные пошлинные льготы для отдельных товаров. Так, указом 24 февраля 1784 г. уменьшалась пошлина на некоторые виды вин, ввозимых через черноморские порты¹⁵⁸.

В целях поощрения производства товаров жителями южных губерний, правительство запрещало ввоз тех или иных товаров. Например, в том же 1784 г. был запрещен привоз к черноморским портам «французской водки» «для одобрения подданных Наших в южных областях обитающих к заведению делания водки»¹⁵⁹.

Международные торговые договоры. Попытка избавиться от посредников

Еще одним направлением политики правительства по развитию торговли Азово-черноморского региона было налаживание торговых отношений с иностранными государствами. Международные торговые договоры, подписанные в 1780-х гг. Россией, в основном были нацелены на развитие торговли на Черном море. Неслучайно большинство из них было заключено со странами, с которыми было удобнее и ближе поддерживать торговые связи через черноморские порты, а именно – с Османской империей, империей Габсбургов, Португалией, Неаполитанским королевством (исключение составляет договор с Данией 1783 г.). Заключая международные торговые соглашения со средиземноморскими державами, Россия ставила перед собой задачу решить существенную проблему российской внешней торговли, которая состояла в господстве купцов-иностранцев, выступавших в качестве посредников между российским рынком и большинством стран зарубежной Европы.

Так, к середине XVIII в. в руках иностранцев находилась практически вся российская внешняя торговля, осуществляемая, главным образом, через северные порты (Санкт-Петербург, Архангельск). Англичане, голландцы и купцы из некоторых северо-германских городов вывозили на своих кораблях российский товар, купленный в Петербурге или Архангельске за сравнительно невысокую цену, и получали за его продажу за рубежом большую прибыль. Так описывает механизм продажи русских товаров в Италию в XVIII в. неизвестный автор записки «О полезности прямых сношений между Россией и Италией»: русские продавали свои товары в Петербурге, Риге и других портах иностранцам, являвшимся комиссионерами голландцев, англичан и немцев, которые везли их в Италию, получая, таким образом, четыре рода прибыли: от покупки товаров в русских портах, при первой транспортировке в Англию и Голландию, от следующей

– в итальянские порты и, наконец, от перепродажи их итальянцам. По его подсчетам, эта прибыль доходила до 100 %. За товары, купленные в Петербурге за 600 тыс. руб., за рубежом получали до 1 млн. 41 тыс. руб.¹⁶⁰

В связи с этим российским правительством неоднократно поднимался вопрос об установлении прямых торговых связей между Россией и ее торговыми партнерами. После открытия для России возможности свободно торговать через Черное море вопрос сделался особенно острым. Предпринимались, например, попытки установления прямых торговых отношений между Россией и итальянскими государствами. И.С. Шаркова на основании записок, обнаруженных в архиве Воронцовых, сообщает об идеях и планах установления прямых русско-итальянских торговых связей. Одна из записок составлена на французском языке около 1768 г. Ее автор остался неизвестным. В ней говорится о необходимости русским купцам взять торговлю в свои руки. Для развития русско-итальянской торговли автор предлагает учредить консульства в наиболее крупных итальянских портах. После заключения Кючук-Кайнарджийского мира, в сентябре 1774 г. в Коммерц-коллегию Сергеем Межениновым был представлен «План произведения российского торгу на Черном и Средиземном море с турецкою и итальянскими областями, с Венецианскою республикою и Архипелагиею», где автор надеется, что Турция и Итальянские государства «до сего российские товары чрез англичан и галанцов получали, а учреждением чрез Черное море коммерции... ис первых рук товары российские получать будут»¹⁶¹. К установлению прямых итало-русских торговых связей стремились многие итальянские государства, в том числе Неаполь, Венеция, Анкона. Особую активность в этом отношении они проявили в 80-е гг. XVIII в. Между ними даже шла некоторая борьба за получение права торговли с Россией в свои руки¹⁶².

Итогом дискуссии между Россией и Неаполитанским королевством явился торговый договор 1787 г. Третья и четвертая статьи трактата распространяли на жителей

обоих государств «льготы, пособия и покровительства», которые были дарованы «благоприятствующим народам». Екатерина II, «желая подать его сицилийскому величеству убедительный опыт предпочтительного благоволения», разрешила неаполитанским купцам платить во всех российских портах (кроме Риги) пошлину не золотыми «ефимками», а обычной земской монетой. Статья 5 значительно снижала пошлину с ввозимых в Россию на кораблях обеих держав неаполитанских вин. Также на неаполитанских купцов распространялось предусмотренное «Указом, служащим введением к общему российскому тарифу» право платить уменьшенную на 25% пошлину в портах Херсона, Севастополя, Феодосии и во всем Таврическом крае. В свою очередь, неаполитанский король Фердинанд IV соглашался снизить на 6% пошлины с ввозимых из России кож, сала, канатов, мехов и икры¹⁶³.

В то же время оставались постоянными и даже возрастали обороты прямой русско-итальянской торговли через Санкт-Петербург. По данным той же И. С. Шарковой, в период с 1769 г. по 1791 г. число кораблей, ушедших из Петербурга в итальянские порты, увеличилось в три раза¹⁶⁴. Таким образом, взаимное желание России и итальянских государств добиться устранения посредничества в торговле привели к увеличению прямых русско-итальянских контактов.

Создание центра южной торговли

Активный поиск российским правительством центра южной торговли был вызван объективными причинами. Целесообразно было создать один крупный город-порт, вложить в него определенные средства, ввести дополнительные льготы и привилегии для купечества этого города, а также для прибывающих в город иностранцев. Перечисленные мероприятия проводились российским правительством в отношении городов, которые предполагалось сделать торговыми столицами Юга России.

В литературе сложилось мнение о том, что до появления Одессы только Херсон был выделен правительством как будущий центр южной торговли – и именно этот город предполагалось сделать главным портом Новороссии. Тем не менее, в результате чумы, случившейся в городе в 1786 г., а также начавшейся вскоре русско-турецкой войны, завязавшаяся в Херсоне торговля была подорвана. После присоединения к России Очаковской области объектом внимания правительства сделалась Одесса, и уже в конце XVIII столетия она стала первым портом Юга России.

Нам представляется, что еще два города региона рассматривались правительством в качестве вероятных будущих столиц азово-черноморской торговли – Севастополь и Феодосия. Это подтверждается рядом указов, изданных в 70-е – 80-е гг. XVIII в. Во-первых, это указ 1784 г., по которому Херсон и еще два южных порта – Севастополь и Феодосия – первыми из южных портов – получили статус «открытых»¹⁶⁵. Купцам дружественных стран разрешалось на любой срок прибывать в «открытые» порты на кораблях или сухим путем. Херсон, Севастополь и Феодосия приравнивались к Санкт-Петербургскому и Архангельскому портам. Иностранные купцы, прибывавшие туда, могли пользоваться привилегиями, предоставлявшимися купцам в северных портах. Они получали право на свободу торговли, свободу вероисповедания. В случае войны на них распространялись правила «нейтральной системы».

Устанавливая торговые отношения с иностранными державами, правительство стремилось дать большие привилегии не только Херсону. Так, по договору с Францией 1786 г. подданные этой страны получали привилегии в шести российских портах: Петербурге, Москве, Архангельске, Херсоне, Севастополе, Феодосии¹⁶⁶. Торговый договор с Италией 1787 г. распространял на неаполитанских купцов право платить уменьшенную на 25% пошлину в портах Херсона, Севастополя, Феодосии¹⁶⁷.

Были и специальные меры, укрепляющие положение Феодосии. В 1787 г. Феодосия стала уездным городом Тав-

рической области вместо назначенного ранее Левкополя, по причине «лучшей удобства»¹⁶⁸. Именно в Феодосии создается монетный двор для производства российской монеты, хотя крупнейший монетный двор Крымского ханства располагался в Бахчисарае.

В 1798 г. Павел I подписал указ о присвоении статуса «порто-франко» на 30 лет Феодосии и Евпатории (к этому времени Севастополь становится преимущественно военным портом), как «двум первенствующим тамошним купеческим гаваням»¹⁶⁹. По этому указу как иностранцам, так и русским разрешалось ввозить в Феодосию и Евпаторию и вывозить из них товар беспошлинно. Кроме того, купцы получили право доставлять свой товар в любой другой город полуострова также без уплаты пошлины. Для вывоза товара из Крыма во внутреннюю Россию необходимо было уплатить пошлину, установленную тарифом 1797 г.

Данный указ, уникальный для торговли Юга последней четверти XVIII в., по видимому, был вызван надеждой российского правительства на развитие крымской торговли и «восстановления приморских наших городов Феодосии и Евпатории, более всех к отправлению торговли способствующих и в вящий упадок пришедших»¹⁷⁰. Кроме того, это могла быть экспериментальная попытка, позволявшая проверить, к какому результату приведут столь радикальные меры на Юге. Вопрос о введении порто-франко в портах азово-черноморского региона к тому времени уже обсуждался в правительстве. Известно, например, что в 1798 г. Афанасием Кесоглу было внесено предложение об учреждении порто-франко в Одессе. Эксперимент не удался, и в следующем 1799 г. был издан указ о восстановлении в Крыму таможен и таможенных застав¹⁷¹. В Одессе, где активным сторонником введения порто-франко был градоначальник герцог Ришелье, этот режим был введен только в 1817 г.¹⁷²

Отметим, что ни одному из трех портов, на которые были сделаны ставки правительства, не удалось стать центром южнорусской торговли. Эпидемия чумы и война

с Турцией пагубно сказались на зарождавшейся торговле Херсона, Севастополь сделался главным военным портом Юга, Феодосия на протяжении последних двадцати пяти лет XVIII в. была лишь вторым портом Крыма после Евпатории.

Поиском нового центра черноморской торговли правительство занялось после завершения русско-турецкой войны 1787–1791 гг. и присоединения к России Очаковской области. По задумке правительства главным торговым портом Черного моря могла стать Одесса. Уже в 1794 г., недавно основанная, она получила статус «открытого» порта¹⁷³.

Таким образом, можно предположить, что до появления Одессы правительство рассматривало три города в качестве будущих возможных столиц южной торговли. Оно поставило эти города в равные условия, предоставило им одинаковые льготы.

Привлечение иностранцев и начало деятельности западноевропейских купцов в российских портах Черного и Азовского морей в последней четверти XVIII века

Политика, проводимая российским правительством в отношении торговли через порты Черного и Азовского морей была, в большей степени, направлена на привлечение иностранцев. Заключение международных торговых соглашений, издание льготного тарифа для Черного моря, создание торговой инфраструктуры – все эти мероприятия должны были привлечь в российские южные порты иностранное купечество. Усилия российского правительства оказались небезуспешными. Во второй половине XVIII в. в российские азово-черноморские порты стали прибывать иностранные купцы. Некоторые из них принимали российское подданство и становились российскими купцами. В основном это были греки, торговавшие преимущественно на Черном море.

Следует отметить также иностранцев, чьи торговые интересы выходили за пределы Черного моря. Они были

заинтересованы в налаживании торговых контактов между Россией и европейскими странами на данном направлении. Стремление к развитию контактов именно с южными портами проявляли и торговые фирмы государств, с которыми Россия заключала торговые договоры. Так, неаполитанские купцы в конце 80-х гг. XVIII в. заявляли о плохом знании фарватера Балтики и ситуации в Петербурге, предпочитая развивать торговлю с Россией через Черное море¹⁷⁴. Это явилось для неаполитанского правительства важным стимулом к заключению торгового трактата с Россией¹⁷⁵.

Российское правительство было готово предоставить привилегии иностранным купцам, разрешить им платить пошлины русской монетой, снизить обложение ряда важных товаров. Разумеется, аналогичные привилегии предусматривались в договорах и для русских купцов в соответствующей стране – но реально русские купцы тогда почти не имели возможностей развернуть самостоятельную торговлю со странами Юго-Западной Европы через Черное море.

В результате в новых русских портах на Юге появились иноземные купцы, в том числе и из западноевропейских стран. Большое внимание они уделяли Херсону. В основном это были те коммерсанты, кто вел торговлю в Константинополе или имел там налаженные контакты. Одними из первых в строящемся Херсоне оказались француз Антуан Игнас Антуан и купец из Вены Антон Маттиас Виллесхофен.

А.М. Виллесхофен в конце 1770-х гг. побывал в Константинополе в качестве переводчика при интернунции П.Ф. фон Герберте, но в 1781 г. ушел с этой службы, чтобы основать в столице Порты торговый дом¹⁷⁶. Тем не менее, вскоре он пришел к выводу, что более перспективным будет основание предприятия в Северном Причерноморье, откуда можно будет наладить контакты с Россией, империей Габсбургов и зависимыми от нее странами (по Дунаю), а также с Османской империей и Южной Европой (через Черное море). В 1782 и 1783 гг. им были

организованы торговые экспедиции по Дунаю в Херсон, доставлены большие партии товаров (продукция государственных фарфоровых и зеркальных фабрик Вены, суконных фабрик Линца и десятков частных заведений). Успех этого предприятия открывал бы выход промышленности Австрии на новые рынки. Для сбыта товаров в Херсоне была создана специальная торговая компания во главе с Виллесхофеном. Торговые контакты с владениями Габсбургов осуществлялись не только по Дунаю, но и через Триест – быстро развивавшийся в конце XVIII в. австрийский порт на Адриатике. Этому способствовала и политика Габсбургов: в 1769 г. по указу императрицы Марии Терезии в Триесте устанавливался режим «порто-франко»¹⁷⁷. В 1784 г. из Триеста в Херсон прибыли два корабля, один из них «Сан Николо е Сан Джованни Батиста» по пути побывал в Константинополе, где выгрузил имевшиеся товары и пришел в Россию пустым¹⁷⁸. Это говорит о том, что стоимость товаров, отправляемых из Херсона, с лихвой окупала порожний рейс через Черное море.

Антуан был одним из ведущих французских купцов в Константинополе с 1770 по 1780 гг. В 1781 г. он через Керчь прибыл в Херсон¹⁷⁹, имея намерение развернуть торговлю зерном с Корсикой, Провансом, Генуей, Ливорно, Барселоной, а также Александрией в Египте и Смирной в Малой Азии. Была создана компания Антуан и К^о (затем – Антуан, Сен-Сорон и К^о)¹⁸⁰. В 1784 г. к Антуану прибыли два его брата из Парижа, которые приняли участие в торговле компании.

Антуан, будучи подлинным энтузиастом развития торговли России через черноморские порты, понимал, что без специальных привилегий и поддержки властей успеха он не добьется. Он обращался к дипломатам и министрам в России, Франции, Турции, Польше. В 1781 г. он отправился в Петербург, где смог увлечь своими планами Г.А. Потемкина. Светлейший князь предоставил Антуану право поднимать над зафрахтованными им судами российский флаг¹⁸¹. Это позволило коммерсанту

экономить на пошлинах. Кроме того, Антуан, используя связи в Петербурге и Константинополе, способствовал заключению в 1783 г. договора между Россией и Османской империей, предусматривавшего пошлинные льготы для российской коммерции в пределах Турции (соответственно – для турецких подданных в России)¹⁸². При поддержке польских властей и российского посла в Варшаве О.М. Штакельберга Антуан организовал доставку соснового леса из имений князя Понятовского под Бобруйском. Лес сплавлялся по Березине и Днепру до Херсона, откуда на кораблях вывозился в Тулон для нужд французского военного флота¹⁸³. Чтобы добиться существенного улучшения условий торговли, Антуан предпринимает усилия по заключению договора между Россией и Францией. Он направил несколько писем французскому послу в России графу Сегюру, в которых пытался обосновать значимость для Франции развития торговли между Марселем и Херсоном.

Тем не менее, в полной мере осуществить свои планы по организации торговли между Херсоном и всем Средиземноморьем Антуану не удалось. Известно об отправке им кораблей с российским хлебом на Корсику, в Геную, а также в Барселону¹⁸⁴. В последнем случае речь идет о первых непосредственных контактах между Испанией и российскими черноморскими портами. В дальнейшем регулярное судоходство в течение нескольких лет осуществлялось главным образом между Херсоном и Марселем. В 1785 г. из Херсона в Марсель отправились 12 кораблей, 7 из них принадлежали братьям Антуан¹⁸⁵. В 1787 г. из Марселя в Херсон прибыло 18 судов¹⁸⁶. Так, компания Антуан и КО стала ведущей в осуществлении торговых контактов между Херсоном и средиземноморскими портами Франции.

Тогда же в Херсоне появились и другие иностранные коммерсанты – голландец Карл Людвиг Нихельманн, Шахт из Риги, польская фирма Перрото¹⁸⁷. Формировалась небольшая группа западноевропейского купечества в южном порту. Рижанин Шахт сконцентрировался

на внутренней торговле – он получал из Риги по суше голландские сельди, рейнское вино и другие товары, традиционно поступавшие с запада в остзейские порты. В Херсоне эти товары стоили намного дороже, чем в той же Риге. Продолжалась и деятельность компании Виллесхофена. В 1787 г. к ней прибыли из бассейна Дуная три австрийских корабля с венгерским хлебом¹⁸⁸. Этот груз следовало отправить далее по Черному морю. Налицо попытки реализовать давние планы, вынашиваемые еще и в российской Коммерц-коллегии в середине XVIII в., о транзитной торговле из Европы через Российскую территорию и Азово-Черноморский бассейн.

Несмотря на очевидный прогресс деятельность иностранных купцов в Херсоне, как и внешняя торговля нового порта в целом, испытывала серьезные затруднения. Как уже отмечалось выше, в 1786 г. город постигла эпидемия чумы. Край еще был мало освоен и заселен, в связи с чем жителей в городе было немного, состоятельных людей – совсем мало¹⁸⁹. Это вызвало трудности сбыта импортных товаров, сдерживало развитие кредита, а следовательно – и деятельность иностранных купцов, рассчитывавших продавать здесь недешевые импортные товары. Что касается экспортных товаров, то Херсон не имел еще налаженных связей с собственно русским рынком. Здесь было мало русских купцов, которые могли доставлять сюда товары для продажи иностранцам. Из крупных отечественных коммерсантов известен лишь обосновавшийся в Херсоне Михаил Фалеев¹⁹⁰. Другие приезжали из Елизаветграда, Кременчуга. Складывается впечатление, что в Херсоне иностранных коммерсантов обосновалось даже больше, чем русских купцов, могущих быть их партнерами. В конце 1780-х гг. началась новая война с Турцией. Военные действия велись в непосредственной близости от Херсона, его внешняя торговля прервалась.

Только по достижении победы в этой войне (1791 г.), которая закрепила за Россией все Приазовье и Северное Причерноморье, возникли условия для беспрепятственного развития внешней торговли на этом направлении и бо-

лее активного участия в ней купцов западноевропейских стран. Компания Антуана вознамерилась продолжить здесь свою торговую деятельность. В 1792 г. в Херсоне объявился брат главы фирмы, но развитие революционных событий во Франции прервало контакты с этой страной и через Черное море. В 1793 г. брат Антуана вынужден был уехать в Константинополь¹⁹¹. Тем не менее, внешняя торговля России в новых портах на Юге продолжала развиваться, хотя конкретных сведений о деятельности там иностранных купцов сохранилось немного. В 1790-х гг. генуэзский купец Варфоломей Галери попытался по примеру французской фирмы братьев Антуан наладить торговые контакты между Генуей и Херсоном. При этом Херсон показался генуэзцу не столь перспективным, и он с 1792 г. обосновался в Феодосии¹⁹², где еще в Средние века вели торговлю его соотечественники. В. Галери принадлежало два торговых корабля, но об их рейсах из Феодосии куда-либо конкретных сведений пока не имеется.

Подводя итоги, можно сказать, что политика российского правительства, бесспорно, являлась ключевым фактором становления и развития внешней торговли Азово-Черноморского региона. Хотя расцвет южной торговли России приходится уже на XIX в., в последней четверти XVIII столетия, благодаря невероятным усилиям российского правительства, возглавляемого Екатериной II, был дан толчок российской азово-черноморской торговле.

Многие международные соглашения, заключенные Россией в последней четверти XVIII в., в основном были результатом намерений правительства привлечь иностранное купечество в порты Черного и Азовского морей. Не случайно большинство из них подписано со странами, торговавшими через Средиземное море. Целью заключения торговых договоров с иностранными державами во многом было устранение в азово-черноморской торговле

посредников, в руках которых находилась торговля через Балтийское и Северное моря.

Так как политика правительства по развитию южной торговли проводилась в условиях сложной политической ситуации и постоянной военной угрозы, были неминуемы неудачи и промахи. Может быть, не вполне удачным на первых порах был выбор центров Черноморской торговли.

Намерения и результаты деятельности западноевропейских купцов в торговле на Юге России свидетельствуют и о том, насколько непростым делом для них было освоение новых незнакомых (хотя и перспективных) рынков. В том числе и для фирм тех стран, где торговый капитал и соответствующие ему институты были достаточно развиты. Одного желания и энтузиазма отдельных купцов, даже капиталов и коммерческого опыта, зачастую не доставало. Требовались поддержка правительств, льготы и привилегии, развитие соответствующей инфраструктуры, логистики в новых портах, нормальные условия для морского судоходства.

Хозяин Тавриды. Управление Г.А. Потемкиным вновь присоединенными к России землями на Юге

**Ольга Игоревна ЕЛИСЕЕВА,
кандидат исторических наук**

Издательство «АСТ» (г. Москва)

В 1775 г. Екатерина II провела реформу местного управления. «По великой обширности некоторых губерний, – писала государыня, – оные недостаточно снабжены... надобными для управления людьми». Из-за объединения в ведении губернаторов административных, финансовых, судебных и полицейских функций «возрастают своевольства и ябеды»¹⁹³.

Реформа разукрупнила губернии, их число увеличилось вдвое и составило 50. Были расширены функции чиновников на местах, что позволило разгрузить центральные учреждения, коллегии, и, напротив, дать губернским и уездным органам больше власти решать текущие дела у себя дома.

Во главе местного управления встали генерал-губернаторы или наместники. Они были наделены чрезвычайными полномочиями и ответственны только перед императрицей. В их руках фактически сосредоточивалась вся власть на местах. Поэтому генерал-губернаторы назначались из наиболее доверенных лиц Екатерины. Когда

наместник находился в Петербурге, он мог принимать участие в деятельности Сената наравне с сенаторами¹⁹⁴. Что касается Потемкина, то он являлся еще и членом Государственного Совета. Зачастую генерал-губернатор играл в наместничестве роль неограниченного правителя, особенно если он обладал таким властным независимым характером, как светлейший князь.

Английская исследовательница И. де Мадариага сравнивала наместников с вице-королями в колониальных державах, где из-за отдаленности территорий трудно было управлять ими из центра¹⁹⁵. В этом замечании много справедливого, ведь наиболее крупные наместничества располагались именно на окраинах империи – однако в России новая структура местного управления охватила всю страну, и генерал-губернаторы были не только в Новороссии или на Украине, но и в столичных городах – Петербурге и Москве.

Наместник

Еще 11 января 1774 г. попечению Григория Александровича были вверены Новороссийская и Азовская губернии и укрепленная Днепровская линия. Одновременно он стал именоваться командующим всей легкой конницы и иррегулярных войск, а также главным командиром всех войск, поселенных в губерниях Астраханской, Новороссийской и Азовской¹⁹⁶. С 1775 г. Потемкин стал наместником. Кроме войск, ему подчинялась полиция. В пограничных губерниях находилась основная часть русской армии, а затем и Черноморский флот, которыми светлейший князь распоряжался еще и как вице-президент (с 1783 г. президент) Военной коллегии.

Не обладая официально судебной властью, Григорий Александрович часто влиял на судопроизводство, как военное, так и гражданское, изменяя приговоры: обычно он смягчал их. Воров имущества поселян наказывали батогами и отправляли в солдаты. Грабителям, покусившимся на казенное, Потемкин заменял смертную казнь

каторжными работами. Приговоры воинского суда о расстреле, например, за отлучку с поста – разжалованием в рядовые¹⁹⁷. По свидетельству Л.И. Сичкарева князь был строгим и взыскательным судьей. Чиновники, изобличенные во взятках, попадали в ссылку. «В подобных случаях от Потемкина можно было ожидать строжайшего удовлетворения», однако он не терпел доносов. «Никто не смел предстать к нему с жалобой на кого-либо, ежели не имел при себе, по крайней мере, половины ясных доказательств; никогда не решал он никакого дела, не исследовав оного обстоятельно и не собрав с точностью всех относящихся до него подробностей».

Светлейший управлял беспокойными территориями: на них въезжало разноязыкое население, стояли войска, поблизости была граница, блуждали разрозненные банды казаков, не желавших войти в Черноморское войско и промышлявших грабежом. Поэтому наместнику приходилось нередко посредством наказаний виновных «обуздывать других от преступлений». Сичкарев приводит слова князя: «Строгое наказание первого преступления есть действительнейшее средство уничтожить охоту ко второму». Жестко пресекались мародерства и грабежи на завоеванных территориях. «Некто из служителей, надлежащих к конюшне Потемкина, по взятии Очакова, когда уже все приведено было в устройство, ворвался в некоторый дом вооруженною рукою и вымогал денег. Когда дошла о сем жалоба к князю, служитель в тот же день наказан был по законам»¹⁹⁸.

Потемкин распоряжался громадными суммами, которые правительство ассигновывало на развитие края. Недоброжелатели часто обвиняли его в утаивании и растрате денег. Ордера и контракты на поставки для армии показывают, как расходовались эти средства. Провиант закупался в Польше, откуда его проще было вести в Новороссию. Там основными поставщиками были граф Винцентий Потоцкий, графиня Александра Браницкая и некий коллежский асессор Бржозовский¹⁹⁹. Далеко не все, что ассигновывалось, действительно получалось.

В 1787 г. в Екатеринославскую и Таврическую губернии было ассигновано 2 718 745 руб., но до начала войны сумму не выдали, а с началом боевых действий выплату отложили «до удобнейшего времени». Из Ассигнационного банка по указу от 1 сентября 1785 г. в Новороссию и Тавриду должны были отпустить 3 млн. руб. Деньги выдавались по миллиону в год, третий не был получен вообще²⁰⁰.

В связи с медленностью прихода сумм Потемкин часто оплачивал государственные расходы из своего кармана. Обвинения в казнокрадстве повторялись противниками светлейшего князя и при его жизни, и после смерти. Вступив на престол, император Павел I назначил две сенатские ревизии финансовой деятельности Григория Александровича. Их результатом стало оправдание князя²⁰¹. Казана осталась должна Потемкину, а вернее его наследникам. Объяснить подобный вывод отсутствием необходимой документации сложно, так как финансовые бумаги светлейшего до революции хранились в архиве Екатеринославского губернского правления. Ныне они известны благодаря публикации.

Как глава местной власти, генерал-губернатор имел при себе исполнительный орган в виде наместнического правления из нескольких наиболее доверенных чиновников. Ближайшим сотрудником Потемкина был Василий Степанович Попов, начальник канцелярии светлейшего князя. Блестящий администратор, педантичный и неутомимый труженик Попов перешел к Григорию Александровичу из походной канцелярии генерала В.Д. Долгорукова-Крымского и вскоре стал правой рукой нового покровителя. Он следил за неукоснительным выполнением приказов Потемкина, руководил рассылкой обширной корреспонденции, однако, по его собственному признанию, не ведал и трети информации, поступавшей к светлейшему князю.

«Потемкин... нередко мучился бессонницею, – рассказывал неизвестный автор записок “О приватной жизни князя Потемкина”, – часто призывал к себе Попова для

приведения в порядок его распоряжений, или того, что ночью вновь придумывал, а иногда и для произведения в действие. Сей по первому приказанию в мгновение являлся к нему во всей форме, как бы и днем, для написания всего, что князь прикажет, а иногда и для исполнения. Таким образом, Попов часто провождал всю ночь без сна и со всем тем, когда князь вставал с постели, был из первых входящих к нему с донесением о случившемся ночью и рассылал все полученные от князя повеления в то время, когда князь садился на час в холодную ванну, что он делал ежедневно. Толикая неутомимость Попова... очень часто приводила и самого князя в удивление, как мог Попов, еще менее спящий, нежели он сам, при исполнении толиких трудных дел, всегда быть здоровым, бодрым и веселым»²⁰².

Попов пользовался абсолютным доверием Потемкина, а затем и Екатерины. Он состоял в должности статс-секретаря императрицы с оставлением при особе светлейшего князя, а после его смерти управлял Кабинетом Ее Величества. К несчастью для себя, Василий Степанович пережил не только светлейшего, но и императрицу. Верный слуга и преданный друг, он не смог вынести издевательств Павла над памятью Григория Александровича. Ф.А. Бюлер рассказывал о дальнейшей судьбе Попова: «Император Павел I... во время докладов Попова очень нелестно и иногда язвительно отзывался о его благодетеле. Василию Степановичу стало тяжело выносить это. Раз Павел I особенно разговорился о Потемкине, обвинял его в расстройстве финансов и затем, постепенно возвышая голос, трижды поставил Попову вопрос: “Как исправить все зло, которое Потемкин причинил России?” С угрозой вынужденный отвечать, Попов сказал: “Отдайте туркам южный берег”. ...Он (Павел. – О.Е.) бросился в угол за шпагой, а Попов, не собрав бумаг своих, побежал, как шальной, через несколько зал Михайловского дворца и замкнул за собою какую-то дверь. Приехав еле живой к себе в дом, находившийся на большой Миллионной, он застал уже у себя часовых»²⁰³. Был наряжен суд, но за

Попова заступился фаворит Павла граф И.П. Кутайсов, уговоривший государя сослать Василия Степановича в его полтавское имение Решетиловку.

Другим важным лицом в окружении светлейшего князя был Михаил Леонтьевич Фалеев, бывший молдавский коммерсант, с которым князь познакомился еще в годы первой русско-турецкой войны. Он руководил строительством новых городов на Юге, сочетая функции архитектора, администратора и подрядчика-поставщика для армии и флота. Помимо деловых отношений, Потемкина с Фалеевым связывала личная дружба, недаром именно в его доме воспитывалась дочь Григория Александровича. При покровительстве князя Михаил Леонтьевич достиг чина бригадира, стал статским советником и обер-комиссаром. Он ненадолго пережил Потемкина и умер в 1792 г.

Обладея громадным влиянием на дела империи, светлейший князь позволял себе действовать через голову высших государственных учреждений, изредка посылая в Сенат рапорты о делах в наместничестве, и чаще всего обращался прямо к императрице²⁰⁴.

Заселение края

Еще в 1774 г. Новороссия представляла собой пустынную степь, обрывающуюся в Черное море, а присоединенный в 1783 г. Крым сделался русским только по названию, так как основное его население составляли татары. Важнейший вопрос, который пришлось решать Потемкину – заселение края. Сюда направился мощный переселенческий поток из русских, украинцев, казаков, поляков, греков, румын, болгар, валахов, сербов и др.

Еще по первоначальному проекту присоединения ханства предполагалось «живущим в Крыму татарам объявить, что которые из них пожелают быть в вечном Российском подданстве, те могут остаться на прежних своих жилищах, а прочим дать на волю выехать вон из Крыма и переселиться, куда кто пожелает»²⁰⁵. После выселившихся в Турцию татар остались дома и земли. Григорий

Александрович поручил описать их и имущество ханской казны. Оказалось, что много пустых земель расположено за Перекопом и в ногайских степях. Именно этими территориями князь воспользовался для колонизации.

По его приказу поселенцы за казенный счет получали на одну душу мужского пола восемь десятин пахотной земли, по паре волов, по одной лошади и по одной корове²⁰⁶. В первую очередь были заселены города Алешки, Балаклава, Феодосия, Керчь, Петровская слобода, Курцы, Санкт-Петербургские мазанки, Саблы, Изюмск и Мангуш.

Большинство переселенцев были холосты, и это весьма заботило Потемкина, так как известно, что семейное хозяйство крепче прирастает к земле. Поэтому всячески поощрялось обзаведение семьей прямо на месте. Многие приезжие брали в жены крещеных татарок. Оборотистый польский прапорщик Крыжанский с евреем Шмулем Ильевичем взялись доставлять из Польши женщин, желавших вступить в Крыму в брак. Они привезли 99 молодых крестьянок, отправленных в Алешки и Акмечеть, и за каждую из них получили по пять рублей.

Особое внимание уделялось домам для приезжающих. При строительстве на них ассигновывались основные суммы. Жилища возводились раньше, чем предприятия. Например, на заведение чулочной фабрики в Карасубазаре было назначено 340 тыс. руб. Из них 240 тыс. пошло на постройку 200 домов для мастеровых, а 100 тыс. – на фабрику²⁰⁷.

Первоначально предполагалось сделать русский элемент колонизации главным. В «Рассуждении...» говорилось о необходимости поселить в Крыму 20 тыс. пехоты и 10 тыс. конницы, а также взять из государственных волостей и монастырских деревень 10 тыс. хлебопашцев. Тем не менее, Сенат крайне неохотно выделял государственных и монастырских крестьян для Новороссии и Тавриды, поскольку это приводило к потере налогоплательщиков. Переселенцы освобождались от налога на срок от 15 до 30 лет²⁰⁸. Вместо 10 тыс. на Юг посылались

партии из 40–60 семей, что, естественно, не могло удовлетворить потребности края.

Попытки князя забирать в наместничество русских каторжников, используемых на уральских заводах, не увенчались успехом – и на севере нужны были рабочие руки. Тогда Потемкин решил выписать из Англии партию осужденных, отправлявшихся в Америку. Посол в Лондоне Семен Романович Воронцов очень гордился тем, что помешал этому «унизительному для России плану»²⁰⁹. Чем Крым в те времена был лучше Америки, а английские бандиты хуже греческих пиратов, в большом числе вселявшихся в Тавриду, неясно.

Тем не менее, сам собой открылся неожиданный источник поселенцев: в Новороссию и Тавриду устремились беглые. Потемкин не стал особенно разбираться, чьи они и откуда, а приказал укрывать их в своем наместничестве, возобновив старинный казачий принцип: с Сечи выдачи нет. Начиная с 1775 г. выдачи не было со всех вновь приобретенных на Юге земель. 31 августа 1775 г. Григорий Александрович писал в секретном ордере генералу-квартирмейстеру, губернатору Новороссии М.В. Муромцеву: «Являющимся к вам помещикам с прошением о возврате в бывшую Сечь Запорожскую крестьян объявить, что как живущие в пределах того войска вступили по высочайшей воле в военное правление и общество, то и не может ни один из оных возвращен быть»²¹⁰.

Даже после таких мер населения все равно не хватало. «Сия пространная и изобильная земля в России не имеет еще ни десятой доли жителей»²¹¹, – замечал Потемкин в одном из ордеров. 10 августа 1785 г. князь докладывал императрице о судьбе полученных им от Синода четырех тысячах заштатных дьячков, отправленных в Тавриду: «Получатся и хлебопашцы, и милиция, которая вся обратится в регулярные казацкие сотни»²¹².

Еще до присоединения Крыма князь несколько раз хлопотал о разрешении переселить в его наместничество старообрядцев. Стараниями Григория Александровича многие из них стали переходить в так называемое еди-

новерчество. Старообрядцы признавали свое административное подчинение местной православной епархии и принимали к себе назначенных попов, которые, однако, вели службу по старопечатным книгам. После присоединения Крыма князь добился разрешения трем тысячам новгородских староверов переехать под его покровительство на реку Конскую около нового села Знаменки. В том же докладе Екатерине он писал: «Дозвольте всем старообрядцам, которые переселяются на места, лежащие между Днепром и Перекопом, получая попов от архиерея Таврического, отправлять служение по старопечатным книгам, приписав к нему в епархию старообрядческие слободы».

Ордера Потемкина рисуют его отношение к жителям наместничества. «Поселенные в Тавриде солдаты требуют особого попечения, – писал он генералу М.В. Каховскому 14 августа 1786 г. – Войдите в состояние их, и если они терпят нужду, то преподайте им всевозможное способствование, снабдя их из суммы таврической всем тем, что необходимо земледельцу»²¹³.

Из-за недостатка в рабочем скоте Григорий Александрович приказал бесплатно раздать поселенцам стада выехавших за границу татар. Распродавались со скидкой ханские табуны кобыл и жеребят.

Еще в 1774 г. Екатерина по представлению Потемкина направила А.Г. Орлову рескрипт с приказанием разрешить служащим во флоте грекам основывать свои поселения в Керчи и Еникале. На казенные средства для них были построены дома, налоги отменены сроком на 30 лет. Через два года Григорий Александрович выписал ордер Азовскому губернатору Е.А. Черткову о «постройке школы для малолетних, где бы не токмо первоначальные, но и высшие науки на греческом, российском, татарском и итальянском языках были, а сироты и бедных отцов дети обучались на казенный счет». Далее речь шла о «больнице с аптекою, где также сирых и дряхлых заслуженных людей пользоваться безденежно»²¹⁴. Возникали и национальные школы, например, в Нежине была гре-

ческая гимназия, куда по приказу светлейшего с 1787 г. стали присылать и детей албанцев. Русские направляли сыновей в Кременчугское училище²¹⁵.

В Кременчуге латиноамериканский политический деятель Ф. де Миранда посетил две школы: «В одной обучалось 72 юноши и иные желающие, платя по 12 рублей в год. Есть учителя грамматики, французского и немецкого языков, арифметики и географии. Пребывание в другом заведении, для девиц, стоит 36 рублей, и там учат вышивать, читать, танцевать, петь, играть на фортепьяно, и хотя эти учреждения далеко несовершенны, они, тем не менее, приносят значительную пользу»²¹⁶.

Строительство городов

В 1784 г. офицеры штаба Потемкина начали топографическое измерение Крыма. В результате были составлены карта и атлас Тавриды. В процессе этой работы подыскивались наиболее удобные места для населенных пунктов. При этом еще в 1774–1775 гг. Григорий Александрович живо интересовался подходящими местами для городов и крепостных построек. Ему были присланы карты Керчи, Еникале и Кинбурна.

Ни один из новых городов не возник на пустом месте: там же или поблизости в древности существовали греческие поселения, от которых остались развалины и названия, или татарские деревни, положение которых подходило для строительства. Вначале были сооружены заводы для выделки черепицы, кирпича и гашеной извести в Акмечети, Карасубазаре, у устья реки Салгир и на Збруевской стороне. Особые трудности возникали с лесом, его приходилось везти из России или из Польши. Только по одному ордеру за древесину было заплачено 14 950 руб., по другому 13 366 руб., а таких ордеров были сотни.

Любимыми городами князя стали Екатеринослав и Херсон в Новороссии и Севастополь в Тавриде. Учрежденный в 1778 г. Херсон Екатерина назвала «молодым

колоссом». Князь бывал там очень часто, и сам руководил многими работами. По свидетельству Самойлова, его дядя собирался сделать этот город знаменитым и цветущим, каким был в древности Херсонес Таврический». Чума, свирепствовавшая в Херсоне около двух лет, задержала его развитие, но к середине 1780-х гг. оно вновь набрало силу. Борьба с чумой имела для южных земель исключительное значение. Военный врач Д.С. Самойлович одним из первых вел в Крыму эпидемиологические исследования и разработал действенные методы против распространения заразы. Миранда писал о нем: «После ужина имел возможность, не спеша, побеседовать с доктором Самойловичем, описавшим признаки чумы, которую он, кажется, изучил лучше, чем кто-либо до него. Он был весьма изобретателен в проведении микроскопных исследований, его теория является чрезвычайно убедительной, а рекомендуемые им прививки вполне доступны. Жаль, что он не съездил, как ему хотелось, в Константинополь и Египет, чтобы проверить свои выводы»²¹⁷.

Во время путешествия Екатерины в Крым в 1787 г. император Священной Римской империи Иосиф II указывал на неудачный выбор места для постройки Херсона – низменная болотистая долина – как на крупнейшую ошибку в администрации Потемкина. Тем не менее, это место было единственно возможным, пока Очаков и Гаджибей принадлежали туркам²¹⁸. Чтобы избавить жителей от сырости и оздоровить воздух, наместник приказал сажать в окрестностях Херсона эвкалипты, которые после росли в Крыму до середины XX в.

В 1782 г. совершил поездку на Юг бывший гетман Малороссии К.Г. Разумавский. 22 июня он писал своему старому знакомому, одному из секретарей Потемкина М.И. Коваленскому: «На ужасной своей пустынности степи, где в недавнем времени едва рассеянные обретаемы были избушки, по Херсонскому пути, начиная от самого Кременчуга нашел я довольные селения верстах в 20, в 25 и далее, большею частью при обильных водах. Что принадлежит до самого Херсона, то представьте себе множество

всякий час умножающихся каменных зданий, крепость, замыкающую в себе цитадель и лучшие строения, адмиралтейство со строящимися и построенными уже кораблями, обширное предместье, обитаемое купечеством и мещанами разнообразными. С одной стороны казармы 10 000 военнослужащих в себя вмещающие, с другой перед самым предместьем видоприятный остров с карантинными строениями, с греческими купеческими кораблями и с проводимыми для выгод сих судов каналами. Я и до ныне не могу выйти из недоумения о том скором возвращении на месте, где так недавно один только обретался зимовник. Сей город скоро процветет богатством и коммерциею, сколь то видеть можно из завидного начала оной... Не один сей город занимал мое удивление. Новые и весьма недавно также основанные города Никополь, Новый Кайдак, лепоустроенный Екатеринослав, расчищенные и к судоходству удобными сделанные Ненасытские пороги с проведенным при них каналом»²¹⁹.

На правой стороне Днепра был заложен Екатеринослав, в котором уже в 1784 г. императрица, по предложению Потемкина, повелела учредить университет. На следующий год прибыли первые партии рабочих. В октябре 1786 г. князь доносил: «По соседству Польши, Греции, земель Волошских. Молдавских и народов иллирийских множество притечет юношества обучаться». Город должен был заключать в себе «судилище наподобие древних базилик», «лавки полукружьем на подобие Пропилей или преддверия Афинского, с биржей и театром посредине», «музыкальную академию или консерваторию», двенадцать фабрик: шерстяную, шелковую, суконную и пр. Предполагалось устроить обсерваторию, жилища для профессоров и студентов. Уже в 1785 г. назначено было жалование университетским наставникам, учреждена университетская канцелярия и приглашены некоторые преподаватели. Знаменитый композитор Джузеппе Сартти был назначен директором консерватории.

Планировалось, что город займет 300 кв. верст, для пастбища городского скота предназначалось 80 тыс.

десятин выгонной земли, улицы прокладывались «столичной» ширины – 300 саженой. По мысли Потемкина, Екатеринослав должен был играть роль южной столицы России, центра управления культурной и хозяйственной жизнью Новороссии. Тем не менее, в тот момент для осуществления многих замыслов не хватало средств, рабочих рук, а главное – времени (от основания Херсона до новой войны с Турцией прошло девять лет, а от закладки Екатеринослава – два года).

Через год после присоединения Крыма на берегу Ахтиарской бухты был основан Севастополь. Он стал главной базой молодого Черноморского флота. Иностранные наблюдатели, посетившие эти места в 1787 г., в один голос хвалили молодой, быстро развивавшийся город, лучшую в Европе бухту и крепостные сооружения при ней. Сам князь с беспокойством относился к судьбе своего детища. 10 августа 1785 г. в докладе императрице он сообщал: «Польза сего места по близкому его к турецким берегам положению» состоит в том, что «оно весьма способно содержать в страхе все прилежащие селения, прикрывать наши торги и подвозы, идущие от устья Днепровского», однако «невыгодная при Севастополе натура представляет трудность в назначении там под крепость места... Рассматривая чертеж, кажется, что положение наилучшее, но, обозрев сих заливов окрестности, найдем, что надобно захватить всю долину, которая содержит около 3 верст, от чего б крепость вышла необъятной окружности. Через глубокие там овраги очень трудно и почти невозможно соединить части крепости и так защитить себя, чтоб не открыть тылу некоторых линий и самой внутренности залива прямолинейному действию неприятельских орудий»²²⁰. Крайнее время осады такой крепости князь рассчитывал в «3 месяца или 90 дней». Тревога Потемкина о судьбе неудачной фортеции, которую пагубно отрывать от остальных войск и оставлять в осаде, оправдалась через 70 лет, в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. Оборона Севастополя тогда длилась почти год (с 13 сентября 1854 г. по 27 августа 1855 г.).

Даже во время боевых действий Григорий Александрович не оставлял хозяйственных распоряжений. Кампания 1788 г. была уже закончена, когда, осматривая очаковскую степь, князь обнаружил удобное место при впадении реки Ингул в реку Буг и приказал заложить здесь корабельную верфь. Николаев, названный так в честь дня взятия Очакова 6 декабря – праздника Святителя Николая – с самого начала строился как адмиралтейский город. 27 августа 1789 г. с николаевской верфи был спущен первый фрегат²²¹. Потемкин предполагал углубить Ингул, открыть в Николаеве морской кадетский корпус на 360 человек и кораблестроительное училище, а в окрестностях города основать Спасо-Николаевский монастырь, монахами которого должны были стать «военные штаб- и обер-офицеры».

В 1790 г. были окончены работы по строительству адмиралтейства, гостиного двора, заложена большая церковь Григория Великия Армении, на содержание которой были определены доходы с лавок у биржи, погребов, трактира и кофейной. Число работавших доходило до нескольких тысяч. Приступили к заведению большого аптекарского сада, устройству мастерских для снабжения флота соленым мясом, сушеными горохом, чечевицей и фасолью, а также консервами из овощей. Появились несколько пильных мельниц и сельскохозяйственных ферм. Если в 1788 г., по словам прибывшего в Николаев доктора Э.В. Дримпельмана, город состоял еще из тростниковых хижин и землянок, то в течение года было выстроено более полутораэта каменных домов. По приказанию князя лес доставлялись за казенный счет по Бугу и дешево продавались жителям²²².

Согласно записке о «Мирных предначертаниях князя Потемкина»²²³, составленной в 1791 г. Фалеевым, Григорий Александрович планировал перевести адмиралтейство из Херсона в Николаев «сколько для лучшего и удобнейшего строения кораблей места, столько и для здорового воздуха и чистых вод». В Николаеве должны были строиться крупные 74-пушечные линейные кораб-

ли, большие фрегаты, а также легкие суда для гребного флота.

Записка Фалеева показывает, как осуществлялась посадка рекрут на землю. Князь приказал: «чтобы не было недостатка в мастеровых, учить рекрут женатых плотничать и другим мастерствам, нужным для адмиралтейства, и поселить оных до 2 тысяч и тысячу каменщиков, дать им землю для хлебопашества... На Буге Русскую косу и на другой стороне Буга против Николаева и Богоявленска занять место, где ключи есть, под поселения мастеровых». Обычно мастерам платили по три рубля в месяц, но лучшим увеличивали жалование до пяти.

Упомянутая тысяча каменщиков специально была куплена князем в Ярославле у княгини Мещерской и привезена на Юг для работ в Николаеве и Богоявленске. По записке Фалеева, они были определены Потемкиным «казенными быть», то есть стали в понимании того времени вольными. Точно также Григорий Александрович поступил со своими крепостными: «Близ Елисаветграда, при Черном лесе и Чуме поселены собственные его светлости крестьяне, доставшиеся ему по наследству от матери, и из Тульской губернии переведены в слободе Знаменке и Богдановке 552 души мужского пола да женского 804 и отданы в адмиралтейские мастеровые».

Фонтаны в городе обделывались мрамором, строилась турецкая торговая баня. Сверх того князь приказал Фалееву «на берегу Буга при всех криницах поделать фонтаны, чтобы приходящие суда могли удобно снабжаться хорошою водою, что в некоторых местах и сделано». Колодцы, располагавшиеся в населенных пунктах, облицовывались камнем. В Богоявленске три адъюнкта – Гребницкий, Козлов и Сапанкевич – под присмотром профессора Ливанова обустроивали «земледелие на английский манер», они завели там Училище практического земледелия и показывали местному населению «легкий способ пахания земли», учили делать английские плуги и бороны. Князь распорядился заготовить тысячу английских плугов и борон, для рассылки «здешней губернии помещикам и в казенные селения» в подарок.

Профессор Ливанов обнаружил в окрестностях Николаева серебряную и железную руду, уголь, мрамор и минеральные краски, «употребленные в адмиралтействе с великою пользою». В Богоявленске располагались мельницы, инвалидный дом и госпиталь. На Бугских порогах строился завод для починки якорей и «кования водяными машинами разных потребных к адмиралтейству железных вещей». На Буге же находились в двух местах карантин, без прохождения которых суда не приближались к городу. Эта мера на землях, где часто случались эпидемии, занесенные из Турции, была необходима. Вообще пространная записка Фалеева с указанием уже сделанного и перечислением множества распоряжений на будущее прекрасно демонстрирует заботу и внимание настоящего хозяина, которые князь проявлял о южных землях.

В 1783 г. на территории Новороссии и Тавриды были отменены внутренние пошлыны, что способствовало развитию торговли. По мысли Потемкина, без серьезной государственной поддержки поселенцы не могли поднять хозяйство края. Весной генерал-губернатор требовал от губернаторов отчета, «засеяны ли поля озимым хлебом, имеют ли жители достаточное количество хлеба для посевов?»²²⁴. Для руководства сельским хозяйством наместничества была учреждена кантора «Земледелия и домоводства Таврической области».

Страстью наместника было садоводство и виноградарство. Сразу после присоединения Крыма он выписал из Франции ученого садовника Банка, назначил его директором таврических садов и поручил развести там лучшие сорта винограда, шелковичные и масличные деревья. На реке Каче англичанину Гулду приказано было насадить рай-дерево и сеять каштаны. Из «немецких земель» в Крым приехали завербованные князем мастера: винодел Грунтваль, «лучший садовник винограда» Ортлин, «мастер разводить шелковицу» Линдрен с женой и детьми. В 1786 г. Потемкин заключил договор с итальянским графом Пармой о разведении шелковичных плантаций

в округе Старого Крыма. Плантации заняли 1850 десятин, для работы на них специально переселились туда знакомые с делом грузины.

Григорий Александрович желал устроить в Старом Крыму шелкопрядильную фабрику, наподобие той, что уже существовала в его имении Дубровна под Могилевом, где выписанные из Франконии чулочники основали свой промысел. Они производили продукцию тончайшего качества. Во время путешествия Екатерины ей была преподнесена пара чулок, умещавшихся в скорлупе грецкого ореха²²⁵. Шелководство плохо привилось в Тавриде, теплолюбивые деревья приживались с трудом, после смерти князя государственные плантации пришли в запустение.

Большое внимание Потемкин уделял развитию соляного промысла. Знаменитая крымская розовая соль, отдававшая запахом малины и прежде поставлявшаяся к султанскому двору в Стамбул, стала предметом экспорта и приносила краю немалый доход. Овцеводство и рыболовство – другой источник благосостояния южных земель – требовали постоянных забот. По приказу наместника, особую породу серых овец, славившихся еще при ханах, отделили от простых и держали в Козловском и Тарханкутском кадылыках за счет казны, а простых перегнали в Алешки и бесплатно раздали поселенцам. Частным владельцам отдавались и прибрежные места для рыбной ловли, чем значительно ускорилось развитие этой отрасли хозяйства.

Строжайшим образом была запрещена вырубка лесов. Для строительства шла ввозная древесина, а топить рекомендовалось кизяком. В богатых домах обогревались, поджигая винный спирт, налитый в большие тазы, расставленные на полу²²⁶. «Заботился его светлость и о лесах корабельных, – писал Фалеев, – почитая, что в последующие времена не из чего будет флот исправлять, и для того приказывал оные сеять при каждом селении адмиралтейском по несколько десятин... Для надобностей же сельских и городских итальянскую тополь садить,

как способную к растению скорее всякого дерева»²²⁷. В Крым привезены были из-под Самары молодые дубки для пересадки.

Частично проблему отопления князь решал за счет открытого вблизи Николаева угля. «В пользу жителей николаевских и казны из найденного недавно земляного угля, – передавал приказания Потемкина Фалеев, – перевезть в Николаев 100 тысяч пудов, ввести оное в казенных кузницах и партикулярных домах, для варения пищи, согревания покоев... В замену лесу при строении домов употреблять здесь открытый аспид, на Кривом Рогу найденный, из коего делать полы и крыши, почему посланные туда турки и адмиралтейские мастеровые наломали 130 возов»²²⁸. Служащие наместничества вели розыск полезных ископаемых и сразу же пускали найденное в дело.

По Кючук-Кайнаржидийскому мирному договору русские купеческие корабли получили право свободного плавания из Черного моря в Средиземное. Манифестом 22 февраля 1784 г. были открыты русские пристани Херсон, Феодосия и Севастополь. Князь начал раздачу патентов на «поднятие флага». Желая возродить былое купеческое могущество Кафы, Потемкин открыл Феодосийский порт, однако только для христианских кораблей. В этом был особый смысл – прежде Кафа считалась крупнейшим работорговым центром Крыма, откуда невольников-христиан, тысячами продавали в Турцию.

Реформы в армии

Уже в конце 1777 г. Екатерина писала князю о необходимости готовиться к войне, о постройке кораблей на Днепре и адмиралтейства на Лимане. Флот призван был защищать от посягательств Турции вновь приобретенные земли. С одной стороны, в диком неосвоенном крае создать флот в короткие сроки было практически невозможно. С другой – обжить и благоустроить Юг, не обеспечив его безопасности, казалось столь же неосуществимой задачей.

Поэтому хозяйственное освоение Новороссии и Тавриды шло рука об руку со строительством Черноморского флота и осуществлением реформ в армии.

В Херсоне Потемкин основал морской кадетский корпус и училища: штурманское и корабельной архитектуры. Миранда в 1787 г. описывал свое впечатление от херсонского арсенала: «Принимая во внимание, что он существует совсем недавно, поразительно, сколько кораблей тут построено... Стапели созданы самой природой на глинистой отмели... На них находится в данный момент 80-пушечное судно в начальной стадии строительства, 66-пушечное, близкое к завершению, 50-пушечный фрегат, чья постройка уже значительно продвинулась, и дугой такой же, только что начатый. Я ознакомился с качеством работы и материалов, которые очень хороши. Какая великолепная древесина! Конструкция показалась мне точной копией английской, а корабли гораздо лучше наших и французских. ...Навигационные приборы – голландские, также много английских. Моряки – самые крепкие и brave на вид люди, каких мне приходилось когда-либо встречать. Они очень опрятны, и мне говорили, что, как и солдаты, исключительно сообразительны»²²⁹.

Не все были согласны с Мирандой. Потемкина не раз обвиняли в том, что флот им был построен наскоро, из негодных материалов. Иосиф II писал из Севастополя фельдмаршалу Ф. Ласси, что корабли сделаны из сырого леса, что экипажи плохо обучены, поскольку укомплектованы большей частью солдатами сухопутных войск. Это мнение австрийского императора в России озвучивали члены проавстрийской партии.

Позднее, в 1795 г., подыгрывая настроениям Воронцовых, А.А. Безбородко слово в слово повторял замечания союзника: «Потемкин умел выводить в море гнилые корабли в большом числе»²³⁰. Испытания, выдержанные этим «гнилым» флотом в начале войны и его громкие победы в 1789 и 1790 гг. говорят в пользу качества постройки, хорошей подготовки личного состава, умелого подбора командиров.

В качестве президента Военной коллегии Потемкин занимался административной стороной жизни армии. Он подготавливал войска к будущей войне, приспособлявая их к условиям края, в котором предстояло сражаться. Реформирование армии началось в 1783 г. Переведение войск на новую форму, осуществленное в 1784–1785 гг., было его составной частью. Оно так разительно изменило внешний вид армии, что современники обращали внимание, главным образом, на это нововведение.

Потемкин считал важным отказаться от неловкого прусского мундира, от париков и кос, из-за которых солдаты страдали вшами. Свои мысли он изложил в докладной записке Екатерине, не смущаясь обращать внимание императрицы на многие малопривлекательные стороны солдатского быта. О начале XVIII в., когда в России появилась армия нового образца, князь писал: «Когда вводилось регулярство, вошли офицеры иностранные с педантством тогдашнего времени; а наши, не зная прямой цены вещам военного снаряда, почли все священным и как будто таинственным. Им казалось, что регулярство состоит в косах, шляпах, клапанах, обшлагах и проч. Занимая же себя таковою дрянью, и до сего еще времени не знают хорошо самых важных вещей, как то: маршрурования, разных построений и оборотов, а что касается до исправности ружья, тут полирование и лощение предпочтено доброте, а стрелять почти не умеют; словом, одежда войск наших и амуниция такова, что придумать почти нельзя лучшего к угнетению солдата, тем паче, что он, взят будучи из крестьян, в 30 почти лет возраста узнает узкие сапоги, множество подвязок, тесное нижнее платье и пропасть вещей, век сокращающих».

Многие детали солдатского туалета вызывали справедливую неприязнь военачальника. «Шляпа – убор негодный: она головы не прикрывает и, торча на все стороны, озабочивает солдата опасностью, чтобы ее не измять, особливо мешает положить голову, ...да и не закрывает также от морозу ушей. ...Штаны конные – лосинные... много заботят чищением и трудностью надевания; зимою

в них холодно, а летом жарко. ...Сапоги делают так узки, что и надевать трудно, а скидывать еще труднее, особенно, когда намокнут; при том сколько подвязок, чтоб гладки были, и сколько лакирования, чтоб лоснились.

...Завиваться, пудриться, плесть косу – солдатское ли сие дело? У них камердинеров нет. На что же пукли? Всякий должен согласиться, что полезнее голову мыть и чесать, нежели отягощать пудрою, салом, мукою, шпильками, косами. Туалет солдата должен быть таков, что встал и готов. Если б можно было счесть, сколько выдано в полках за щегольство палок и сколько храбрых душ пошло от сего на тот свет! И простительно ли, что страж целостности отечества удручен прихотями, происходящими от вертопрахов, а часто и от безрассудных!».

Косы солдатам были обрезаны, пудра отменена тесная одежда заменена на удобные куртки, шаровары, широкие сапоги, шляпы на каски. Вместо непривычного для крестьян чулка была введена хорошо знакомая им портянка. «Просторные сапоги перед узкими и онучи, или портянки, перед чулками имеют ту выгоду, – рассуждал князь, – что в случае, когда ноги намокнут или вспотеют, можно, при первом удобном времени, тотчас их скинуть, вытереть портянкой ноги и, обтерев их опять сухим уже оной концом, в скорости обуться и предохранить их тем от сырости и ознобу; в узких же сапогах и чулках то учинить никак не можно, которых неудобно скинуть, ни свободно опять надеть нельзя, да и чулки не всегда бывает возможность переменить или высушить, через что бедные солдаты, имея беспрестанно ноги мокрые, подвергают себя нередко простуде и другим болезням»²³¹.

Потемкин без смущения «подсовывал» под нос императрице солдатскую портянку и заставлял думать о такой, казалось бы, мелочи. Вспоминается английский детский стишок «Потому что в кузнице не было гвоздя» об армии, разбитой из-за отсутствия гвоздя в подкове командирской лошади. Из документов светлейшего князя следует, что он нарочито обращал внимание на многозначительные «мелочи», улучшавшие состояние армии. «Не имея

нужды, как это делают при узких сапогах, подвязывать крепко своих ног, солдаты могут и свободнее ходить, и больше переносить путевого труда, и обращение крови не останавливается».

Французский посол граф Луи Сегюр называл Потемкина «врагом мелочных расчетов». Судя по документам, связанным с военной реформой, это было не так. Князь доносил императрице, что солдат вынужден тратить из собственного жалования ежегодно «на пудру, помаду и косные ленты» по 1 рублю 5 копеек, на приведение лосин в порядок 20 копеек, на покупку пары штиблет и пары манжет 30 копеек, а также на приобретение суконных штанов еще 60 копеек. При введении же новой формы «солдат, сверх других многих выгод, будет иметь еще от своего жалования в остатке, против теперешних издержек, до 2-х рублей». Первый вельможа империи умел неплохо считать деньги и заботился о солдатском кошельке.

Миранда писал о впечатлениях от русских войск: «Г-н Корсоков показал мне солдата в артиллерийской форме, которая мне очень понравилась: каска или шапка в греческом стиле, изготовленная из латуни, дабы выдерживать сабельные удары... Короткая шпага с широким лезвием и острием, которое служит солдату для разных целей. В общем, эти войска обмундированы с большим вкусом, воинским изяществом и сообразно климату»²³².

Если солдату новая форма была в радость, то офицеры восприняли ее без восторга, так как она казалась проще старой и не соответствовала моде. За обмундированием офицера следил денщик, следовательно, оно не доставляло хозяину больших хлопот. Только малоимущие офицеры оценили недорогую и прочную одежду. В 1788 г. командующему самому пришлось подать пример. «Его светлость... приказал сделать себе мундир из толстого солдатского сукна, – рассказывал Энгельгардт, – дабы подать недостаточным офицерам средства не издержать из малого своего жалования на покупку тонкого сукна... Почему в угождение его все генералы сделали таковые мундиры. Итак, хотя приказа и не было, но почти все

штаб- и обер-офицеры с удовольствием во всю войну одевались в куртки толстого сукна, как солдаты»²³³.

Новшества были введены и в обучении войск. «Из опытов известно, — писал в приказе президент Военной коллегии, — что полковые командиры обучают часто редко годным к употреблению на деле [вещам], пренебрегая самые нужные». Поэтому он требовал: «Марш должен быть шагом простым и свободным, чтобы не утруждаясь, больше вперед продвигаться. Конверсии (перестроения. — О.Е.) взводам и большим частям производиться должны со всевозможною скоростью, не наблюдая ровности шага... Как в войне с турками построение в каре испытано выгоднейшим, то и следует обучать формировать оные из всякого положения. Особенное употреблять старание обучать солдат скорому заряду и верному прикладу».

В кавалерии князь также показал себя врагом всего показного. Он писал: «Сидеть на лошади крепко с свободностью, какую казаки имеют, а не по-манежному — принужденно: стремена чтобы были не длинны... Артиллеристов обучать ежедневно и с порохом... Егерей преимущественно обучать стрелять в цель. Всякое принуждение, как то: вытяжки в стоянии, крепкие удары в приемах ружейных, должны быть истреблены; но вводить бодрый вид при свободном движении корпуса».

Потемкина серьезно заботил моральный климат в армии. Он не терпел побоев и издевательств старших по званию над младшими. «Паче всего я требую, дабы обучать людей с терпением и ясно толковать способы к лучшему исполнению. Господа полковые и баталионные командиры долг имеют испытать наперед самих обер- и унтер-офицеров, достаточны ли они сами в знании. Унтер-офицерам и капралам отнюдь не позволять наказывать побоями, а понуждать ленивых палкой не более шести ударов. Отличать прилежных и доброго поведения солдат, от чего родится похвальное честолубие, а с сим и храбрость; читать при том, в свободное время, из военного артикула, чем солдат обязан службе. Не упускать в воскресные дни приводить на молитву... наблюдать опрятность, столь

нужную к сохранению здоровья, содержание в чистоте амуниции, платья и обуви, доставлять добрую пищу, лудить почасту котлы. Таковыми попечениями полковой командир может отличиться, ибо я на сие буду взирать, а не на вредное щегольство, удручающее тело»²³⁴.

Светлейший князь значительно смягчил телесные наказания, запретил побои новобранцев. Нельзя было также поднимать руку на солдата, имевшего боевые награды. «Господам офицерам гласно объявить, – писал он в одном из ордеров, – чтоб с людьми обходились со всевозможной умеренностью». Употребление солдат на частные работы командиров строго наказывалось. Вторично (после Петра I) в армии была учреждена должность инспекторов²³⁵.

В пехоте Григорий Александрович отдавал предпочтение гренадерам. Это была ударная сила армии – наиболее здоровые и сноровистые солдаты. В гренадерские роты каждого полка поступали также наиболее храбрые, заслуженные люди, отличившиеся в сражениях. Потемкин отменил в пехоте шпагу, как мешавшую при ходьбе, а вместо нее повсеместно был введен штык. «Нет других войск в мире, где столько бы любили драться штыком», – отмечали европейские наблюдатели²³⁶.

Только гренадерам было оставлено клинковое холодное оружие для рукопашных схваток. В 1790 г. князь писал в инструкции для создававшегося Гренадерского полка легкой пехоты: «Производить удар на штыках дружно и стремительно; в то же время отборными и проворными людьми, облегча их от оружия и прочей тяжести, атаковать на саблях... с отменной скоростью; к сему выбрав способных, обучить наперед. Турки называют такую атаку юринь, а я везде именовать буду вихрем». Полк гренадер легкой пехоты предназначался для Гребной флотилии и представлял собой своего рода морских пехотинцев того времени²³⁷.

Большое внимание Потемкин уделил и егерям. В 1784 г. Екатерина подписала рескрипт об «умножении» армии, на основании которого президент Военной коллегии начал создание корпусов егерей – стрелков-пехотинцев,

приученных к рассыпному строю. Для действий на пересеченной местности они были незаменимы. Первым егерей завел Фридрих II, но он довольствовался небольшими командами в составе пехотных полков²³⁸. В 1788 г. была издана «Инструкция», в которой светлейший князь описывал разные «хитрости егерей». Их учили прикидываться убитыми, сбивать противника с толку, ставя свою каску в стороне от себя. Егеря должны были уметь передвигаться ползком, стрелять и заряжать ружья лежа. От солдат требовали «цельный приклад» (прицельную стрельбу) и «скорый заряд», а не быструю неточную пальбу. Для тренировок использовались движущиеся на веревке мишени, по которым егеря стреляли, стоя, лежа и на бегу²³⁹. В годы войны егеря использовались, главным образом, на севере против Швеции, которая и сама, по отзывам Григория Александровича, обладала прекрасными егерскими подразделениями. Среди лесов, скал и фьордов это был наиболее «употребительный» род войск.

На Юге иная специфика местности диктовала свои требования. Считая, что пехота в условиях степи малоэффективна, Потемкин постоянно стремился увеличить долю конницы, особенно легкой и иррегулярной, чего не одобряли такие военачальники, как П.А. Румянцев и А.Г. Орлов. При князе численность конницы возросла на 18%, были сформированы драгунские полки 10-эскадронного и гусарские 6-эскадронного состава. Пехота в южных регионах тоже не оставалась без внимания: были устроены егерские батальоны, увеличено число grenадер, сформированы мушкетерские 4-батальонные полки.

«В России полк – это, в сущности, небольшое селение со всем необходимым, чтобы существовать самостоятельно, – писал в дневнике Миранда, – а когда прикажут, тотчас же выступать в поход. Нет такой работы по механической части или в доме, для исполнения которой тут не имелось бы собственных мастеров, отбираемых по мере прибытия новобранцев... Походные повозки, артиллерийский парк и прочее – все в наилучшем виде, равно как и лошади, составляющие полковое имущество»

во. Каждая рота размещается в бараке, где у нас едва ли втиснулось бы 40 человек. Посредине находится плита с духовкой для выпечки хлеба, каковая одновременно служит печью, чтобы обогревать помещение. Нет стойки для хранения оружия и вообще ничего подобного. Тем не менее, приятно видеть, в какой опрятности содержатся ружья, снаряжение и обмундирование».

Условия службы на новых землях были тяжелыми как для рядовых, так и для офицеров. «Жалование... самое мизерное, а потому солдат редко ест что-либо, кроме хлеба с солью... и немного совсем сырой капусты, чуть приправленной уксусом. Не смотря на этот скудный рацион, люди выглядят здоровыми и крепкими. Когда солдат трудится на общественных работах, он получает дополнительно пять копеек. Как только наступает его очередь нести службу, он берется за оружие, а вместо него работает другой. ...Офицеры каждой роты живут вместе в разделенном перегородками бараке, расположенном напротив солдатской казармы. Все эти строения либо глинобитные, либо саманные, либо дерновые. Крыша у них соломенная, а каркас сделан из прочного дерева»²⁴⁰.

Миранда указывал на худое состояние госпиталя, виденного им в Херсоне. «Он неплохо спланирован и построен, но из-за ощущаемого повсюду отвратительного запаха, воздух внутри затхлый и показался мне даже зловонным. Чистотой и порядком госпиталь не отличался». Тягостное впечатление госпиталя произвели и на императора Иосифа II во время посещения Крыма в 1787 г. Там находилось много больных, страдавших желудочными расстройствами. Приспособиться к новому климату и непривычной воде уроженцам центральных губерний России было трудно. Недаром князь М.М. Щербатов, обличая Потемкина, писал: «Приобрели, или лучше сказать, похитили Крым, страну, по разности своего климата служащую гробницею россиянам»²⁴¹.

Следует помнить об общем низком уровне медицины того времени. Даже среди военного руководства не было изжито традиционное недоверие к врачам, поскольку

многие из них действительно не обладали необходимыми навыками. Румянцев писал: «Служившие в армии медики должны признаться сами во многих недостатках сей части»²⁴². Суворов призывал полковых командиров не отсылать больных в лазареты, «где один умирает, а десять товарищей хлебают его смертный дух». В большинстве случаев лечение происходило без лекарств. От цинги давали кислую капусту, табак и хрен. Против лихорадки использовали голодание и обильное питье. При отравлении в ход шли рвотные.

Пестрый национальный состав жителей диктовал князю необходимость создания национальных полков. 30 мая 1777 г. Потемкин писал генерал-майору и астраханскому губернатору И.В. Якоби: «Полк Ново-сербский извольте набрать весь из сербов, для того той нации людей можете взять всех из других полков, где таковые есть. Я желаю, чтоб и прочие полки составлены были из народов по своему названию, что с молдавским, волоским и болгарским легко учиниться может»²⁴³. Комплектование таких полков уничтожало национальную рознь внутри боевой единицы, снимало языковой барьер и сплавивало солдат.

Впрочем, не обошлось и без курьезов. В 1788 г. австрийский представитель при русской армии принц Ш.Ж. де Линь доносил Иосифу II: «Мысль составить жидовский полк, под званием Израильского, не выходит у князя из головы. ...Набран их целый эскадрон, который я почитаю неоцененным своим сокровищем, оттого что длинные бороды их, висящие до колен, которые от короткости стремян высоко поднимаются, и боязнь, которую они оказывают, сидя на лошади, представляет из них сущих обезьян; трусость живыми красками изображается на глазах их, а неловкость, с которую они держат в руках пики, всякого заставит подумать, что они дразнят казаков»²⁴⁴.

Особенно странным современники находили пристрастие Григория Александровича к казакам и вообще к иррегулярной коннице. Безбородко ворчал, что «князь

все видимое превращал в это название». По мысли Потемкина, истинное назначение иррегулярных войск состояло в том, чтобы, расположившись и обжившись на границе, составлять одновременно и военную силу, и постоянное, занятое ведением хозяйства население. С середины 1770-х гг. в своих докладах Григорий Александрович говорил о необходимости расположения иррегулярных войск для защиты Астраханской губернии, границы от Моздока до Азова, границы по Тереку. Он предлагал увеличить там число казачьих станиц. Казачество представляло собой готовое военно-земледельческое сословие и вполне оправдало возложенные на него надежды.

Реформы, начатые Потемкиным в армии, остались не завершены. Помешала не только война, но и кончина светлейшего. По окончании конфликта с Турцией он планировал постепенный переход от рекрутской повинности к срочной службе, однако в подробностях проработать эту идею не успел.

Друзья и недруги

В 1785–1786 гг. оживились контакты между Петербургом и Веной, чему способствовало подписание весной 1785 г. русско-австрийского торгового соглашения. Потемкин и Безбородко прилагали немало усилий, чтобы укрепить союз двух держав и усилить его антитурецкую направленность в ущерб выгодной для «цесарцев» антипрусской²⁴⁵.

Постоянная совместная работа Григория Александровича со статс-секретарем и докладчиком Екатерины позволила Безбородко вникнуть во все подробности планов императрицы и светлейшего князя на Юге. Именно Потемкин выдвинул Александра Андреевича в члены Государственного Совета. «Безбородко завтра же посажу в Совет, который почти пуст»²⁴⁶, – обещала Екатерина 17 апреля 1786 г. На следующий день, 18 апреля, А.В. Храповицкий записал в дневнике: «Графу Безбородко повелено присутствовать в Совете»²⁴⁷.

Письма Александра Андреевича светлейшему князю за 1786 г. полны упоминаний о совместной работе, «угодной ее величеству»²⁴⁸. Продвижение Безбородко в члены Государственного Совета было не только наградой за выполненный труд, но и накладывало на Александра Андреевича ряд обязанностей перед его покровителем. Необходимость часто покидать столицу заставляла Потемкина искать человека, который, будучи посвящен во все государственные дела, оставался бы в Петербурге, чтобы помогать императрице в качестве ближайшего сотрудника. «Почта Цареградская доставила ответ Порты, который, я подозреваю, диктован от французов, – писал Григорий Александрович в июле Безбородко. – Он состоит в непризнании даже и царя Ираклия подданным России; называют его неоднократно своим. Прошу Вас сделать мне одолжение поспешить сюда приездом. Необходимо нужно мне ехать самому на границы. Боюсь крайне, чтоб не задрались прежде время»²⁴⁹. Светлейший просил Александра Андреевича поскорее вернуться из Москвы и приступить к выполнению своих обязанностей. Обстановка на Юге действительно складывалась весьма сложная.

Весной 1786 г., когда горные перевалы освободились от снега, вспыхнули военные действия на Северном Кавказе. Чеченский пастух Ушурма, провозгласивший себя наследником Пророка, принял имя Шейх Мансур и объявил газават – священную войну против неверных. Горские племена под его руководством начали нападать на русские посты и крепости Азово-Моздокской укрепленной линии²⁵⁰. Сегюр писал об этих событиях: «Фанатик Мансур, лжепророк во имя Магомета вооружил кабардинцев и другие черкесские племена, и они толпами вырвались в русские области с изуверством, которое усиливало их природную отвагу. Они ждали себе верной победы. Их предводитель поклялся им аллахом, что артиллерия христиан окажется безуспешна против них. Впрочем, при первой же стычке пушки, не слишком-то уважающие пророков, не оправдали предсказания и истребили множество мусульман... Знамя пророка с надписью из Алкорана было захвачено, и пророк погиб или бежал»²⁵¹.

В реальности дело обстояло совсем не так просто, как описал посол. Мятеж как нельзя кстати совпал с принятием Грузии под протекторат России. По приказу Константинополя Сулейман, папа Ахалцыхский, должен был соединить свои войска с отрядами «имама Мансура». 1 мая 1786 г. русский посланник в Стамбуле Я.И. Булгаков доносил императрице: «В начале апреля Порты послала тайное повеление к Ахалцыхскому папе набрать лезгин... Порты, когда российские войска появились в Карталинии, и ее область поддалась России, послала повеление к Сулейман-папе располагать духи разных мелких Азербайджанских ханов, соседних с Грузиею и с Ахалцыхом, возмущать их против Ираклия, иметь всегда в готовности войска и взять в службу Порты достаточное число лезгин для охранения сей границы... В совете, бывшем у муфтия полагали, что пока Сулейман останется в Ахалцыхе, Россия не может утвердить прочно своего владения в Карталинии»²⁵².

Получив это донесение, Екатерина направила Потемкину записку о неизбежности скорого начала войны: «Турки в Грузии явно действуют, – говорила императрица. – Лезгинскими лапами вынимают из огня каштаны. Сие есть опровержение мирного трактата, который уже нарушен в Молдавии и Валахии. Противу сего всякие слабые меры действительны быть не могут; тут не слова, но действие нужно, чтоб сохранить честь, славу и пользу государя и государства»²⁵³.

Григорий Александрович, как показывает его письмо к Безбородко, намеревался сам ехать на южные границы, но сохранение «честь, славы и пользы государя и государства» он усматривал в том, чтоб русские и турецкие войска «не задрались прежде времени», то есть не втянулись стихийно в столкновение на Черном море. На Кавказе к этому моменту уже полыхал локальный конфликт, грозивший перерасти в новую войну с Турцией. Двоюродный брат светлейшего князя П.С. Потемкин, подписывавший Георгиевский трактат и командовавший Кавказским корпусом, направил на поимку Шейх Мансу-

ра отряд полковника Ю.Н. Пиери, который был окружен в горах и весь вырезан чеченцами. «Мне жаль Пиерия, но не столько, как людей, ибо вся потеря произошла от его безрассудной запальчивости, – с раздражением писал светлейший своему родственнику и подчиненному. – Да при том еще чеченцы правы: им, в силу моего повеления, не было объявлено предписания, чтоб выдали бродягу пророка Мансура, а пришли (отряд Пиери. – О.Е.) прямо воровски; то как же им не обороняться противу разорителей? ...Постарайся произвести в чеченцах раскаяние, дать им чувствовать, что сие дело было своевольным предприятием, а не по повелению»²⁵⁴.

Это письмо показывает, что Григорий Александрович стремился притушить затлевшуюся войну на Кавказе и предпочитал до времени лучше потерпеть партизанские действия «бродяги Мансура», чем нанесением немедленного ответного удара всколыхнуть поддерживавшие лжепророка горские племена. Его возмутили самовольно взятые на себя полковником Пиери карательные функции, результатом которой явилось уничтожение немногочисленного отряда. Заметим, что жалость к солдатам и гнев не затмевали в глазах светлейшего того факта, что отряд действовал «воровски», а местные племена только воспротивились «разорителям».

Приказание «постараться произвести в чеченцах раскаяние» напоминает указы Екатерины в начале Пугачевского восстания, когда императрица предписывала больше действовать «уговариванием мятежников, чем силой оружия». Ни в 1773 г., ни в 1786 г. подобные благие устремления власть предержащих не были с пониманием встречены повстанцами. «Раскаяние» и в том, и в другом случаях пришлось вызывать «силой оружия». Сдержанность России на Кавказе была воспринята как слабость. Ободренный безнаказанностью за гибель отряда Пиери, Шейх Мансур продолжал свои нападения, плавно слившиеся с действиями турецких войск после начала войны в 1787 г. В условиях уже разразившегося конфликта необходимость смотреть сквозь пальцы на

партизанские вылазки чеченцев отпала. По приказу Потемкина в октябре Кубанский и Кавказский корпуса двинулись за Кубань и в первом же сражении наголову разгромили повстанцев лжепророка, который вынужден был бежать через снежный горный перевал под защиту турецкой армии в Суджук-Кале. Лишь в 1791 г. Ушурма оказался захвачен в плен в крепости Анапа и препровожден в Шлиссельбург.

В ходе столкновений на Кавказе выявилась не только враждебная по отношению к России позиция чеченцев, но и, напротив, дружеское отношение небольшого христианского народа осетин, страдавших от нападений соседей-мусульман и стремившихся перейти под протекторат России. Потемкин не преминул воспользоваться подобными настроениями. В мае 1787 г. в Кременчуге светлейший князь представил Екатерине трех депутатов от осетинских племен тезюванского, кубадонского и карабучинского, присланных для принесения благодарности за принятие их под покровительство России²⁵⁵.

Накануне этого события возникла записка Григория Александровича императрице, поясняющая, какие именно милости хотят получить осетины: «Живущий в горах позади Большой Кабарды осетинской народ, исповедующий веру христианскую и давший присягу Вашему Императорскому Величеству, ...достоин всякого внимания и вящего о нем презрения и попечения». Князь считал необходимым «осетинцов сих охранить от всяких притеснений, грабительства и разорения от прочих горских народов, коим... наистрожайше запрещать... чинить наглости и насилии над сим народом христиан, подтверждая, что покушении на оный приемлемы будут от нас в равной силе, как будто бы оные на подданных, живущих внутри пределов наших учинены были». По мнению Потемкина, покровительство осетинам и укрепление христианства на Кавказе способствовало бы «политическим видам» России «на сию сторону». «Вводя мало помалу подчиненность и благоустройство сих храбрых народов, – утверждал князь, – сверх спокойствия границ

наших приобретать будем постепенно и выгоды, обращая их к службе и пользам империи». По словам Потемкина, «древняя сия Албания могла быть во всех частях лучше и превосходнее королевства Венгерского, с коим и есть сходство превеликое, с тем только отличаем, что вся природа, как и все свойства физические и моральные, а равно и крутость нравов, находятся здесь в одной чрезвычайной степени»²⁵⁶.

Императрица дала согласие удовлетворить просьбы осетинских депутатов. Осуществление предусмотренных Потемкиным мер в отношении Осетии превратило территорию этой маленькой горной страны в постоянный дружественный для России очаг на Северном Кавказе, откуда в течение двух столетий осуществлялась помощь русским войскам в их многочисленных операциях. Основанная в 1784 г. крепость Владикавказ, как укрепленный пункт для защиты Военно-Грузинской дороги, проведенной русскими войсками к Тбилиси через Главный Кавказский хребет (Крестовый перевал), стала плацдармом для российского военного присутствия в этом регионе.

Главным дипломатическим противником России, постоянно подстрекавшим Стамбул к военным приготовлениям, продолжал оставаться версальский двор. Часто прямые переговоры с ним могли дать больше, чем попытки склонить Турцию к миру. Светлейший князь предлагал нейтрализовать усилия французских дипломатов, связав Париж и Петербург торговым договором. Екатерина поддерживала эту идею. «Я читала от начала до конца все бумаги, от тебя ко мне присланные, – писала она 26 июля 1785 г., – ... Петергофскую ноту как тогда, так и теперь хвалю»²⁵⁷.

Еще в июне 1785 г. новый посол Франции при русском дворе граф Сегюр передал через Потемкина государыне так называемую «Конфиденциальную ноту» о желательности заключить торговый договор. «Это тем нужнее для обоих государств, что императрица имеет ныне порты на Черном море, – сказано в документе. – Между нашими портами на Средиземном море и Херсоном могут возник-

нужны деятельные сношения²⁵⁸. По словам посла, Франция была готова поставлять вина, сахар и кофе из колоний, а покупать «разные предметы, необходимые для содержания флота», то есть лес, парусину и деготь. Кроме того, «она потребует» много пеньки, солонины, кож, сала, воска и селитры. «Франции выгоднее торговать непосредственно с Россией, чем платить другим народам огромные суммы за русские товары», – заканчивал ноту Сегюр.

Как видим, торговый баланс складывался в пользу России, поставлявшей товары первой необходимости в обмен на предметы роскоши. Екатерине весьма понравился представленный Сегюром проект. «Она приказала сказать Вам, что с удовольствием прочитала Вашу ноту... – передал послу Потемкин, – она даже расположена к заключению желаемого Вами договора». Подготовка трактата и согласование деталей потребовали более года, лишь 31 декабря 1786 (11 января 1787 г.) договор был скреплен подписями, однако при его реализации возникло немало сложностей.

Сегюр из соображений конкуренции всеми силами старался вредить англичанам, имевшим давние и прочные позиции в торговле с Россией. Он прекрасно понял, что Потемкина Франция интересуется только как южный партнер, и светлейший не станет помогать французам укрепляться на Балтике. «Было бы слишком невыгодно для Франции, – писал граф, – при невозможности пользоваться северною торговлею, которой овладели англичане, довольствоваться одним лишь южным краем. Мне нужно было убедить князя, что торговое развитие южных областей зависит от союза с нами... Я ему говорил: “Так вы сознаете пользу всеобщей конкуренции и невыгоду исключительных преимуществ в торговле, но зачем же вы допускаете монополию некоторых народов, так что Россия, а равно и Франция получают из вторых рук товары, которые можно было бы обменивать непосредственно?”».

На словах, добиваясь равных прав с Англией, Франция фактически желала лишить соперницу преимуществ,

которые расторопные британские купцы зарабатывали не одно поколение. Потемкин возражал на это: «Как же вы хотите, чтобы мы пошли наперекор насущным нуждам наших купцов и помещиков? Требования англичан на наши товары очень велики, а с вашей стороны они незначительны, ...нам некуда будет сбывать наши товары, если прервутся сношения с Англией. Британское правительство поддерживает, поощряет свою торговлю и нашу; ваше правительство в этом отношении действует вяло, беззаботно».

Со своей стороны английские дипломаты и купцы тоже были обеспокоены установлением русско-французских связей. Каждый искал для себя монопольных прав – но как раз их-то Россия предоставлять не хотела. Ей было выгодно торговать на севере с Англией, а в Средиземноморье с Францией. Навязывать же себе условия Григорий Александрович не позволял.

Сегюр старался побольше разузнать о планах Петербурга в отношении Турции и в силу данных ему инструкций защитить Порту. В мемуарах граф передавал многочисленные беседы, которые он вел с князем «на правах друга», и широким ковром раскидывал перед читателем свою аргументацию в пользу Турции. Потемкин не оставался в долгу и всегда весьма любезно, но твердо отклонял обвинения Сегюра в адрес России как зачинщицы конфликта.

«“Дивлюсь, – сказал он, – каким образом просвещенные, тонкие, любезные французы с такою настойчивостью поддерживают варварство и чуму? Как вы полагаете: если бы такие соседи ежегодно вторгались к вам, грабили, заносили язву и уводили бы сотни христиан в рабство, а мы бы стали препятствовать их изгнанию, каково бы вам это показалось?” Чтобы соединить мое собственное мнение с чувством долга, я отвечал: “...Варварство и чума не единственные бичи человечества; я могу назвать другие, не менее разрушительные – это чистоту и алчность к завоеваниям... Правительство наше старается обеспечить спокойствие турок для того только, чтобы не нарушать равновесия Европы”».

“Так зачем же они нас тревожат? – возразил князь. – По моему мнению, если ведомо, что соседи заняты грозными приготовлениями к войне, то должно предупредить зло, напасть на них и обессилить, по крайней мере, лет на двадцать”. Это возражение было бы хорошо, если бы оно было искренно. Вспомним, что в то время русские уже владели Крымом, перешли через Кавказ, приближались к Турции через Грузию, и потому не без причин внушали опасение турецкому правительству...

Я как-то жаловался князю на невнимание других министров к нашим торговым делам. На это он мне сказал:

– Холодность эта происходит от того, что... вы подстрекаете турок к войне... Для чего недавно еще вы послали в Константинополь инженера и офицеров французской армии, которые только и толкуют о войне?

– Ваши грозные приготовления в Крыму, вооруженные эскадры, которые в тридцать шесть часов могут явиться под Константинополем, также как и ваши действия в Азии, заставляют нас, как союзников турок, советовать им ...поставить себя в оборонительное и грозное положение.

– Хорошо, – сказал Потемкин, – я готов письменно заверить вас, что мы не затронем турок, но если они нападут на нас, то быть войне, и мы пойдем как можно далее».

Сегюру очень хотелось, чтоб коммерческое сближение на Юге переросло в политическую доверительность. И Потемкин, и Екатерина делали ему авансы, убеждали в своем миролюбии и расположении к Франции, но отнюдь не спешили менять политику в Стамбуле. Это огорчало дипломата: «Между тем как в Петербурге со мною обходились так дружественно, граф Шуазель писал мне из Константинополя, что поведение русского посланника вовсе несогласно со вниманием, мне оказываемым. ...Он извещал меня, что Булгаков старается возбудить в турках недоверчивость к нам, что он не допускает их согласиться на пропуск наших судов в Черное море и подстрекает русских агентов в Архипелаге к неприязненным дейст-

виям против нас. Поэтому, с одной стороны, казалось, что русское правительство сближалось с нами и покидало замыслы о завоеваниях, с другой стороны – в Константинополе и Греции готовило все для исполнения своих намерений на случай разрыва с Портою».

Положение Сегюра осложнялось еще и тем, что сам он не питал к туркам симпатии и называл свой дипломатический долг «несогласным с чувствами и личными убеждениями». «Как-то раз, рассказывая о грабежах кубанских татар и жестокостях визиря, он (Потемкин. – О.Е.) сказал мне: “Согласитесь, что турки – бич человечества. Если бы три или четыре сильные державы соединились, то было бы весьма легко отбросить этих варваров в Азию и освободить от этой язвы Египет, Архипелаг, Грецию и всю Европу. Не правда ли, что такой подвиг был бы и справедливым, и религиозным, и нравственным, и героическим подвигом?” ...Действительно, я никогда не постигал и теперь еще не понимаю этой странной и безнравственной политической системы, вследствие которой упрямо поддерживают варваров, разбойников, изуверов, опустошающих и обливающих кровью, обширные страны, принадлежащие им в Азии и Европе. Можно ли поверить, что все государи христианских держав помогают, посылают подарки и даже оказывают почтение правительству невежественному, бессмысленному, высокомерному, которое презирает нас, нашу веру, наши законы, наши нравы и наших государей, унижает и поносит нас, называя христиан собаками? Но в качестве посланника я должен был следовать данным мне инструкциям»²⁵⁹.

План войны

Летом 1786 г. многие европейские политики с интересом следили за положением дел при берлинском дворе. «Король прусский час от часу хуже и слабее становится здоровьем»²⁶⁰, – писала князю Екатерина. Потемкин считал, что усиление активности французских дипломатов в Константинополе, о котором Булгаков постоянно сооб-

щал с конца 1785 г.²⁶¹, связано с желанием версальского кабинета занять Россию военным конфликтом на Юге, пока в Центральной Европе будет разворачиваться война за Баварию. «Сколько мне кажется, то кашу сию Франция заваривает, чтобы нас озаботить, – рассуждал князь, – боясь приближения смерти прусского короля, при которой они полагают, конечно, императору (Иосифу II. – О.Е.) затея на Баварию. Сие тем вероятнее, что во Франции приказано конницу всю укомплектовать лошадьми, чего у них без намерения никогда не бывает... Главное то, чтобы выиграть несколько времени»²⁶². Фридрих II умер 6 (17) августа 1786 г. Уход из политики такой крупной, прославленной личности не мог не повлиять на ситуацию в Европе. Нового монарха Фридриха-Вильгельма II никто не считал серьезным соперником. Дворы застыли в ожидании больших перемен.

«То несумненно, что кашу заваривает Франция, – отвечала Екатерина Потемкину, – приготовиться надлежит к войне». Еще в донесении 15 (26) сентября 1785 г. Булгаков сообщал о действиях нового прусского министра в Константинополе. «Он сделал внушение улемам, ...что он может уверить Порту, что граф Вержен пребывает в непоколебимой системе противостоять всеми силами предприятиям России... Ежели король прусский принужден будет сделать разрыв с Венским двором и вступить в войну даже будущею весною, то уверяет Порту, что Франция и Голландия легко войдут в интересы Порты против намерений обоих императорских дворов (России и Австрии – О.Е.), как на Балтийском, так и на Черном море, ежели Порта решится учредиться с французским двором [договор] по поводу навигации на Черном море»²⁶³. Получив это сообщение, Екатерина прямо предупреждала своего корреспондента о необходимости готовиться к войне. Прусский министр в Константинополе ссылался на помощь, обещанную Порте министром иностранных дел Франции Шарлем де Верженном, такой информацией петербургский кабинет не мог пренебречь.

В ответ на предупреждение императрицы Потемкин составил расписание войск, к которому приложил запис-

ку, очерчивавшую задачи отдельных армий и корпусов. «В сходственность высочайшей воле представляю у сего расписание войск. Армия Екатеринославская иметь будет следующие предметы: 1-е, часть, на Кубань отряженная, для охранения границ и содействия с корпусом Кавказским; 2-е, часть крымская будет действовать оборонительно в полуострове; ...3-е, главный корпус или кордарме наступательно против турок, имея ввиду крепости: Бендеры, Очаков и Измаил; 4-е, Корпус Кавказский должен не прежде вперед действовать, как силы турецкие отвлекутся из Азии в Европейскую часть. Армия Украинская будет обсервационною, при том Хотин до нее надлежит и по обстоятельствам обратиться против той державы, которая б покусилась делать диверсию. Сею зимою почти все к своим местам должны притить... Чтобы скрыть причину движения войск, то на сие есть благовидный случай: указать собрать лагеря в упомянутых местах, чтоб, шествуя, Ваше величество, видела и большую часть войск Ваших... Победы и простираение успехов зависят от воли Божией, он даст более, нежели ожидать можно, но нам предполагать должно умеренно... Однако ж не должно воевать без заплаты убытков и для сего, сделав хотя один шаг военной, не мириться иначе как, удержав часть земли между Днестра и Буга, свободу Грузии и Имеретии, а сверх сего вывести молдаван и валахов сколько можно»²⁶⁴.

Итак, из приведенного документа, появившегося не ранее 15 (26) сентября (то есть даты донесения Булгакова) и не позднее начала ноября (то есть отъезда Потемкина на Юг) видно, что уже осенью 1786 г. был готов план военных действий на случай разрыва с Турцией. Россия предполагала неизбежное вмешательство в конфликт одной из крупных европейских держав, для отражения «диверсий» которой оставалась обсервационная армия на Украине.

Путешествие Екатерины на Юг должно было служить благовидным предлогом для придвижения русских войск к границе. В этой же записке светлейший князь очерчи-

вал цели, которые Россия должна преследовать в случае открытия военных действий. Они подчеркнута реалистичны. Это возмещение убытков, принесенных войной; приобретение земель между Днестром и Бугом; признание Турцией независимости Грузии.

Тем временем в Европе общим убеждением было, что Россия, вступая в новую войну, ставит задачу раздела Оттоманской Порты. В одном французском памфлете сказано: «Если турки останутся победителями, они не пойдут в Москву, – писал анонимный автор, – зато русские, разбив турок в двух сражениях, непременно явятся в Константинополь»²⁶⁵. Подобное мнение широко вошло в историографию и на его основании делался вывод о неудачности второй русско-турецкой войны, а Потемкин и Екатерина представляли в роли политиков, увлекшихся несбыточной мечтой.

Россия ставила перед собой более узкие задачи. Она желала сомкнуть границы с Черным морем, еще в 1782 г. Григорий Александрович писал: «Границы России – Черное море». Тем не менее, Порта оспаривала присоединение Крыма, и новые земли пришлось защищать вооруженной рукой. Разработанный светлейшим план не претерпел существенных изменений в ходе войны 1787–1791 гг., а намеченные князем цели соответствовали результатам, которых удалось добиться после тяжелого пятилетнего противостояния с целой коалицией держав.

Следует сделать вывод, что накануне войны проект Потемкина «О Крыме» был осуществлен не только по части присоединения полуострова, но и по части его заселения и первого этапа хозяйственного освоения. Неизбежность нового столкновения с Турцией была очевидна, и подготовка к вооруженному конфликту велась полным ходом, однако ознакомление с планом кампании показывает, что Россия не намеревалась расчленять Порту. Она ждала нападения с турецкой стороны.

Потемкинские деревни – гордость России

Вячеслав Сергеевич ЛОПАТИН

(г. Москва)

В 1787 г. императрица Екатерина II совершила свое знаменитое путешествие на Юг с целью обозреть земли, недавно вошедшие в состав России после вековой борьбы с Крымским ханством, беспощадным разорителем русских земель, и Османской Портой, считавшей Черное море своим внутренним озером. Именно в екатерининское царствование империя стала черноморской державой. Главным деятелем в решении этой исторической задачи был соправитель и тайный муж императрицы светлейший князь Григорий Александрович Потемкин.

За последние годы о нем написаны десятки книг и статей. Его называют выдающимся государственным деятелем, умелым реформатором армии, замечательным стратегом. Историки отдают должное дипломатическим талантам князя Таврического, его политической прозорливости. Вспомнили, что Потемкин лично провел в жизнь план присоединения Крымского ханства к России. По его инициативе и под его руководством были построены города Херсон, Севастополь, Екатеринослав, Николаев и другие. За ним признана честь создателя Черноморского флота.

Тем не менее, и сегодня приходится слышать, как российские телеведущие и журналисты, литераторы и простые обыватели, парламентарии и высокопоставленные чиновники в своих выступлениях используют термин «потемкинские деревни», обличая показное

благополучие и наглый обман. Используют, не сознавая, что повторяют один из самых злостных антироссийских мифов, созданный врагами нашей родины вскоре после путешествия Екатерины на Юг.

Напомним основные этапы путешествия. 7 января 1787 г. из Царского Села выехал санный поезд императрицы. Путь лежал через Смоленск в Киев, куда Екатерина прибыла 29 января.

22 апреля из Киева вниз по Днепру двинулась флотилия.

30 апреля императрица прибыла в Кременчуг, который временно, до постройки Екатеринослава, являлся главным городом наместничества. Потемкин устроил торжественную встречу.

«Здесь я нашла треть прекрасной легкой конницы, той, про которую некоторые незнающие люди твердили доныне, будто она лишь считается на бумаге, а в самом деле ее нет, – пишет императрица 30 апреля в Москву генералу П.Д. Еропкину. – Однако же она действительно на лицо, а такова, как, может быть, еще никогда подобной не бывало, в чем прошу, рассказав любопытным, слаться на мое письмо, дабы перестали говорить неправду»²⁶⁶.

Именно с Кременчуга начиналась главная часть путешествия – осмотр вверенных попечению Потемкина южных губерний. И город, и жители, и войска очень понравились императрице и ее спутникам, среди которых были полномочные министры Франции (граф Л.Ф. де Сегюр), Великобритании (А. Фицгерберт) и Священной Римской империи (граф И.Л. Кобенцль).

В письмах, почти ежедневно летевших в Москву и Петербург, императрица постоянно опровергает вымыслы относительно деятельности Потемкина на Юге.

«Легко-конные полки... про которых покойный Панин и многие иныя старушонки говорили, что они только на бумаге, но вчерась я видела своими глазами, что те полки не карточные, но в самом деле прекрасные...» (1 мая, в Петербург Н.И. Салтыкову)²⁶⁷.

«Чтоб видеть, что я не попусту имею доверенность к способностям фельдмаршала Князя Потемкина, надле-

жит приехать в его губернии, где все части устроены, как возможно лучше и порядочнее: войска, которые здесь, таковы, что даже чужестранные оныя хвалят неложно; города строятся, недоимок нет» (3 мая, в Петербург тому же Салтыкову)²⁶⁸.

7 мая, получив известие о том, что император Священной Римской империи Иосиф II уже прибыл в Херсон и отправился к ней навстречу, Екатерина сходит на берег и в карете спешит к Новым Кайдакам. Встреча глав двух великих держав происходит в безлюдной степи. Присутствуют всего несколько лиц, в том числе Потемкин. Ему даже пришлось лично готовить кушанья для высоких гостей, потому что обед ждал их в Новых Кайдаках.

9 мая на месте, избранном Потемкиным для сооружения губернского города Екатеринослава, императрица закладывает церковь. Ей помогают Потемкин и австрийский император. Первый подает закладную плиту, второй кладет кирпичи на известковом растворе. Несколько часов спустя Екатерина и Иосиф (сохранявший инкогнито под именем графа Фалькенштейна) смотрят с берега Днепра, как искусные лоцманы-запорожцы проводят суда флотилии через ревущие Ненасытецкие пороги. Флотилия успешно форсирует опасное место, но путешествие продолжается по суше.

12 мая коляска императрицы, в которой сидят граф Фалькенштейн и Потемкин, торжественно въезжает в Херсон. Салютуют пушки крепости. Салютуют войска. После торжественной литургии в соборной церкви Святой Великомученицы Екатерины генералитет, херсонское дворянство и именитое херсонское гражданство во главе с Потемкиным встречают коронованных гостей у дворца. Вечером на торжественном приеме звучит музыка. Город иллюминирован.

13 мая после большого официального приема государыня ее гости, свита, высшие чины армии и флота (всего 80 человек) приглашаются Потемкиным на обед. Участников обеда ждал многозначительный сюрприз. Как особо отмечает камер-фурьерский церемониальный журнал,

«вместо филейных десертных перемен поставлены были принесенные пред тем из Адмиралтейства модели кораблям, фрегатам и прочим транспортным судам, каковые в Херсонском Адмиралтействе со времени одного построены и ныне находятся в Черном море».

Потемкин постепенно готовит императрицу и ее гостей к кульминации путешествия – показу Черноморского флота в Севастополе. 15 мая Екатерина в белом флотском мундире и скромно одетый в простой армейский мундир «граф Фалькенштейн» присутствуют в Херсоне при торжественном спуске кораблей – 80-пушечного «Иосифа», 70-пушечного «Владимира» и 50-пушечного фрегата «Александр».

13 мая А.В. Храповицкий записывает в своем дневнике: «В письме к Еропкину сравнение шестилетнего устройства Петербурга с Херсоном; укрепления города и здания похвалены; в расторопности и успехах должно отдать справедливость Князю Г.А. Потемкину»²⁶⁹.

«Народа здесь, кроме военных, великое множество и разноязычные с большей части Европы, – читаем мы в упомянутом письме. – Я могу сказать, что мои намерения в сем крае приведены до такой степени, что нельзя оных оставить без достодожной похвалы. Усердное попечение везде видно, и люди к тому избраны способные»²⁷⁰.

На другой день в письме к Я.А. Брюсу в Петербург Херсон назван одним из лучших русских городов. Это великолепие достигнуто за шесть лет, в голой степи!

Путешественники намеревались посетить Кинбурн – русскую крепость, стоящую напротив грозного турецкого Очакова – но маршрут пришлось изменить. К Очакову пришел сильный османский флот: 4 линейных корабля, 10 фрегатов и множество вспомогательных судов. Екатерина выражает неудовольствие графу Сегюру за подстрекательство турок к войне. Француз оправдывается тем, что Блистательная Порты встревожилась, узнав о собранных на Юге войсках.

Совместное путешествие союзников вызвало пристальный интерес в Европе. Особенно забеспокоились Англия и

Пруссия, усилившие интриги при дворе султана с целью остановить успехи России в Северном Причерноморье – но пока все это покрыто тайной.

Сегюр в своих поздних воспоминаниях заявляет, что Потемкин хотел войны, потому что ему якобы не терпелось получить высший военный орден Российской империи – св. Георгия I степени. Документы опровергают французского дипломата. Грандиозная строительная программа на Юге нуждалась в мире. Потемкин беспокоился за недостроенные укрепления, за невооруженные корабли, за недостаточно обученную армию. После неурожайных лет он прилагал энергичные усилия, чтобы пополнить хлебные «магазинны». Во время кризиса, созданного сразу после путешествия турецкой партией войны, Потемкин наставлял российского посланника в Константинополе Я.И. Булгакова, как сохранить мирные отношения еще на несколько лет за счет уступок Порте.

А пока путешествие продолжается. 17 мая императрица и ее спутники покидают Херсон и держат путь в сказочную Тавриду. На подходе к Перекопу их встречают казаки – три с половиной тысячи донцов во главе с войсковым атаманом А.И. Иловайским. Донцы, к которым благоволил Потемкин, устраивают показательные маневры, вызывая неподдельное восхищение австрийского императора.

В Крыму царский поезд окружает толпа татарских всадников – полторы тысячи отборной конницы под начальством бригадира Ивана Горича Большого, родом черкеса. Снова взрыв удивления: вчерашние враги почтиительно конвоируют карету российской императрицы. На длинном спуске к Бахчисараю тяжелый экипаж понесло. Татарские всадники сумели остановить карету. Сидевшие в ней император Иосиф и принц Ш.Ж. де Линь получили представление о силе характера российской государыни: на лице Екатерины не было и тени беспокойства.

В Бахчисарае путников встречает мусульманское духовенство во главе с муфтием. Гости останавливаются

в бывшем ханском дворце. Мечети и дома иллюминированы. Императрица отдыхает в столице ханства, наводившего в течение столетий ужас на Русь. Во время одной из прогулок Иосифа с Сегюром они признаются друг другу, что увиденное напоминает сказку из «Тысячи и одной ночи».

Храповицкий заносит в дневник слова Екатерины: «Говорено с жаром о Тавриде. «Приобретение сие важно; предки дорого бы заплатили за то; но есть люди мнения противного, которые жалеют еще о бородах, Петром I-м выбритых. А.М. Дмитриев-Мамонов молод и не знает тех выгод, кои чрез несколько лет явны будут. Граф Фалькенштейн видит другими глазами. Фиц-Герберт следует Английским правилам, которые довели Великобританию до нынешнего ее худого состояния. Граф Сегюр понимает, сколь сильна Россия; но Министерство, обманутое своими эмиссерами, тому не верит и воображает мнимую силу Порты. Полезнее бы для Франции было не интриговать. Сегюр, кроме здешнего Двора, нигде министром быть не хочет»²⁷¹.

На другой день в письме к Еропкину государыня подчеркивает: «Весьма мало знают цену вещам те, кои с уничижением безславили приобретение сего края: и Херсон, и Таврида со временем не только скупятся, но надеяться можно, что естли Петербург приносит осьмую часть дохода Империи, то вышеупомянутые места превзойдут плодами бесплодные места»²⁷².

20 мая царский поезд прибывает в Инкерман под Севастополем. Во время обеда в путевом дворце по знаку Потемкина падают шторы на окнах, и гости видят прекраснейшую гавань и стоящий в ней флот – 15 военных кораблей, 1 бомбардирское судно и 10 транспортов. Корабли салютуют в честь Российской императрицы. Это кульминация путешествия и триумф России. На Черном море, которое Блистательная Порта веками считала своим внутренним «озером», появился новый хозяин.

Посетив Симферополь, Карасубазар, Старый Крым, Феодосию, путешественники возвращаются через Пере-

коп в Бреславль. Здесь Иосиф прощается с Екатериной, обещая на третье свидание прибыть в Петербург. Эта встреча не состоится – император умрет зимой 1790 г., во время войны, которую вскоре объявит России Турция.

7 мая царский поезд прибывает в Полтаву. На следующий день, после обозрения места знаменитой баталии, с кургана, прозванного в народе «Шведской могилой», императрица, ее свита и знатные иностранцы наблюдают, как «под предводительством генерал-аншефа и кавалера князя Юрия Владимировича Долгорукова... войско, имея 40 орудий полевой артиллерии, атаковало неприятеля пред собою поставленного, причем во всех движениях доказало совершенное устройство и похвальную расторопность».

Так записано в камер-фурьерском журнале. Маневры на Полтавском поле были задуманы Потемкиным, как символ преемственности политики Екатерины, идущей по стопам Петра Великого.

10 июня Потемкин простился с императрицей, проводив ее до границы Харьковской губернии. Список лиц, представленных им к наградам, был подан им заблаговременно. Среди тех, заслуги которых в освоении полуденного края и в укреплении его обороноспособности были достойно отмечены, оказались князь Ю.В. Долгоруков, А.В. Суворов и М.И. Кутузов. Заслуги самого Потемкина Екатерина отметила еще в Полтаве. 8 июня она приказала «Сенату заготовить похвальную грамоту с означением подвигов Господина Генерал-Фельдмаршала Князя Григория Александровича Потемкина в присоединении Тавриды к Империи Российской, в успешном заведении хозяйственной части и населении губернии Екатеринославской, в строении городов и в умножении морских сил на Черном море, с прибавлением ему наименования Таврического».

Ответом на путешествие Екатерины II на Юг стала война, объявленная Турцией в августе 1787 г. Ее подлинными зачинщиками были Англия и Пруссия, встревоженные усилением России. Война длилась почти четыре

года. Блистательные победы русской армии и флота под предводительством Потемкина поставили точку в борьбе за выход к Черному морю. Империя стала Черноморской державой.

Через десять лет после путешествия Екатерины в апрельском номере гамбургского журнала «Минерва» за 1797 г. началась публикация анонимной рукописи «Potemkin Der Taurier» («Потемкин-Таврический»). Издатель журнала барон Иоганн Вильгельм Архенгольц предварил ее броской рекламой: «Автор этой драгоценной рукописи, изобилующей неизвестными до сего времени анекдотами, бытовыми чертами и историческими открытиями, – немец. Он, благодаря исключительным обстоятельствам, приобрел сведения о своем предмете и изложил их с большим пониманием и откровенностью. Минерва с течением времени опубликует всю рукопись».

Новая биография Потемкина печаталась с 1797 по 1800 гг. включительно, то есть, пришлась на время царствования Павла I. Начиная свой рассказ, анонимный автор заявил: «Все, что касается исторической точности, нами проверено самым тщательным образом прежде, чем мы решились предложить наше сочинение читателям этого высоко ценимого нами периодического издания»²⁷³.

В 1804 г. статьи из журнала «Минерва» были собраны в книгу под названием «Potemkin. Ein interessanter Beitrag zur Regierunge geschichte Katharina's der Zweiten». («Потемкин. Любопытное дополнение к истории царствования Екатерины Второй»). Остававшийся анонимным автор кое-что сократил, кое-что дополнил. Книга получила широкое хождение в Западной Европе – за 13 лет шесть отдельных изданий – в Германии, в Голландии, Англии, Франции. Попытка опубликовать перевод книги в России была предпринята в 1808 г. Цензура его не пропустила.

Через полтора века замечательная русская исследовательница Е.И. Дружинина в своей докторской диссертации (посвященной хозяйственному освоению Северного Причерноморья в последней четверти XVIII в.) особо отметила, что автор статей в журнале «Минерва» «объ-

являет несостоятельными все военно-административные и экономические мероприятия Потемкина... Саму идею освоения южных степей он пытается представить, как нелепую и вредную авантюру», подавая «изображение всего того, что было построено на юге страны, в виде бутафории – пресловутых “потемкинских деревень”»²⁷⁴.

Накануне решающего военного столкновения с европейским диктатором Наполеоном печатать подобные тексты было в высшей степени неуместно.

Что же написал автор, заверявший читателей в «исторической точности» сообщаемых им сведений?

Постоянно обвиняя Потемкина в присвоении крупных денежных средств, он заявил, что «путешествие водою было предпринято в начале весны, и в то же время начались театральные затеи, очарованием которых обманута была одна только Императрица. Но сей обманчивой наружности придали еще более блеска тогда, когда Императрица ехала сухим путем в наместничество Князя Потемкина.

Вдали представлялись селения, в коих ни домов, ни церквей, ни колоколен не было, а только изображены были на доске, а другие, поблизости лежащие, только успели выстроить и казались обитаемы, но жители пригоняемы были за 40 немецких миль. Ввечеру они должны были оставлять свои жилища и поспевать ночью к другим, где опять оставались на несколько часов, пока Императрица проедет. Разумеется, что сим людям обещали награждение, но, несмотря на то, они ничего не получили. Многие из них были жертвою отчаяния и изнурения. Во время ночи перегоняли скотину стадами из одной деревни в другую, и часто случалось, что Императрица 5 или 6 раз сряду одною и тож любовалась»²⁷⁵.

Российскую императрицу сопровождали многочисленные спутники. В их числе находились послы ведущих европейских держав, сенаторы, почетные гости. Один из них, принц де Линь, уже в июле 1787 г. опроверг ходившие слухи: «Уже успели сплести басню, – писал он одному из знакомых, – что нам по дороге выставляли карточные

домики, пушки и корабли, разрисованные на бумаге, а конницу без лошадей, и тому подобный вздор»²⁷⁶.

Станции были устроены через каждые двадцать верст, путевые дворцы – через сто. Чтобы оценить по достоинству размах проделанной Потемкиным и его сотрудниками работы, достаточно привести только одну цифру: для проезда царского поезда по Новороссии и Тавриде потребовалось более 25 тыс. лошадей. Светлейшему князю даже пришлось отменить намеченную поездку императрицы в область войска Донского. Приготовленные там путевые дворцы и лошади по его приказу были переброшены на главный маршрут. Были починены дороги и мосты, построена паромная переправа через Днепр. Приводились в лучший вид села и города, через которые шествовала императрица. Как известно, так поступают всегда в ожидании приезда первых лиц государства. Не забудем, что Потемкину пришлось обеспечивать передвижение и безопасность австрийского императора, направлявшегося из Львова в Херсон.

Автор не унимается: «Потемкин был столь дерзок, что, водивши Императрицу по всем городам, чрез которые она проезжала, показывал ей магазейны, в которых лежали кули, вместо хлеба песком насыпанные... Для приема императрицы в Севастополе Потемкин велел построить деревянный дворец, из коего видна была гавань, которая по местоположению своему может назваться почти наилучшею в Европе. По прибытии их туда тотчас зажжен был фейерверк, после которого явился целый флот, прекрасно иллюминированный; [он] состоял из купеческих кораблей и старых барок, набранных со всех сторон и убранных наподобие военных»²⁷⁷.

Наглость и бесстыдство памфлетиста беспредельны. Тысячи людей встречали и провожали царский поезд. Никто из них ни ряженных, ни декораций не видел. Черноморский флот во главе с выдвиженцем Потемкина, талантливейшим Ф.Ф. Ушаковым, одержал блестящие победы. Именно черноморцы 31 июля 1791 г. разгромили флот противника при мысе Калиакрия, поставив точку в войне.

Красноречивее всех свидетельств о великом созидательном подвиге России на Юге говорит рост численности населения на Юге. За десять лет с 1777 г. оно увеличилось с 200 тыс. до 725 тыс. душ обоего пола.

Потемкин сделал на Юге больше, чем Петр на Севере. Все попытки, предпринятые в царствование императора Павла I, уличить Потемкина в растрате казенных сумм (о которых так радеет памфлетист) окончились полным оправданием великого строителя и созидателя.

Граф Сегюр, сообщая Потемкину о своем намерении отправиться в отпуск, во Францию, писал 25 августа 1787 г. (по горячим следам после путешествия на Юг): «Я с большим удовольствием опишу... все те великолепные картины, которые Вы нам показывали: торговлю, привлеченную в Херсон, несмотря на зависть и болота; чудом созданный в два года флот в Севастополе... и ту гордую Полтаву, где Вы с такою убедительностью мощью 70 баталионов отвечали на те нападки, которым подвергалось Ваше устроение Крыма со стороны невежества и зависти. Если мне не поверят, то это будет Ваша вина: зачем Вы сделали столько чудесного в столь короткое время, ни разу не похвалившись, пока не показали всего разом?!».

Ответом Европы на триумф России стала война, доказавшая что потемкинские деревни, войска и флот были отнюдь не карточными. Зачинщики войны, видя поражения турок, подстрекнули шведского короля начать боевые действия вблизи Петербурга. Когда же шведский натиск не принес результата, Англия и Пруссия, пытаясь спасти доверившуюся им Османскую Порту от полного разгрома, сначала вывели из войны союзницу России Австрию, затем пригрозили вооруженным вмешательством на стороне султана, если императрица не примет их ультиматум – заключить мир с Турцией без всяких компенсаций. В труднейшей дипломатической борьбе Екатерина и Потемкин отразили новый вызов и добились почетного и выгодного мира. Натиск прямых агрессоров и их покровителей разбился о «потемкинские деревни».

Важно подчеркнуть, что миф о «потемкинских деревнях» как символе показного благополучия возник задолго до путешествия Екатерины на Юг. Автор молчит о своем участии в путешествии. Он собрал слухи и сплетни, которые распускались в Петербурге противниками Потемкина, развил их и литературно оформил.

Только в 1860 г. немецкие ученые установили имя автора. Им оказался Георг Адольф Вильгельм фон Гельбиг, служивший в конце царствования Екатерины II секретарем саксонского посольства в Петербурге. Вот как отзывался о нем историк Д.И. Иловайский: «Иностранные дипломаты нередко с особым усердием сообщают своим правительствам слухи и характеристики, неблагоприятные для лиц, игравших главные роли при дворе; другими словами, дипломатия европейская в те времена еще любит заниматься сплетнями... Самыми злыми языками в данном случае являются саксонские дипломаты в Петербурге... особенно Гельбиг... Лицо, которое они стараются чернить предпочтительно пред другими, это Потемкин»²⁷⁸.

Об «увлечениях» Гельбига знала российская императрица. «Вы восторгаетесь моим 33-летним царствованием, – писала она 20 сентября 1795 г. своему постоянному корреспонденту, барону Фридриху Мельхиору Гримму, – между тем как ничтожный секретарь саксонского двора... по имени Гельбиг, говорит и пишет о моем царствовании все дурное, что только может себе представить... Это истый враг русского имени и меня лично. Раз двадцать я уже извещала Саксонский Двор, чтобы его убрали отсюда; но Саксонский Двор находит, по-видимому, его сообщения прелестными... Если его не уберут отсюда, я прикажу посадить его в кибитку и вывезти за границу, потому что этот негодяй слишком дерзок. Если можете, помогите мне отделаться от этой особы, столь ненавидящей меня»²⁷⁹.

Гримм помог. Отозванный дипломат решил заработать на собранных в России «сведениях». Помимо биографии Потемкина, Гельбиг напечатал анонимно биографию

императора Петра III (1808 г.) и книгу «Русские избранники» (1809 г.)²⁸⁰. Эти «труды», из которых наиболее содержательным был двухтомник о Петре III, во многом основаны на сомнительных слухах, переполнены грубыми ошибками и передержками. Тем не менее, они пользовались успехом в Европе. Более того, сделались популярными в России, где до самого начала XIX в. никаких русских биографий Екатерины Великой и ее знаменитых сотрудников не печатали. Исключение составил прославленный Суворов. О нем написал принятый на русскую службу и попавший в штаб к Суворову немец И.Ф. Антинг.

«Труд» Гельбига о Потемкине оказался запоздалым залпом в психологической войне против России. Задевать покойную великую императрицу было небезопасно, поэтому Гельбиг избрал предметом своих обличений Потемкина – но главной целью было очернить выдающиеся достижения России, ставшей самой могущественной державой континентальной Европы. Формируя негативное мнение о России и русских, саксонский дипломат спешил предупредить европейцев о грозящей опасности. Наступательной политикой огромной империи руководил честолюбивый и коварный князь Таврический.

Отметим и другое важное обстоятельство. Статьи Гельбига из журнала «Минерва» были изданы отдельной книгой в 1804 г., когда над Европой уже нависла тень великого завоевателя. Вскоре Наполеон растоптал независимость многих европейских государств, в том числе и Саксонии. Мощь наполеоновской Франции сокрушила Россия, которой Гельбиг запугивал европейцев. Именно Российская империя внесла решающий вклад в освобождение Европы.

Вымыслам саксонского дипломата была уготована долгая жизнь. После краха наполеоновской диктатуры «потемкинские деревни» сделались козырной картой в больших политических играх. Они демонстрировали неспособность «варварской России» к созиданию и приглашали к нападению на нее. Миф о «потемкинских

деревнях» был использован Англией, готовившей новое нападение на Россию, в котором наряду с британцами участвовали Франция, Турция и Сардинское королевство. Одной из целей войны было отторжение Крыма. Героическая оборона Севастополя (одного из городов, основанного Потемкиным) сорвала этот план.

Русские историки и писатели знали о «сказках» Гельбига, но считая их полным вздором, они вовремя не дали должного отпора мифу о «потемкинских деревнях». И напрасно. Миф продолжал жить, работая против России.

В 1822 г. внучатый племянник Потемкина, прославленный герой 1812 г. генерал Николай Николаевич Раевский совершил поездку по Югу России. Вместе с его семьей путешествовал молодой Пушкин. Раевский делился с молодым и уже знаменитым поэтом оценками своего великого деда-дяди. О них можно судить по письму Раевского дочери Екатерине, посланному 13 июня 1820 г. «Екатеринославль на прекрасном месте расположен вдоль Днепра. Город не обширный, улицы и дома чистые, и при каждом сад, что составляет картину весьма приятную. С горы, которую предположено застроить, в хорошую погоду виден Павлоград в 70-ти верстах расстояния. На сей высоте заложена была церковь императрицей Екатериной, которой величиной мало в Европе равняться могут, — она оставлена; тут валится и дворец, в котором жил князь Потемкин. При нем прекрасный, но запущенный сад, обширный с прекрасными деревьями, коим окружающие степи цену прибавляют. Великий князь Николай Павлович, смотря на дворец, повторил слышанные слова: этот человек все начинал, ничего не кончил.

Потемкин заселил обширные степи, распространил границу до Днестра, сотворил Екатеринославль, Херсон, Николаев, флот Черного моря, уничтожил опасное гнездо неприятельское внутри России приобретением Крыма и Тавриды, а не dokonчил только круга жизни человеческой, не достигнув границы, ей предназначенной, умер во всей силе ума и таланта!»²⁸¹.

Пушкин, возвращаясь на Юге в кругах радикально настроенной молодежи, прочитав ходивший по рукам

памфлет Шарля Массона²⁸², повторил в небольшом наброске о Екатерине выпады француза против великой правительницы и ее царствования. При этом на Юге все напоминало о князе Таврическом и его деятельности. Жители уже подняли вопрос о сооружении памятника великому сыну России (открыт в 1837 г.). Все это, а также отзывы Раевского, которого Пушкин глубоко уважал, заставили поэта в заметке о Екатерине (крайне тенденциозной и несправедливой) сделать одно исключение. «Имя странного Потемкина будет отмечено рукой Истории, – писал молодой гений. – Он разделит с Екатериной часть воинской ее славы, ибо ему обязаны мы Черным морем и блестящими, хоть и бесплодными победами в северной Турции».

Заметим: блестящие победы не были бесплодными, если возвели Россию в ранг Черноморский державы.

Зрелый Пушкин в «Капитанской дочке», выведя Екатерину мудрой, справедливой правительницей, искупил грехи молодости. В своем разборе злосчастной книги Радищева он с полной определенностью высказался о распространившемся в просвещенных кругах России бездумном поклонении Западу, невежественном презрении к родному прошлому и слепом пристрастии к новизне.

Эта болезнь прогрессировала весь XIX в. и достигла своего апогея в 1917 г. Особенно резко ненависть к истории России и русскому государству среди значительной части российской интеллигенции проявилась в революционное лихолетье. Всего через двадцать дней после отречения царя А.В. Амфитеатров (прогрессивный публицист, борец против самодержавия) поместил в газете «Русская воля» статью, в которой потребовал немедленно снять конную статую императора Николая I, переплавить ее или «сдать в музейные чучела». Вскоре он уже настаивал на уничтожении всех памятников царям, в том числе и «Медного всадника»²⁸³.

Ему возразил знаток и ценитель искусства А.Н. Бенуа, известный художник и критик. Защищая «Медного

всадника», памятники Екатерине II, Николаю I и Александру III как несомненные произведения искусства, Бенуа соглашался убрать (иными словами, уничтожить) большинство петербургских монументов²⁸⁴. В их числе – три памятника Петру Великому, а также памятники Суворову, Глинке, Пушкину, Лермонтову, Пржевальскому, героям миноносца «Стерегущий».

Эти пожелания учел Ленин. Его декрет от 12 апреля 1918 г. «О памятниках Республики» открыл кампанию по уничтожению памятников «царям и царским слугам». Погибли все памятники Екатерине Великой, установленные на Юге России. В композицию большинства из них входила фигура Потемкина. Чудом уцелели несколько памятников «царям и царским слугам» в «Красном Питере», переименованном в 1924 г. в Ленинград. Красные вожди не спешили демонстрировать свое глумление над историей России в бывшей столице Российской империи – на виду у Европы.

Вкусив прелестей «пролетарской диктатуры», Амфитеатров перед своим бегством в Финляндию, на обеде, данном в большевистском Петрограде в честь знаменитого английского писателя Герберта Уэллса (1921), раздраженно назвал все существующее в Советской России «потемкинскими деревнями». Затем бежал в Италию, сделался поклонником Муссолини²⁸⁵.

После победы в Гражданской войне апологеты мировой революции и массового террора возвели борьбу с «проклятым прошлым» в ранг государственной политики. «Мы поняли чуть-чуть поздно, что термин «русская история» есть контрреволюционный термин», – заявлял один из видных большевистских идеологов М.Н. Покровский²⁸⁶.

Этот ненавистник русской истории был «избран» в академики. Старые, заслуженные российские ученые, действительные члены Академии наук были вынуждены проголосовать за Покровского и других коммунистов под угрозой прекращения финансирования науки правительством. От угроз власть перешла к делу. При активном

участии Покровского в конце 1920-х гг. были арестованы и брошены в застенки ГПУ ведущие русские ученые-историки. Их обвиняли в контрреволюционном заговоре и пособничестве империалистам Антанты. Русская историческая наука была обречена на уничтожение.

Тем не менее, очередной политический процесс, подготовленный репрессивным ведомством, все же не состоялся. «Академическое дело» было прикрито. Арестованные историки в большинстве своем вернулись к научной работе. Предмет «История» был возвращен в школы и высшие учебные заведения. Покойный «академик» Покровский подвергся уничтожающей критике. Многие активисты «школы Покровского» очутились в тюрьмах и концлагерях, куда они пытались загнать цвет отечественной исторической науки.

Все это совпало с установлением личной диктатуры Сталина. Восстановление эффективно функционирующего государства (на разрушение которого ленинцы потратили столько сил) вступило в новую стадию. Сталин понимал, что надвигающаяся мировая война потребует от народа и страны сплочения, единства, веры и жертвенности. Лозунги мировой революции и практика коммунистического строительства, завещанные Лениным, не могли поднять народ на великую борьбу и великие жертвы.

В середине 1930-х гг. в Советском Союзе вспомнили исторических героев, строителей и защитников Русского государства. Их окружили «всемирной любовью». Им посвящали поэмы и живописные полотна, романы и пьесы, оперы и фильмы. Не бунтари и революционеры, не ставленники интервентов, а защитники и строители России помогли выстоять в схватке с самой мощной и беспощадной военной машиной мировой истории.

«Школа Покровского» сдавала свои позиции не сразу. Легенда о «потемкинских деревнях» навязывалась учебниками истории СССР. В самый канун Великой Отечественной войны в Большой советской энциклопедии в статье «Потемкин» утверждалось: «Расходуя огромные средства на колонизацию Южного края, Потемкин на деле не до-

бился ожидаемого результата. Когда в 1787 Екатерина совершила путешествие на Юг, Потемкин обставил ее путь декоративными, фальшивыми поселениями (“потемкинские деревни”), инсценируя “успехи” подчиненного ему края. Довольная всем виденным Екатерина наградила Потемкина титулом “князя Таврического”. Милости Екатерины II, дарившей Потемкину тысячи “душ” крестьян, его беззастенчивые спекуляции, взятки и казнокрадство составили Потемкину колоссальное состояние... Во время русско-турецкой войны (1787–1791) сразу обнаружилась неподготовленность и ничтожество Потемкина, как военного руководителя. Самонадеянный Потемкин нередко мешал Суворову, затрудняя его действия»²⁸⁷.

Борцы с «проклятым прошлым» объективно подыгрывали Гитлеру, который заявлял, что «Россия способна создавать только “потемкинские деревни” и всегда была разрушительной силой»²⁸⁸. Логическим завершением этих посылок стала стратегия уничтожения русского государства и народа, как не имеющих права на существование.

Война принесла чудовищные жертвы и разрушения Европе. Особенно пострадала Россия. Народ заплатил страшную цену – двадцать пять миллионов жизней. Принесенные на алтарь победы огромные жертвы были прямо пропорциональны глумлению над русской историей.

Все же Россия сумела выстоять, победить и спасти себя и народы Европы от фашистского ига. Нашествие удалось отразить под знаменем русского патриотизма. В годы войны обрели второе рождение и стали всенародными любимцами «екатерининские орлы» – Петр Румянцев и Александр Суворов, Алексей Орлов и Михаил Кутузов, Федор Ушаков и Дмитрий Сенявин. Григория Потемкина среди них не было.

Тем не менее, отношение к Потемкину начало меняться. Достаточно вспомнить фильм «Адмирал Ушаков» (1953) и прекрасно сыгранную роль Потемкина выдающимся русским артистом Борисом Николаевичем Ливановым; отметить труд члена-корреспондента Ака-

демии наук СССР Елены Иосафовны Дружининой (1959) и великолепное эссе будущего академика Александра Михайловича Панченко «“Потемкинские деревни” как культурный миф» (1983). Подлинный прорыв в реабилитации Потемкина произошел в 1980–1990-е гг.

Сегодня повторять миф о «потемкинских деревнях» не только неприлично, но кощунственно. По сей день стоят основанные Потемкиным города и селенья, и первые среди них – Херсон, Екатеринослав (ныне Днепропетровск), Николаев, Симферополь, Мариуполь, город русской славы. Севастополь. В них живут и трудятся миллионы людей. Потемкинские деревни – гордость и слава нашей Родины.

Взаимоотношения Екатерины Великой с подданными во время путешествия в Крым

Нина Вячеславовна БЕССАРАБОВА,
кандидат исторических наук, доцент

Московский гуманитарный институт
им. Е.Р. Дашковой

Екатерина Великая совершила восемь поездок по России. Последняя из них – в «Полуденный край»²⁸⁹, предпринятая в 1787 г., – стала самым знаменитым и масштабным путешествием монарха в русской истории. С начала января по начало июля императрица проделала путь от Петербурга до Крыма и обратно. При этом большую часть времени она находилась на территории современной Украины: только в Киеве государыня провела три из шести месяцев поездки, а апогеем путешествия стало посещение Екатеринославской губернии и Таврической области, генерал-губернатором которых был Г.А. Потемкин.

Отправляясь в путь, государыня преследовала ряд политических целей.

Она отводила важную роль политической рекламе, поэтому необходимо отметить три декларативных мотива поездки 1787 г. Во-первых, путешествие прославляло Екатерину лично, позволяя выглядеть просвещенной государыней и истинной матерью своих подданных. Во-вторых, знакомясь с Россией, императрица старалась продемонстрировать прекрасное состояние своей страны.

Прежде всего она хотела убедиться в успехах колонизации и хозяйственного развития Юга и одновременно – оправдать Потемкина от возводимых на него обвинений в недобросовестном управлении причерноморскими землями. В-третьих, ее величество старалась показать, как много она сделала для своего государства.

Еще одна важнейшая цель поездки – стремление принести пользу России. В 1787 г. было выбито 100 золотых и 500 серебряных медалей (для этой цели было употреблено драгоценных металлов на сумму 13 631 р. 49 к.)²⁹⁰, на одной стороне которых помещен профиль Екатерины, а на другой – карта путешествия в Крым и надпись «Путь на пользу»²⁹¹.

Наконец, государыня хотела познакомиться с «живой Россией»²⁹² (по выражению В.А. Бильбасова). «...я путешествую не для того только, чтобы осматривать местности, но чтобы видеть людей... Мне нужно дать народу возможность дойти до меня, выслушать жалобы и внушить лицам, которые могут употребить во зло мое доверие, – опасение, что я открою все их грехи, их нерадение и несправедливости. Вот какую пользу хочу я извлечь из моей поездки; одной известие о моем намерении поведет к добру»²⁹³, – так в разговоре с сопровождавшим ее французским послом Л.Ф. де Сегюром Екатерина Великая формулировала цели своего знаменитого путешествия в Крым. Заметим, что на первое место она поставила стремление пообщаться с подданными.

Разумеется, представители разных слоев провинциального населения имели неодинаковые возможности для контактов с императрицей. В этой работе мы рассмотрим взаимоотношения государыни во время поездки в Крым с дворянством, бюрократией, духовенством, податными сословиями и инородцами. Отдельного разговора также заслуживают российские вооруженные силы.

Екатерина II и дворянство

Чтобы предоставить народу возможность «дойти до себя», ее величество, по словам Сегюра, «езде подробно

расспрашивала чиновников, духовенство, помещиков и купцов об их положении, средствах, требованиях и нуждах. Вот чем она снискивала себе любовь своих подданных»²⁹⁴. В круг «народа», очерченный дипломатом, попали, как видим, лишь представители привилегированных и полупривилегированных сословий. Впрочем, восприятие именно себя в качестве «народа» и «граждан» было вообще свойственно дворянству той эпохи²⁹⁵. Говоря: «гораздо больше узнаешь, беседуя с простыми людьми о делах их, чем рассуждая с учеными»²⁹⁶, – государыня подразумевала под «простыми людьми» отнюдь не мещан и крестьян.

Во время путешествия Екатерины в Крым находила отражение ее сословная политика. Для просвещенного абсолютизма было характерно строгое закрепление в законе сословной структуры общества, оформление правового статуса сословий с определением прав и обязанностей каждого из них, при этом наибольшим объемом привилегий обладало дворянство²⁹⁷. Неудивительно, что во время поездки 1787 г. императрица контактировала прежде всего с его представителями.

При этом на благородное сословие возлагалась и наибольшая ответственность при приеме Екатерины, от которой дворяне нередко старались уклониться. На одной чаше весов была возможность лично увидеть государыню и даже, возможно, пообщаться с ней, а на другой – весьма обременительные хлопоты, связанные сначала с подготовкой к встрече императрицы, а затем – и с ее приемом. При этом дворяне могли опасаться гнева ее величества или губернатора, если они скажут или сделают что-то не по нраву государыне. Наконец, участие во встрече Екатерины отрывало дворян от хозяйства, и это могло пагубно сказаться на делах их имений. Так, киевскому предводителю дворянства В. Капнисту, долгое время остававшемуся в Киеве во время пребывания там императрицы, жена писала: «Приезжай, друг мой, поскорее, у нас здесь страшные беспорядки, люди уходят, и скоро вся деревня уйдет»²⁹⁸.

Дворянам отводилась особая роль в церемониале встречи Екатерины в каждой посещаемой ею губернии.

В 1787 г. в Новгороде-Северском решено было выставить 12 молодых дворян верхом для встречи императрицы на границе губернии, другим «опровожателям» следовало ждать ее в городе, и трем «гостеприимцам» от каждого уезда – приветствовать во дворце. Все они, несмотря на то, что высокая гостья приезжала в январе, должны были одеться в мундиры «по губернии», в шляпы с бантом и перчатки. Разумеется, желающих общаться с ее величеством (честь большая, но и ответственность немалая), одновременно замерзая на морозе, было немного. Разумнее всех в этой ситуации поступил конотопский предводитель Шкляревич, который сам распределил эти «должности» и до приезда Екатерины держал их в тайне, а когда пришло время – велел приступать к исполнению своих обязанностей. Отказаться никто не посмел²⁹⁹. В Чернигове с большим трудом уговорили произнести приветственную речь при встрече императрицы лишь 82-летнего надворного советника Ломиковского³⁰⁰. В Екатеринославской губернии местная администрация решила взять прием государыни благородным сословием под свой контроль. Каждому предводителю предписывалось выбрать по три дворянина для нахождения в губернском городе во время приезда Екатерины и приглашать туда других дворян с семьями, а из городов, куда императрица не поедет – купцов и «лучших граждан»³⁰¹.

Во многих городах, где побывала ее величество, благородное сословие устраивало для нее торжественные и многолюдные обеды и балы. Кроме того, дворяне обязаны были принимать участие в подготовке к приезду Екатерины. В Екатеринославской губернии предводители дворянства должны были заботиться о лошадях на станциях, следить за тем, чтобы все было в порядке во дворцах, и каждый предводитель отвечал за исправность дороги на территории своего уезда³⁰².

Предводители дворянства не всегда справлялись со своими обязанностями добросовестно. Так, в Чернигове

А.А. Полетика не решался предпринять что-либо самостоятельно, запутался в распоряжениях П.А. Румянцева и надоед ему, прося разъяснений по мелочам, вроде починки сарая для лошадей на черниговской станции. Даже если предводитель попадался расторопный, это не было залогом успешной подготовки к монаршему приезду. Новгород-северский коллега Полетики А.К. Лобысевич принялся за дело чрезвычайно рьяно, однако дворяне его губернии не торопились брать с него пример. На совещание о подготовке к путешествию приехало только три уездных предводителя из одиннадцати, дать лошадей отказывались даже те, у которых были конные заводы, более того – фруктов не могли доискаться в богатой садами Украине!³⁰³

В основном путешествия финансировались государством, для чего выделялись средства из Кабинета императрицы, центральных и местных учреждений. Наряду с этим создавать должную пышность и украшать города должны были местные жители, прежде всего – дворянство. Благородное сословие расставалось со своими деньгами отнюдь не с радостью. В Новгород-Северской губернии было решено собрать с дворянских доходов по 5 коп. с души и с получающих жалование по 2 коп. с рубля, но дворяне раскошеливались крайне неохотно или вовсе отказывались это делать. В итоге поступило лишь 5 766 руб. 46 коп., из которых 2 192 руб. 95 коп. заплатил К.Г. Разумовский³⁰⁴. В Орле тогда же для сооружения двух триумфальных ворот собирали с дворян по 2 коп. с души, и губернатор С.А. Неплюев грозился поднести императрице два списка: дворян, которые платили, и которые – нет³⁰⁵.

По пути в какой-либо город Екатерина могла обедать или ночевать в имении неизвестного ей доселе провинциального дворянина, которое оказывалось по пути и подходило для размещения высоких гостей. Так, она останавливалась в загородном доме бригадира Наумова в селе Демьяновка под Клином³⁰⁶.

Помимо этого, государыня не раз посещала имения своих приближенных и таким образом демонстрировала

им свое доброе расположение. В 1787 г. в имении Вишенки на Украине ее принимал Румянцев-Задунайский³⁰⁷, также она посетила с. Белозерка и слободу Анновку, принадлежащие А.А. Безбородко³⁰⁸.

Оказывала Екатерина дворянам и другие знаки внимания. Например, она могла крестить их детей, и это, по православным представлениям, означало, что ребенок и его семья роднились с крестной матерью. В Киеве она была восприемницей сына киевского предводителя Капниста³⁰⁹, а в Херсоне – внука А.Н. Самойлова, племянника Потемкина (это – один из знаков расположения светлейшему)³¹⁰.

Еще один способ показать свою благосклонность дворянам – обеспечить будущее их детей. Так, сына черниговского губернатора А.С. Милорадовича государыня пожаловала в Измайловский полк прапорщиком³¹¹. Видимо, забота о детях своих благородных подданных была традицией русских монархов. А.О. Смирнова-Россет рассказывает, что во время путешествия Александра I по Северному Причерноморью ее мать сказала, что озабочена воспитанием детей. Император на это ответил: «Вашу дочь я помещу в Екатерининский институт, брат Михаил... будет платить за нее, а этих молодцов (братьев мемуаристки. – Н.Б.) я беру на свой счет в Пажеский корпус»³¹².

Екатерина могла отблагодарить дворян за хороший прием подарками³¹³, но вообще во время путешествий на долю дворян доставалось не так уж много материальных благ. Конечно, офицер или чиновник мог быть награжден за службу, потому что своей деятельностью он должен был приносить пользу Отечеству, однако одаривать дворян только за то, что они составляют благородное сословие, императрица не спешила. Она общалась с ними, оказывала им знаки расположения – но за высочайшее внимание, как мы уже видели, приходилось платить самим дворянам, затрачивая силы и денежные средства для должного приема государыни.

Участвуя в подготовке или встрече Екатерины, некоторые из них, видимо, ожидали вознаграждения за это,

и если надежды не оправдывались – могли попытаться восстановить попорченную, по их мнению, справедливость. Интересный пример тому дают материалы РГАДА. Предводитель дворянства Городицкого уезда Андрей Дунин-Борковский явился в июне 1787 г. к Румянцеву «и изъясняет, что один он... не удостоился той от Ее императорского величества милости, каковая на всех его товарищей... излияна». Петр Александрович полагал, что предводитель «правильно сего ищет», ведь он «утруждался» при подготовке к приезду государыни, а потом приветствовал ее на трех станциях, о чем прилагается свидетельство от наместнического правления, и теперь Борковский хотел бы быть причастным «к получению высокомонарших даров, устраивающих им и потомству вечный монумент»³¹⁴. Граф Задунайский подавал Безбородко список задействованных в подготовке дворян, и Борковский назван там³¹⁵. Когда 14 апреля Екатерина распределяла подарки для украинстких чиновников и дворян, городицкому предводителю она пожаловала табакерку в 440 руб., так что Борковский не был обойден монаршим даром, но видимо, по какой-то причине он до него не дошел, и предводитель решил заявить о своих «правах».

Во время своих путешествий ее величество общалась прежде всего с дворянством, от которого и исходят отзывы об отношении ее к подданным. Императрица стремилась завоевать симпатию представителей благородного сословия, демонстрируя расположение к ним, ничуть не стремясь при этом показать свое «монаршее» величие, – напротив, она старалась держаться как можно проще и доброжелательнее. Подданные видели перед собой не недостижимое божество и не гордую правительницу, а очаровательную женщину, которая относится к ним с искренней добротой и вниманием – матушку-государыню, заботящуюся о своих «детях». Если до ее приезда они чтили «заочно» свою повелительницу, какой бы она ни была, то после личного знакомства восхищались уже не императрицей вообще, а приветливой обворожительной

Екатериной. Д.Н. Сенявин писал, что когда в Севастополе он в числе других офицеров был представлен государыне и целовал ее руку, Потемкин похвалил его. Екатерина отвечала: «Вот ему в другой раз и другая моя рука за хорошую службу... Все последующие в моей жизни награждения никак уже сравняться с этим не могли»³¹⁶.

Поскольку императрица контактировала прежде всего с благородным сословием, и именно оно оставило большинство мемуаров о путешествиях, мы можем судить о тех чувствах, которое провинциальное дворянство питало к государыне. При этом просвещенные и образованные дворяне демонстрируют иногда удивительные примеры поклонения особе ее величества. Самойлов писал, что при въезде Екатерины в Херсон народ отпряг лошадей и на своих плечах внес ее в город³¹⁷. Вряд ли это было так. Документальные источники ничего не сообщают о подобном случае, да и многие иностранцы, описывающие путешествие в Крым, непременно бы упомянули о столь щекотливом факте отнюдь не в похвалу русскому народу – если бы такое было на самом деле. Тем не менее, интересно само представление о преданности монарху, высказанное дворянином.

Императрица и представители бюрократии

Местные власти, получив известие о скором приезде Екатерины, спешили уверить ее в своей радости. Тульский генерал-губернатор М.Н. Кречетников извещал государыню «о том беспредельном обрадовании, которое произвело во мне намереваемое присутствие Вашего Императорского Величества в части, мне вверенной»³¹⁸. Скорее всего, зная о предстоящем визите Екатерины, чиновники испытывали не столько радость, сколько опасение, что она будет недовольна положением дел на местах или откроет какие-либо их упущения, ведь одной из целей ее путешествий был контроль над губернской администрацией и пресечение возможных злоупотреблений.

Особый интерес императрицы к деятельности чиновников во время путешествия в Крым объясняется тем, что

она стремилась увидеть результаты реформы местного управления, начатой в 1775 г. До ее проведения Россия делилась на 23 губернии, 66 провинций и до 180 уездов. Во время реформы произошло разукрупнение губерний, их число увеличилось более чем вдвое, каждая из них подразделялась на уезды, промежуточная единица – провинция – была ликвидирована. Произошло расширение распорядительных и исполнительных прав местных чиновников и учреждений, им были переданы многие функции центральных учреждений³¹⁹.

Узнать, как работала бюрократия, государыня могла, посещая лично различные учреждения, но в 1787 г. она сделала это лишь единожды, посетив палаты городского магистрата в Киеве³²⁰. Потемкин ожидал, что в его наместничестве императрица захочет взглянуть на какое-нибудь учреждение, и потому приказывал: «Правление, наместнические палаты и все присутственные места содержать в готовности... сверх исправности в делах должны все канцелярские служители быть в совершенном опрятстве»³²¹. Руководитель Таврической области В.В. Каховский считал, что во дворцах и во всех присутственных местах должны быть портреты государыни, и просил Потемкина доставить их³²². Тем не менее, ее величество во время путешествия в Крым больше учреждений не посещала.

Иногда Екатерина встречалась с чиновниками, которые подносили ей «всеподданнейшие рапорты и ведомости, доставляющие полное сведение о губернии»³²³. Источники не сообщают, насколько внимательно государыня их изучала.

Таково было личное знакомство императрицы с положением дел на местах. В основном о работе чиновников она судила не столько по собственным впечатлениям или докладам местной администрации, сколько по сообщениям комиссии для изучения губерний, которая состояла из двух спутников Екатерины – сенаторов А.П. Шувалова и С.Ф. Стрекалова. В рапортах, поданных ими государыне³²⁴, содержались следующие сведения:

- численность населения губернии;
- доходы и недоимки;

– число решенных и нерешенных дел как в целом по губернии, так и в различных учреждениях, образованных в результате губернской реформы;

– причины нерешенности дел;

– количество колодников;

– деятельность Приказа общественного призрения (наличествующий у него капитал, число училищ и учеников в них, число людей, находящихся в больницах и богадельнях, есть ли воспитательный и работный дома, дом для призрения сумасшедших, если да – сколько человек в них содержатся).

Результаты осмотра были таковы: ревизоры «везде обрели возможную исправность и точность в отправлении дел»³²⁵ и «в осмотренных нами присутственных местах должное тщание и точное исполнение во всем, относящемся до управления губернией»³²⁶, а также «течение дел в оных производится на основании высочайших Вашего Величества узаконений и нигде не узрели мы ни малейшего упущения»³²⁷. Нерешенных дел, как правило, было мало, а кое-где их не было вообще, причем такими они оставались не из-за нерадения чиновников, а «за неполучением требуемых справок, или по недавнему вступлению, или за неявкою сторон к слушанию дела, или за подачею апелляции, или по таким подобным уважительным причинам»³²⁸. Содержание заведений, находящихся в ведении Приказа общественного призрения, было «совершенно отличное»³²⁹.

По донесениям Шувалова и Стрекалова хорошо прослеживается механизм изучения положения дел на местах. Ревизоры судили о работе учреждений, осматривая присутственные места. В Киеве члены комиссии 15 февраля побывали в наместническом правлении и казенной палате, на следующий день – «делали ревизию порядка и дел в палатах уголовной и гражданской и совестном суде», и 17 февраля посетили «на Подоле состоящие присутственные места, верхний и нижний суд, равно как и колодников»³³⁰. О том, что в тех или иных учреждениях они бывали сами, сенаторы упоминали в своих рапортах³³¹,

но они не раз ссылались на нехватку времени: «сколь кратость времени позволила, осмотрели присутственные места»³³², и писали, что пользовались поданными на местах документами о состоянии учреждений³³³.

Таким образом, работа чиновников всегда представляла перед Екатериной, по донесениям ее спутников, на должной высоте. Ревизоры могли и не искажать цифры, сообщая о числе решенных и нерешенных дел, а вот как решались дела, комиссия не сообщает. Указывая достоинства, сенаторы, обычно не замечали недостатков, если же обнаруживалось вдруг какое-либо упущение, то чиновники не были в нем виноваты. Может быть, если ревизоры и обнаруживали что-нибудь нелицеприятное, они могли закрыть на это глаза, получив от местных властей «потребное пособие» в виде взятки? Свидетельств последнего, впрочем, нет, как нет в этом ничего невероятного.

Если уж от Екатерины благополучно скрывали злоупотребления в том, что она видела собственными глазами, то по документам положение дел тем более преподносилось в выгодном свете. Это хорошо иллюстрирует анекдот, за достоверность которого нельзя, впрочем, поручиться. В 1787 г. в Туле из-за неурожая прошлого года стояли высокие цены на хлеб, народ бедствовал, а Кречетников донес императрице совершенно противоположное. К несчастью, генерал-губернатор враждовал с обер-шталмейстером Л.Н. Нарышкиным, известным остряком. Тот явился к ее величеству с ковригой хлеба и двумя утками, купленными на рынке. Когда Екатерина спросила, сколько стоит хлеб, Нарышкин ответил, что четыре копейки. Государыня удивилась – ей донесли, что хлеб в Туле не дороже копейки, и тогда хитрец изрек: «Может быть, это ошибка... Впрочем, иногда рапорты бывают не достовернее газет»³³⁴.

Вероятно, императрица понимала, что реальное положение дел на местах от нее будут скрывать, а ведь знакомство с ним – одна из целей ее путешествия... но эта задача вступала в противоречие с пропагандистской целью поездки – представить свою страну в наиболее выгодном

свете. Государыня верила, или делала вид, что верит, будто чиновники работают с должной добросовестностью. Так что контроль над губернской администрацией во время поездки Екатерины был не очень эффективен не только из-за того, что бюрократия скрывала свои злоупотребления, но и из-за указанного противоречия.

Не будем забывать, что императрица была склонна хвалить свою страну. Глядя на подобные донесения, делать это было очень удобно. Кое-где она все же замечала «нерадение», но никогда не предавала это огласке. Однажды принц Ш.Ж. де Линь спросил ее: «Отчего некоторыми губернаторами Вы были довольны, и потому изъявляли им ваше благоволение, а некоторыми были недовольны, и Вы им ничего не сказали?» «Потому что я хвалю вслух, а браню наедине»³³⁵, – отвечала Екатерина. Она не высказывала официально своего неодобрения полоцкому и могилевскому генерал-губернатору П.Б. Пассеку, тогда как статс-секретарь государыни А.В. Храповицкий сообщает: «не были довольны» его рапортами³³⁶. Мы увидим, что она производила награждения в одних местах и не производила в других, и это наверняка имело под собой какое-то основание, но источники, как правило, не содержат свидетельств недовольства императрицы тем или иным губернатором. Исключение – лишь генерал-губернатор трех украинских губерний Румянцев, но раздражение государыни здесь во многом объяснялось тем, что ей не нравились выпады графа Задунайского против Потемкина, а также скукой от трехмесячного пребывания в Киеве.

Чиновникам тех губерний, которыми она была довольна, Екатерина демонстрировала свое расположение, ведь своей деятельностью, по ее мнению, они приносили (или, во всяком случае, должны были приносить) пользу России. Многие губернии и наместничества вместе с их руководителями были удостоены объявленного императрицей «благоволения»: Смоленская и Псковская (Н.В. Репнин), Могилевская (П.Б. Пассек), Екатеринославская губерния и Таврическая область (Г.А. Потем-

кин), Курская (А.Н. Зубов), Орловская (С.А. Неплюев), Московская (П.Д. Еропкин)³³⁷, Тверская и Новгородская (Н.П. Архаров) губернии³³⁸. Благоволение не было объявлено трем украинским губерниям (П.А. Румянцев), Харьковской (Е.А. Чертков) и Тульской (М.Н. Кречетников) губерниям.

Как бы ни было драгоценно для верноподданного словесное монаршее «благоволение», его желательно подкрепить материально. Местная администрация, ожидая приезда императрицы, рассчитывала на получение подарков и наград. Латиноамериканский политический деятель Ф. де Миранда, путешествовавший по России во время поездки Екатерины в Крым и ставший очевидцем этого события, сообщает, что орловский губернатор Неплюев, говоря о пожалованиях, сделанных чиновникам в Киеве, «тоже надеется на щедрость государыни»³³⁹.

Во время путешествия широкий размах приняло награждение чиновников орденами³⁴⁰. Не получили их лишь тульские, новгородские и тверские чиновники, при этом Туле не было объявлено и благоволения. Заметим, что Екатерина жаловала ордена чиновникам какой-либо губернии уже после того, как покидала ее (за исключением наместничеств Потемкина и Румянцева), видимо потому, что ехала она довольно быстро, а на изучение рапортов местной администрации и донесений Шувалова и Стрекалова и на подготовку указа о вручении орденов требовалось время.

Во время путешествия в Крым производились награждения чиновников орденом св. Владимира II–IV степеней.

II степень была пожалована лишь семерым руководителям губерний и наместничеств, имеющим чин действительного статского советника (IV класс «Табели о рангах»): псковскому губернатору И.А. Пилю³⁴¹, правителю Могилевского наместничества Н. Энгельгардту³⁴², полоцкому губернатору генерал-майору А. Лунину³⁴³, правителю Таврической области В.В. Каховскому³⁴⁴, харьковскому губернатору генерал-поручику Д.А. Норо-

ву³⁴⁵, орловскому генерал-губернатору С.А. Неплюеву³⁴⁶ и курскому губернатору А.Н. Зубову³⁴⁷.

Орден III степени получили десять человек: вице-губернаторы (в Пскове и Смоленске – коллежские советники Брылкин³⁴⁸ и Храповицкий³⁴⁹ (VI класс), в Орле – полковник Карнеев³⁵⁰) или руководители учреждений, имевшие чин действительного статского советника (IV класс): в Полоцке – председатель палаты гражданского суда П. Богомолец и совестный судья И. Храповицкий³⁵¹, в Москве – директор Московского университета П. Фон Визин, а также обер-полицмейстер Толь, бригадир (V класс)³⁵². В Киеве этот орден получил Я. Башурицкий, пожалованный тогда же в чин действительного статского советника³⁵³. Единожды орден III степени был пожалован коллежскому советнику, председателю палаты уголовного суда Сабурову в Харькове³⁵⁴. В числе награжденных был и В.С. Попов, правитель канцелярии Потемкина, состоящий при императрице у принятия прошений³⁵⁵.

В основном чиновники получали IV степень ордена. Это были руководители различных учреждений (палат уголовного и гражданского суда, верхнего земского суда, губернские прокуроры и т.д.), изредка – чиновники какого-либо учреждения или предводители дворянства, имевшие чин статского или коллежского советников (V–VI классы «Табели о рангах»). В наместничестве Потемкина ордена были пожалованы нескольким коллежским асессорам (VIII класс)³⁵⁶. Иногда могли быть награждены офицеры, имеющие чин VIII–X классов, состоящие на статской службе, например, в Курске – дворянский заседатель Приказа общественного призрения капитан Курсаков и губернский землемер поручик Башилов³⁵⁷.

Как видим, ордена получали не рядовые чиновники. Почти все награжденные занимали высокие должности, все они были дворянами и имели достаточно высокий чин по «Табели о рангах». Можно задаться вопросом: чем руководствовалась Екатерина при пожаловании орденов?

Шувалов и Стрекалов в своих донесениях обычно указывали наиболее усердных чиновников, и некото-

рые из них были награждены. Так, в Харькове сенаторы отметили шестерых³⁵⁸, из которых ордена получили двое: председатель палаты уголовного суда Сабуров и предводитель дворянства Г. Шидловский³⁵⁹. В донесении о Екатеринославской губернии ревизорами были названы девять человек³⁶⁰, из которых шестерым были пожалованы ордена среди девятнадцати награжденных там³⁶¹. Возможно, кандидатуры будущих владимирских кавалеров предлагали губернаторы и генерал-губернаторы, и сама Екатерина, встречаясь с чиновниками, могла кого-нибудь отметить.

Иногда источники упоминают о повышении представителей бюрократии в чинах. Полетика сообщает о пяти повышениях в чин действительного статского советника и одном – коллежского советника в Киеве³⁶². Видимо, это были единичные случаи.

Зато повсеместно и во время всех своих поездок чиновники получали подарки. Сохранилась полная ведомость всем вещам, пожалованным во время путешествия в Крым³⁶³. Это золотые табакерки, перстни, часы, украшенные драгоценными камнями. Такие подарки вручались во всех без исключения губерниях, которые посетила императрица, причем не только руководителям учреждений, но и рядовым чиновникам и предводителям дворянства. Разумеется, чем выше был чин и должность, тем более дорогим был дар: от табакерки в 5 800 руб. Н.В. Репнину, до табакерки в 230 руб. бельскому городничему³⁶⁴, от перстня в 3 тыс. руб. Е.А. Черткову до перстня в 175 руб. надзирателю певческого класса Капцевичу из Харькова³⁶⁵. Всего во время поездки на пожалования вещами было израсходовано вещей общей стоимостью 505 252 руб.³⁶⁶ Екатерина говорила одному из своих спутников, де Линю, что деньги, которые она тратит на подобные подарки, «с избытком опять к ней возвращаются, и что награждать и одобрять есть ее обязанность»³⁶⁷.

Впрочем, было еще одно сословие, которому путешествия государыни несли значительную материальную выгоду.

«Православная государыня» и духовенство

Путешествуя по России, Екатерина стремилась создать в глазах подданных образ доброй, милосердной, приветливой монархини, истинной матери своих подданных, которая, не жалея сил, трудится на благо Отечества. Составной частью этого образа было окружение себя ореолом православной государыни, которая искренне верует, ревностно исполняет религиозные обряды и чтит священнослужителей.

Для просвещенного абсолютизма, как заметил О.А. Омельченко, было характерно стремление к ликвидации духовенства как особой правовой категории населения (в частности, секуляризационная реформа подорвала основу существования духовенства как самостоятельного сословия)³⁶⁸. При этом отношение императрицы к духовенству во время путешествия в Крым скорее соответствовало традиционным идеологическим установкам русского самодержавия (согласно которым монарх должен являться защитником веры и церкви), нежели проводимой ею политике просвещенного абсолютизма. Подобное поведение имело вполне практическую цель – оно помогало реализовывать декларативные устремления, отмеченные выше.

Во время путешествия государыня ревностно исполняла религиозные обряды – так, чтобы это видели подданные.

Будучи в 1787 г. в Киеве, в сопровождении своего двора и иностранцев Екатерина побывала в пещерах Киево-Печерского монастыря и приложила к мощам, о чем писала в следующих выражениях: «Вчера мы были в пещерах ближней и дальней и оттуда вышли как из бани, так все вспотели, хотя мороз был градусов от 10-ти до 20-ти»³⁶⁹. В Киеве императрицу застал Великий пост, прекративший все развлечения двора, во время которого она, по ее словам, «питалась земляными яблоками одними и репою»³⁷⁰. Миранда, который не вполне понимал религиозные чувства православных, удивлялся, как ее

величество выдерживает во время обедни многочисленные поклоны и коленопреклонения³⁷¹.

Как истинная православная государыня, Екатерина поощряла переход иноверцев в православие (однако никого не заставляла менять вероисповедание насильно). В Кременчуге ей «были представлены и жалованы к руке осетинского народа депутаты, просящие святого крещения». Их было трое³⁷². Через две недели, уже в Херсоне, осетины были крещены, но до святой купели дошли лишь двое из них, получив имена Петр и Павел, а императрица стала восприемницей³⁷³. Все трое получили в подарок золотые часы с цепочками ценой в 270, 260 и 250 руб.³⁷⁴

Набожность Екатерины могла переплетаться с придворными церемониями и со слишком бурными изъяснениями симпатий к своей государыне со стороны подданных, в том числе – духовенства. В результате возникали несколько странные ситуации. Иногда в Киеве ее величество выезжала на богослужение «в сопровождении полков и при пушечной пальбе»³⁷⁵, не раз целование ее руки придворными, иностранцами и даже духовенством происходило в церкви³⁷⁶. Императрица чтит Бога, а подданные – ее...

Итак, во время путешествия в Крым народ видел перед собой набожную, уважающую церковь матушку-государыню. Насколько искренними были религиозные чувства, которые демонстрировала Екатерина?

Пятнадцатилетней девочкой она приняла православие и вряд ли успела к тому времени глубоко воспринять новую веру. Позже она познакомилась с идеями Просвещения, и это не способствовало укреплению веры. Тем не менее, какими бы ни были личные взгляды Екатерины, как императрица она понимала, что обязана уважать веру своей новой родины и религиозные чувства подданных, а также поддерживать добрые отношения с духовенством. Поэтому во время поездки, находясь «на глазах» у народа, Екатерина успешно создавала образ православной государыни, который, кстати, помогал ей повышать свой авторитет в глазах подданных. Лишь изредка она призна-

валась тем лицам, которые способны были это понять, что религиозность она демонстрирует на публику. В Киеве, в Страстную пятницу, императрица передала Миранде через своего фаворита А.М. Дмитриева-Мамонова, чтобы он не воспринимал праздник «совсем как акт веры с ее стороны»³⁷⁷. Скепсис по отношению к церковным обрядам и духовным персонам нередко проскальзывает в самом тоне ее писем (как это будет показано ниже) – но лишь близким, доверенным лицам.

Перейдем к отношениям Екатерины с православной церковью. Во время путешествия она постоянно общалась с духовенством. Приехав в какой-либо город, императрица принимала, вместе с представителями других сословий, духовных лиц, которые говорили поздравительные речи и допускались к ее руке. Иногда она сама посещала иерархов: так, в Киеве на Пасху посетила дом митрополита³⁷⁸.

Следует заметить, что существует свидетельство лишь одного духовного лица, общавшегося с государыней во время ее поездки в Крым – автобиография Платона (Левшина). Возвращаясь в столицу, императрица во время своего посещения Москвы возвела Платона своим указом в сан митрополита. Он ничего не знал до тех пор, пока во время службы в Успенском соборе не был упомянут как митрополит. Иерарх, услышав это, подумал, что произошла ошибка. Когда же ему сообщили, что такова воля ее величества, он поклонился Екатерине из царских врат, «а паче возблагодарил Господа чудодейющего». Это произошло в день его рождения – 29 июня 1787 г. Платону исполнилось 50 лет³⁷⁹.

«Православная государыня» так отписала об этом событии глубоко верующему Потемкину: «в Петров день на Москве в Успенском соборе Платона провозгласили мы митрополитом и надели ему на белый клобук крест бриллиантовый на пол-аршина в длину и поперек, и он во все время был как павлин Кременчугский»³⁸⁰. По дороге из Тулы в Серпухов Храповицкий слышал от императрицы такие слова: «Новоспасский архимандрит Павел

вчера худо говорил речь. Он ученик Платона: нарочно стараются, чтобы их не превзошли, и теперь в бельцах люди лучше, нежели в чернецах»³⁸¹. В Киеве после посещения одного из монастырей было «говорено о ханжестве игуменьи»³⁸². В частном письме ближайшему другу или в разговоре с доверенным лицом Екатерина могла позволить себе насмешку над духовным лицом или критическое высказывание о нем, но на глазах у подданных она непременно демонстрировала уважение к церкви.

Помимо Платона, были и другие случаи пожалования императрицей духовного сана во время путешествий. Так, архимандрит Нежинского благовещенского монастыря Дорофей стал епископом Феодосийским и Мариупольским³⁸³. При этом пожалования сана были единичными случаями, зато денежные подарки духовенство постоянно получало от императрицы.

Во время путешествия в Крым, каждая церковь получила по 150–200 руб., монастыри – от 150 до 1 тыс. руб., на соборы и епископские дома выделялось по 1 тыс. руб. и лично иерархам – от 1 тыс. до 3 тыс. руб. Деньги эти выплачивались из «комнатной суммы» и составили в общей сложности 41 550 руб., тогда как всего во время поездки было израсходовано из «комнатной суммы» 447 654 руб. 4 коп.³⁸⁴ Помимо этого, в Киеве из денег Кабинета была пожалована 31 тыс. руб. – от 4 тыс. руб. киевскому митрополиту до 5 руб. на каждого монаха киевских монастырей³⁸⁵.

Как показывают архивные материалы, будучи в Киеве, Екатерина назначила пенсию бывшему Севскому епископу Кириллу в размере 600 руб. в год, а выплату 300 руб., предназначенных ему от епархии, велела «производить из доходов, собираемых с бывшими за монастырями имений»³⁸⁶. Кроме того, императрица приказала платить пенсии архимандритам двух монастырей, «включая и получаемое ими до сего жалованье, из доходов, получаемых с деревень, бывших за малороссийскими монастырями»³⁸⁷. Видимо, назначение пенсий государыня производила во время своих поездок в единичных случаях.

Помимо денежных пожалований иерархи получали дорогие подарки: в 1787 г. епископу Дорофею императрица подарила панагию с бриллиантами и синим яхонтом стоимостью 2 600 руб.³⁸⁸, а новгород-северскому епископу Иллариону – панагию с бриллиантами, аметистами и золотой цепью, стоившую 2 250 руб.³⁸⁹ Митры с бриллиантами получили от нее киевский архиепископ Никодим³⁹⁰ и иеромонах Каллист, посвященный тогда по приказу Екатерины в архимандриты Киево-Печерского монастыря³⁹¹.

Иногда государыня могла потратить крупную сумму на церковное убранство. Так, в Киеве она заказала к мощам св. Владимира в Золотоверхо-Михайловский монастырь две золотые лампы с кистями, осыпанными мелкими бриллиантами и жемчугом, а потом еще и паникадило из серебра³⁹².

Как видим, во время путешествия в Крым Екатерины не жалела денег и подарков для духовенства, желая показать внимание к нему, завоевать расположение священнослужителей, а также, как истинная православная государыня, продемонстрировать свое благочестие.

Создавая образ православной государыни, Екатерина не забывала, что не все ее подданные исповедуют православие, и она всегда проявляла веротерпимость, особенно – во время путешествий, когда ей приходилось контактировать с представителями иных конфессий непосредственно. Таким способом она показывала, что как просвещенная государыня, стоит выше религиозных предрассудков, а представителей других вероисповеданий располагала к себе доброжелательным отношением. Императрица также защищала их от своих православных подданных, не всегда отличавшихся веротерпимостью.

Гонения на старообрядцев в ее правление прекратились, она общалась с ними во время поездок, демонстрируя свое милостивое расположение. В 1787 г. на Украине они встречали государыню с хлебом-солью и фруктами³⁹³.

Общаясь с православными священнослужителями, Екатерина не отказывалась и от контактов с предста-

вителями других исповеданий. В Крыму «духовенство православного исповедания встречало ее с Евангелием, а муфтий – с Алькораном»³⁹⁴. Императрица дарила им подарки наряду с православным духовенством. В Киеве лютеранскому пастырю государыня велела платить по 300 руб. в год³⁹⁵, а католический епископ Нарушевич получил от нее крест с розами стоимостью в 1 600 руб.³⁹⁶

Память о путешествии в Крым должно было увековечить строительство храма в Екатеринославе. При основании этого города был заложен грандиозный собор св. Екатерины в 67 саженьей длиной и 15 – шириной, первый камень в основание которого положила Екатерина, второй – император Священной Римской империи Иосиф II. По словам Потемкина, собор должен был строиться «в подражание святого Павла, что вне Рима»³⁹⁷. Фундамент был построен и обошелся казне в 71 102 руб. 45 1/4 коп., потом строительство было остановлено и лишь в 1830-е гг. на этом месте была сооружена церковь гораздо более скромных размеров, ограду которой составлял фундамент проектируемого собора³⁹⁸.

«Матушка-государыня» и народ

Уже отмечалось, что императрица хотела дать народу возможность дойти до нее, а также о том, какой смысл вкладывала она в понятие «народ». Если с дворянством, бюрократией и духовенством в 1787 г. Екатерина общалась постоянно и систематически, то встречи с купцами, мещанами и крестьянами, даже если они происходили достаточно часто, оставались во время этого путешествия единичными случаями в общении государыни с подданными, не говоря уже о том, что с ними императрица держала гораздо большую дистанцию, нежели с привилегированными сословиями.

Заметим, что во время разных путешествий (всего их было восемь) «степень близости» Екатерины к народу была неодинаковой, но ни в одном из них государыня не осуществляла систематического общения с податными

сословиями. Путешествие в Крым – наименее демократичная из всех ее поездок. Так, купцы входили в круг лиц, постоянно общавшихся с императрицей (наряду с дворянством, чиновниками и духовенством), во время всех ее поездок – кроме последней – «шестивия в полуденные земли»... В 1787 г. ее контакты даже с торговым сословием были единичными, а мещане и крестьяне имели совсем немного шансов лично встретиться с «матушкой-государыней».

В Киеве в городском магистрате купечество устроило обед в честь Екатерины³⁹⁹. Один из очевидцев, Миранда, так его описал: «...прибыла императрица, городской голова обратился к ней с приветственной речью, но уже на второй фразе запутался от смущения и умолк, а Ее Величество тотчас помогла ему выйти из затруднительного положения, произнесла ответные слова... За столом пришлось довольствоваться совершенно остывшей едой, которую подавали как-то несуразно, поскольку по правилам этикета у горожан принято накладывать себе самим. Мало того, что перебили половину посуды, но вдобавок лакеям, чтобы пробиться к принесенным заранее блюдам, приходилось оттаскивать [гостей] за рукава, ибо они, разинув рты, уставились на императрицу. После обеда в ожидании кофе слушали сонату, исполненную на клавесине одиннадцатилетней девочкой, и я обратил внимание государыни на то, сколь разнятся юность и старость, ибо девчушка нимало не смущалась, в отличие от городского головы. “Что поделать, ежели бедняга никогда в жизни меня не видел”», – отвечала она⁴⁰⁰.

Екатерину поздравили с приездом и приложились к руке представители «градского общества» (мещане и купцы) в Новгороде-Северском и Киеве⁴⁰¹. Потемкин приказывал купцам тех городов, куда государыня не поедет, приезжать в Кременчуг⁴⁰². Здесь «во время прохода ее величества к стоящей у подъезда карете поднесли фрукты и хлеб с солью купцы и мещане Елизаветградские, Крюковские и Крыловские»⁴⁰³, два дня спустя они вновь поднесли хлеб-соль и фрукты и были пожалованы

к руке⁴⁰⁴. В Херсоне⁴⁰⁵ и Харькове⁴⁰⁶ Екатерине были представлены и допущены ею к руке купцы и мещане. В Херсоне она побывала в лавке богатого купца-грека⁴⁰⁷. В Москве во внутренних покоях императрице поднесли хлеб-соль «московских фабрик содержатели и разных цехов российские ремесленники»⁴⁰⁸. Поднесение хлеба-соли крестьянами в Екатеринославском наместничестве было единственным случаем во время крымского путешествия⁴⁰⁹. Мы перечислили все контакты Екатерины с купечеством, мещанством и крестьянством на протяжении полугодовой поездки!

По сообщениям губернской администрации, народ несказанно радовался известию о предстоящем проезде государыни⁴¹⁰. Видимо, это обязательный штамп для рапортов такого рода, но и мемуаристы тоже свидетельствуют о желании населения увидеть императрицу. Ф.П. Лубяновский рассказывал, что в Харькове «за неделю перед тем... не было угла свободного, жили в палатках, шалашах, сараях, где кто мог и успел приютиться»⁴¹¹.

Местные власти везде старались придать встрече Екатерины организованный характер, заботясь о том, чтобы она видела подданных, восторженно ее приветствовавших, но чтобы при этом не было давки и толпа не загораживала путь ее карете⁴¹². Все источники, как официального, так и личного происхождения, свидетельствуют о «многолюдстве» во время приезда императрицы в тот или иной город. На наш взгляд, вряд ли народ сгоялся насильно встречать ее (а такие обвинения бросались, например, Потемкину)⁴¹³. Провинциалы получали единственную в жизни возможность увидеть обожаемую матушку-государыню и высказать ей свою любовь и преданность во время ее проезда через их город или деревню, и они не желали упускать этот шанс, толпясь у дорог и по берегам рек, собираясь и крича «ура» под окнами ее дворцов. Так императрица давала народу возможность дойти до себя...

Тем не менее, почти не общаясь с ним, Екатерина понимала, какую императрицу народ хотел бы видеть,

и представляла перед подданными величественной и приветливой, доброй и набожной матушкой-государыней. Одновременно в глазах своих более образованных подданных она выглядела мудрой просвещенной императрицей, заботящейся о народе, которой не чужды лучшие человеческие качества – гуманность, милосердие, доброжелательность. Оказывалось, что взгляды дворянина и простолюдина на то, какой должна быть хорошая царица, не так уж сильно различались. Поэтому, стремясь выглядеть просвещенной государыней, Екатерина одновременно с успехом реализовывала патерналистские устремления. Даже если императрица не пожелала быть Матерью Отечества на словах (отказавшись от этого титула, когда в 1767 г. его предложила Уложенная комиссия), она стремилась демонстрировать, что является таковой, на деле.

Когда Екатерина въезжала в Кременчуг, пошел слух, что она смягчила наказание попавшейся навстречу ей преступнице⁴¹⁴. Разве могла поступить по-другому в представлении народа милосердная матушка-государыня? Вряд ли зная об этом слухе, но понимая, какой ее хотят видеть подданные, императрица в Херсоне велела избавить от каторжных работ 48 преступников и поселить их в удобном месте по усмотрению Потемкина⁴¹⁵.

Приносили ли путешествия для народа какую-нибудь еще пользу, кроме возможности взглянуть на матушку-государыню и помилования преступников? Приезд Екатерины в тот или иной город обычно обставлялся как праздник, который население должно был надолго запомнить еще и по той причине, что для него устраивались развлечения и угощения.

В Киеве 21 апреля 1787 г., в день рождения императрицы, «перед дворцом на площади поставлены были чаны с вином, медом и пивом, и... на столиках положены были... съестные припасы», а на раздаче были поставлены караулы⁴¹⁶, надо полагать затем, чтобы один другого не обделил съестным или спиртным, а потом не произошла бы драка. Румянцев же разрешил народу «гульбищами

перед дворцом безденежно пользоваться всю святую неделю»⁴¹⁷. В Херсоне при спуске кораблей тоже было устроено угощение для народа⁴¹⁸. Иногда Екатерина прощала часть недоимок⁴¹⁹.

Императрица делала народу и кое-какие материальные пожалования, но в основном тем, кто участвовал в подготовке к поездкам или обслуживал ее в пути. Во время плавания по Днепру она велела платить лоцманам по 1 руб. в день⁴²⁰, а лоцмана М.И. Подгорного, который заправлял флотилией, Екатерина пожаловала поручиком, а его 13-летнего сына – прапорщиком, и оба они получили потомственное дворянство⁴²¹. Жалованье рабочих, занятых в наместничестве светлейшего князя постройкой городов и подготовкой к путешествию, составляло 5 коп. в день⁴²². Узнав об этом, государыня добавила от себя еще 5 коп., и Иосиф II воскликнул: «Тебе только, мудрая владычица, возможно делать такие вещи!»⁴²³. Духовенству или чиновникам Екатерина жаловала не в пример больше, но для рабочих и эти 5 копеек вряд ли были лишними. В Киеве государыня «духовнику своему высочайше указала изволила отпустить довольную сумму для раздачи нищим»⁴²⁴.

Следует сказать об отношении народа к Екатерине, которое проявлялось во время ее путешествий. Источники часто сообщают, что при приезде ее в какой-либо город кареты из-за множества народа ехали с трудом. Не раз крестьянки застилали дорогу, по которой шла императрица, белыми холстами и платками, а потом с благоговением их разбирали⁴²⁵. В 1787 г. в Харькове, когда показался императорский поезд, «тысячи голосов в один голос громогласно воскликнули: шествует! И все умолкло! Недвижимо, как вкопанные, в тишине благоговейной все стояли и ожидали: божество явилось»⁴²⁶.

Во время плавания Екатерины по Днепру на галерах «множество народа громкими кликами приветствовало императрицу, когда при громе пушек матросы мерно ударяли по волнам Борисфена своими блестящими, расписными веслами. По берегам появлялись толпы любо-

пытных, которые беспрестанно менялись и стекались со всех сторон, чтобы видеть торжественный поезд...»⁴²⁷

Может возникнуть вопрос, была ли искренней радость народа или она была вызвана распоряжением местных властей? Немецкий врач М. Вейкардт, весьма настороженно относившийся как к императрице, так и к России, писал, что три генерала как-то хотели побудить народ кричать «ура» собственным криком. «Народ молчал и позволил трем старикам в одиночестве простонать жалкое трио. Распорядились быстро привести солдат, которые, наконец, должны были прокричать доносившееся до кораблей “Ура”»⁴²⁸. Мемуары более расположенных к России иностранцев, напротив, рисуют картину искренней радости народа. Например, принц де Линь сообщает, что все жители соседних деревень и селений, находящихся за несколько верст, «собираются на место нашего проезда и за четверть часа или более прежде, нежели она проедет, падают ниц и встают не прежде четверти часа по отъезде нашем»⁴²⁹. Де Линь, Сегюр и русские мемуаристы, на наш взгляд, были ближе к истине, чем Вейкардт, мемуары которого пропитаны неприязнью к России.

Тем не менее, нельзя сказать, что сообщение Вейкардта возникло совсем на пустом месте. Дело в том, что местная администрация вполне могла позаботиться, чтобы Екатерина видела многолюдство и восторг населения. По словам Сенявина, народ, окружавший ее дворец в Кременчуге, начал петь и плясать по команде Потемкина, потому что это было заранее приготовлено⁴³⁰. В Харькове Чертков велел народу собираться по пути следования государыни в лучшей одежде, «при проезде императорской кареты да сделают они все обыкновенный поклон, а лутчие обыватели могут поднести... хлеб и соль на глиняном блюде, а женщины – хорошие душистые цветки и травы... а прочие изъявляют свое восхищение приличными поступками и приветствиями»⁴³¹, «только чтоб не было никого в развращенных и разодранных одеждах, а особливо пьяных и нищих»⁴³². Подобные распоряжения местных властей, впрочем, накладывались на энтузиазм населения, под-

черкивали и упорядочивали его, но не создавали. На желание народа увидеть императрицу указывает и то, что «за несколько сот верст живущие люди сюда приезжали... дабы удостоиться увидеть ее царственное лицо», как писал один из мемуаристов⁴³³. Вряд ли кто-то их заставлял ехать так далеко.

Память о путешествиях Екатерины хранилась в весьма своеобразной форме. Во многих местах (даже там, где она никогда не была) возникали легенды, объяснявшие происхождение того или иного географического названия посещением ее величества. Подобные легенды показывают, что поездки императрицы были для народа весьма знаменательными событиями, память о которых передавалась из поколения в поколение, обрастая фантастическими подробностями. Вряд ли народу были так интересны эти путешествия, не испытывая он приязни к матушке-государыне.

Екатерине, безусловно, были приятны народная любовь и поклонение, хотя она и посмеивалась иногда над ними, делая вид, что «трезво» оценивает отношение подданных к себе. «И медведя смотреть кучами собираются»⁴³⁴, — как-то сказала она Храповицкому по поводу многолюдства. Не следует думать, что императрица только смеялась над проявлениями народной любви. За двадцать лет до путешествия в Крым, совершая в 1767 г. поездку по Волге, государыня писала сыну: «люди все очень рады моему приезду и ласковы, а я знаю пословицу “рука руку моет”, сама с ними таковое же имею обхождение»⁴³⁵. Наверное, в 1787 г. она могла бы сказать то же самое.

Императрица и народы России

Посещение Екатериной в 1787 г. вновь присоединенных территорий утверждало право собственности России на них. Императрица показывала, что она не просто считает эти земли своими, но и интересуется ими, заботится о них, и что теперь она будет творить их историю. На триумфальных арках можно было прочесть надписи,

«относящиеся до уступки Крыма»⁴³⁶: «Предпослала страх и привнесла мир», «Возродительнице сих стран»⁴³⁷. «Мы скоро тоже увидим этот край и еще кое-что добавим к истории Крыма»⁴³⁸, – слышал от императрицы Миранда. Всем, кто желал усомниться в важности территориальных приобретений, сделанных Екатериной, ее путешествия показывали обратное.

Во время путешествия в Крым ее величество непременно демонстрировала своим нерусским подданным уважение и доброе расположение, что было отражением ее терпимой национальной политики. Этим императрица преследовала две цели. Первая связана с декларативными задачами – она показывала себя просвещенной государыней, стоящей выше национальных предрассудков. Вторая цель была вполне практической – своим благосклонным отношением Екатерина располагала инородцев не только к себе лично, но и делала их лояльными к русской власти – ведь она посещала территории, всего несколько лет назад вошедшие в состав Российской империи. Недаром в декабре 1787 г., незадолго до путешествия в Крым, в разговоре с Храповицким «о мечетях, для киргизцев поставленных, и о повелении данном для печатания Алькорана, сказано, что сие не для введения магометанства, а для приманки на уду»⁴³⁹.

В Киев к ее величеству «приезд имел киргизской сацкой (казахской. – Н.Б.) меньшей орды султан Джихангир, и при нем шестеро старшин, двое первостатейных киргизцев и из российских крестьян один мулла», причем Джихангир во время приема произнес речь на своем языке⁴⁴⁰. По этому поводу Екатерина писала: «с роду столько иноязычных я не видела, даже и киргизцы, и те здесь очутились»⁴⁴¹, а принц де Линь обратил внимание на лезгин, найдя, что они походят на маленьких мартышек⁴⁴². На одежду казахам и на выдачу кормовых денег находящемуся при них в Киеве приставу было выделено 3 600 руб., а на покупку лошадей, выплату прогонов и прочие издержки на обратном пути – еще 5 тыс. руб.⁴⁴³

Особое значение во время путешествия в Северное Причерноморье имело общение государыни с ее новыми

подданными – крымскими татарами, поскольку ей требовалось расположить их к себе лично и к новой власти вообще.

С момента присоединения Крыма, произошедшего в 1783 г., императрица проводила по отношению к ним очень терпимую политику. Даже иностранцы, нередко критически относившиеся и к Екатерине, и к территориальным приращениям России в Причерноморье, отмечали ее стремление «кротостью» удерживать татар в повиновении, предоставив им свободу исполнения религиозных обрядов и освободив их на десять лет от налогов⁴⁴⁴. Каховскому Потемкин писал: «новые подданные, ни языка, ни обычаев наших неведущие, требуют всякой защиты и покровительств... в таковом положении не вздумали бы они оставлять земли отцов своих; предприемлемое некоторыми удаление из Тавриды доказывает их неудовольствие»⁴⁴⁵. Не все татары смирились с присоединением Крыма к России, и началось их бегство из-под новой власти⁴⁴⁶. Сначала их отъезду не препятствовали, но в 1784 г. Потемкин велел никому без дозволения Областного правления не отлучаться от своего дома⁴⁴⁷. Е.И. Дружинина, впрочем, замечала, что отток населения из Крыма начался еще до его присоединения к России, а некоторые из выселившихся татар впоследствии вернулись на родину⁴⁴⁸.

Более всего переходом в подданство к православной императрице были недовольны муллы⁴⁴⁹, простолюдины же боялись, что на них распространятся повинности, которые несут русские представители податных сословий. Когда однажды задержали желающих самовольно переселиться в Турцию татар, «они единогласно объявили... намерение их уйти за море было ни от чего иного, как опасаясь военную службу»⁴⁵⁰. Светлейший сам предлагал Екатерине, что «татар тревожит посеянный от турков очаковских... слух, что браны будут в них рекруты... Ежели, матушка, пожалуете указ, освобождающий их от сего, то они совсем покорны будут. Также просят неотступно, чтоб платить им подать не по душам, а с земли, и

со всего – десятину»⁴⁵¹. Татарские князья и мурзы были приравнены в правах к русскому дворянству⁴⁵².

Со временем недовольство стало стихать и Каховский в 1785 г. писал: «Здесьние жители день ото дня вникают в познание перемены своего состояния»⁴⁵³, а Сегюр сообщал об этом в таких цветистых выражениях: «кротость и терпимость екатерининского правления вскоре внушили им доверие... многие из выселившихся просили позволения вернуться, но просьбы их удовлетворяли неохотно, ибо по опыту известно было, что они не будут дельными земледельцами»⁴⁵⁴.

К 1787 г. татары почти примирились с новой властью, но недовольство еще не улеглось полностью. Император Иосиф в своей обычной желчной манере писал: «По дороге из Кафы императрице подали более ста прошений, все от желающих выселиться. Она очень рассердилась и хочет, кажется, выпроводить их всех вон, рассчитывая, что их легко можно будет заменить колонистами»⁴⁵⁵. Во всем остальном новые подданные постоянно демонстрировали Екатерине свою симпатию. При подготовке к путешествию местные жители просили у Каховского позволения самим отделать две дороги от Ак-Мечети до Бахчисарая и до Зуи. Руководитель Таврической области считал, что это происходит «от усерднейшего нам радения и желания как мурз, так и простых татар, быть участниками в чинимых приуготовлениях для высочайшего прибытия»⁴⁵⁶. Потемкин сообщал императрице о радости татар по поводу ее скорого приезда в Крым в таких выражениях: «По общему согласию приуготовляют они для постановления на станциях и приучают к упряжи русской пять тысяч, да мурзы особо пятьсот лошадей»⁴⁵⁷. По словам Сегюра, Екатерина «наслаждалась гордостью государыни, женщины и христианки при мысли, что заняла трон ханов, которые некогда были владыками России и еще незадолго до своей гибели вторгались в русские владения»⁴⁵⁸.

В марте 1787 г. в Киев приехали пять депутатов-татар пригласить императрицу в Крым: коллежский советник Темир-ага из Симферополя, предводитель дворянства

Абивелий-ага, коллежский асессор Мех Мечети, мирза Иосиф Абрам Али и дворянский секретарь Гуссейн Хаза⁴⁵⁹. Для подарка им Екатерина передала светлейшему князю шесть перстней: пять бриллиантовых ценой от 600 до 200 руб. и один аметистовый (150 руб.)⁴⁶⁰.

Уже в наместничестве Потемкина, под Бериславлем, при переправе через Днепр, государыню встретил Каховский «с конными туркменцами, киргизцами и ногайцами, обитающими в уездах Днепровском и Мелитопольском»⁴⁶¹. На следующий день, 19 мая, Екатерина въехала в Крым, и на станции Айбары ее ждали «именитые татары, отправляющие должность и дворянство», которые были пожалованы к руке⁴⁶². Местные власти, впрочем, прилагали усилия к тому, чтобы татары встречали свою новую повелительницу. Не исключено, что приезд депутатов в Киев – инициатива Потемкина, а не их собственная. При составлении расписания, кто на какой станции должен встречать императрицу, отмечалось: «при реке Зуе поставлены будут живущие там поселяне и татары из окрестных деревень... собраны будут у речки Меньшого Карасу жители близлежащих деревень»⁴⁶³. В марте 1787 г. Каховский писал Попову: «из Карасу-Базара к Судаку собраны будут для принесения поклона татары из окрестных деревень»⁴⁶⁴. Иосиф II без особого восторге свидетельствовал о том, что в Карасу-Базаре местные жители «подобно пчелиному рою окружили нашу карету»⁴⁶⁵.

20 мая на станции Альма Кермен императрицу встречали мурзы и полковник И. Горич с полуторатысячным отрядом «вольновступивших на службу татар»⁴⁶⁶. Эта татарская гвардия охраняла Екатерину все время, пока она была в Крыму⁴⁶⁷, что произвело сильное впечатление на современников. Сегюр писал: «Монархиня... пожелала, чтобы ее охраняли татары, презиравшие женский пол, враги христиан и недавно лишь покоренные ее власти. Этот неожиданный опыт доверчивости удался, как любой отважный подвиг»⁴⁶⁸, Иосиф II говорил придворным союзницы, что в подобном поступке «больше смелости духа, нежели в настоящем свершении»⁴⁶⁹, К.Г. Нассау-Зиген

с пафосом писал: «Теперь им вверяют охрану императрицы, и ее окружают тысячи татар, готовых стать на ее защиту!»⁴⁷⁰, а принц де Линь шутил, что татары, «”которыми мы окружены, могли бы наделать тревоги на всю Европу, если бы вздумали потащить нас к берегу, посадить на суда августейшую государыню и могущественного римского императора и увезти их в Константинополь к великому удовольствию его величества Абдул-Хамида” ...К счастью, эта мысль не пришла на ум к великодушным сынам Магомета», – добавляет передавший слова принца Сегюр⁴⁷¹.

Эта татарская гвардия однажды спасла Екатерину. В Бахчисарай въезжали по очень крутому спуску между скал, и лошади понесли, а потом резко остановились, тяжелый 8-местный экипаж, в котором сидели Иосиф II и императрица, едва не перевернулся, но татары успели поддержать его. Что до Екатерины, то «на лице ее не отразилось ни малейшего испуга»⁴⁷². Нассау-Зиген также сообщает, что татары кричали: «Господи, спаси ее! Господи, спаси!»⁴⁷³ (интересно, на каком языке это было произнесено, так, что европейский князь понял эти слова?) Как бы то ни было, в Бахчисарае татары всю ночь молились о благополучном продолжении путешествия⁴⁷⁴. Екатерина рассталась с ними на обратном пути, 30 мая, перед Перекопом, где она в последний раз пожаловала к руке крымских чиновников и мурз⁴⁷⁵.

«Татары везде весьма ласково принимают и всячески ищут, как лучше угостить... везде нахожу усердие и радение, и кажется, весь сей край в короткое время некоторой российской губернии ни в чем не уступит»⁴⁷⁶, – писала императрица, считая, видимо, что татары признали новую власть и Крым становится русской губернией. Не исключено, что татары и впрямь прониклись симпатией к Екатерине, но этим их чувства к новой владычице не ограничивались. Кажется, они испытывали некоторый страх и не осмеливались ни в чем перечить ей или ее окружению. «Мы решили войти в мечеть в молитвенное время», – хвалится Сегюр, и никто не решил выпроводить

их вон, хотя татарам не понравилось вторжение «гяуров» в их храм⁴⁷⁷.

Сама Екатерина относилась к своим новым подданным с большим уважением, чего нельзя сказать о ее спутниках. Сегюр рассказывает такой случай. Однажды он и принц де Линь попытались увидеть лица татарок, за что мужчины едва не побили их камнями. Узнав об этом, государыня прочитала титулованным шалунам мораль в следующих выражениях: «Господа, эта шутка весьма неуместна... Вы посреди народа, покоренного моим оружием, я хочу, чтобы вы уважали его законы, его веру, его обычаи и предрассудки. Если бы мне рассказали эту историю и не назвали бы действующих лиц, я никак не подумала бы на вас, стала подозревать бы своих пажей, и они были бы строго наказаны». Впрочем, дав аудиенцию одной мусульманской княжне, Екатерина «позволила нам спрятаться так, чтобы мы могли ее увидеть, оставаясь незамеченными»⁴⁷⁸. (Не была ли это «ханская сестра с женщинами», которым были подарены алмазные серьги в 2 тыс. руб. и «штуки на кушак» в 240, 360 и 360 руб.?⁴⁷⁹) Европейские «проказники» остались довольны, и религиозные чувства татар не были оскорблены.

Рассказ Сегюра хорош всем за исключением одного – сомнительной достоверности. Дело в том, что крымские татарки не закрывали лиц. Тем не менее, в представлении европейца той эпохи мусульманка обязана ходить с закрытым лицом... Как нам кажется, французский посол придумал этот анекдот, рассчитывая позабавить европейского читателя и одновременно – показать толерантность и деликатность русской императрицы, которой он симпатизировал.

Впрочем, в стихах Екатерина сама беззлобно иронизировала над своими новыми подданными:

Лежала я вечор в беседке ханской
В середине басурман и веры мусульманской.
Против беседки той поставлена мечеть,
Куда всяк день пять раз имам народ влечет.
Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
Как, уши он заткнув, взревел изо всей мочи...⁴⁸⁰

Как бы уважительно не относилась Екатерина к татарам, никаких мероприятий, направленных на благо новых подданных, во время «пути на пользу» проведено не было, не производились и пожалования вроде тех, которых удостоились духовенство, чиновники и офицеры, разве что в Карасубазаре она подарила 1 200 руб. муфтию⁴⁸¹, здесь же и в Бахчисарае – деньги мечетям и дервишам⁴⁸².

Армия и флот во время путешествия 1787 года

Во время путешествия императрицы в Крым происходила демонстрация армии и флота, в которой переплетались внутри- и внешнеполитические цели. Если говорить о первой, то Екатерина хотела составить представление о состоянии войск и убедиться в их боеспособности, что было внутренним российским делом. Одновременно интерес государыни к вооруженным силам можно объяснить ее активной внешней политикой: армия и флот показывались не только императрице. Они должны были продемонстрировать другим странам, как возросло могущество России, а также утратить ее врагов в лице Османской империи и недоброжелателей в лице европейских держав.

Екатерина и ее спутники увидели реформированную Потемкиным армию и вновь созданный Черноморский флот. Это зрелище оправдывало светлейшего князя от возводимых на него обвинений в недобросовестном исполнении своих обязанностей и способствовало росту его влияния – ведь именно он был создателем и реформатором вооруженных сил Юга России.

Князь старательно готовил армию и флот к встрече государыни. Он перебрасывал войска к Черному морю⁴⁸³, в марте 1787 г. наблюдал за частыми маневрами под Кременчугом⁴⁸⁴. Самойлов приказывал поправить казармы⁴⁸⁵, а Каховский просил прислать сукна на одежду солдатам⁴⁸⁶. Так что путешественники видели вооруженные силы приведенными в порядок, а не в их обычном виде.

Особое внимание на их состояние обращали иностранцы, отзывы которых о русских войсках напрямую зависели от их отношения к России. Прежде всего это император Иосиф, который как будто оценивал военный потенциал союзницы накануне войны.

В глаза он весьма хвалил армию князя⁴⁸⁷. Самойлов сообщает, что, посетив Херсонскую крепость, «граф Фалькенштейн» (под этим именем император Священной Римской империи совершал свои путешествия) выразил ему «свое удивление, отдавая в должной мере справедливость мудрым распоряжениям и заведениям князя Потемкина-Таврического»⁴⁸⁸. Сам монарх в письме к фельдмаршалу Ф. Ласси утверждал, что крепость в Херсоне сооружена из песка, артиллерии в ней много – почти 150 орудий – но нет пороха и зарядов, более того, «при первом же выстреле все укрепления... сползут в собственные рвы»⁴⁸⁹. Миранда, напротив, находил земляные валы крепости «грандиозными, прочными, пропорциональными, за исключением слишком коротких линий обороны», хотя качество строительных материалов и показалось ему неважным⁴⁹⁰. Еще один очевидец путешествия, Людольф, относившийся к России несколько прохладно, но все-таки не предубежденный против нее так, как Иосиф II, считал, что крепость «очень правильна и очень велика, но в случае нападения может держаться, так как она окружена двойным рвом и крепким палисадом»⁴⁹¹.

«Граф Фалькенштейн» замечал в русской армии огромное количество недостатков: вся легкая кавалерия за неимением овса довольствуется подножным кормом⁴⁹², военные недовольны дороговизной в Крыму⁴⁹³, солдаты мерзнут в слишком легкой одежде, а потому многие болеют, в целом же реформы, проведенные Потемкиным, ослабили армию⁴⁹⁴. Император, похоже, сгущает краски. Наверняка, русским вооруженным силам были свойственны определенные недостатки, и, как ни парадоксально, прежде всего не враги, а союзник России раздувал их до гомерических размеров. Он видел то, что хотел видеть, и сам себя убеждал в плачевном состоянии русских войск,

не желая, чтобы его союзница обладала сильной армией. Не будем забывать и того, что излишняя критичность была свойственна Иосифу, о чем бы он ни писал.

Сегюр нашел в Причерноморье «превосходные полки, блиставшие красивым оружием и богатым нарядом»⁴⁹⁵. Он их наблюдал исключительно во время демонстраций, устроенных светлейшим князем. Миранда же, видевший их еще до путешествия, не приведенными в парадный вид, писал, что все в них «в наилучшем виде», замечал, «в какой опрятности содержатся ружья, снаряжения и обмундирование»⁴⁹⁶, а также «опрятность, бравый вид и крепкое сложение здешних солдат»⁴⁹⁷. «Очень нравится мне эта пехота»⁴⁹⁸, «гренадерские полки, которые мы видели в парадном строю и на марше, безусловно, лучшее в том роде, что мне довелось наблюдать»⁴⁹⁹.

Армия постоянно была рядом с Екатериной во время ее пребывания в наместничестве Потемкина. В Кременчуге «бывшие в наряде» полки проходили в лагерь мимо дома императрицы⁵⁰⁰. В Херсоне ее встретили восемь полков⁵⁰¹, а в ногайской степи у Каменного моста перед путешественниками неожиданно появилось 3 500 казаков, и это «дало возможность позабыть, что мы в степи, и приятно провести время, которое иначе показалось бы слишком длинным и скучным»⁵⁰². Между казаками был полк калмыков, «вся эта ватага пустилась вскачь мимо нашей кареты со своим обычным гиканьем». Через 12 верст у станции они вновь выстроились в боевой порядок⁵⁰³. «Они парадировали, производили разные маневры, пускались в атаку, стреляли из пистолета»⁵⁰⁴. Месяц спустя, возвращаясь из Крыма, путешественники вновь встретили казаков на этом месте⁵⁰⁵. Уже в Крыму в Байдарской долине 600 албанцев (далматинцев) «производили атаку на далматинскую статью. Они повыхватывали сабли, кинулись бегом в лес и в величайшем беспорядке, с страшным криком вскарабкались на гору»⁵⁰⁶. В Карасубазаре и Старом Крыме путешественники видели драгунский и конно-егерский полки, построенные «с претензией на эффект»⁵⁰⁷. Наконец, на Полтавском поле, где некогда Петр

Великий на «отлично» сдал экзамен своим «учителям»-шведам, было воспроизведено Полтавское сражение, в котором участвовало 50 тыс. человек при 40 орудиях полевой артиллерии. Сражение старались воспроизвести как можно точнее, сверяясь с документами⁵⁰⁸.

Особого разговора заслуживает так называемая «амазонская рота». В журнале «Москвитянин» и в газете «Одесский вестник» были опубликованы рассказы о ней, при этом утверждалось, что они записаны со слов начальницы этой «роты», названной в «Москвитянине» Еленой Сардановой, а в «Одесском вестнике» – Сарандовой⁵⁰⁹. Скорее всего, оба рассказа, действительно были записаны с ее слов. Во-первых, они совпадают практически во всех деталях. Во-вторых, вряд ли более поздняя статья в «Одесском вестнике» была перепечатана из «Москвитянина», потому что там приводятся такие подробности о Сарандовой, которых в «Москвитянине» нет, и которые можно было узнать при личном знакомстве с ней: в частности, о том, что ко времени опубликования статьи Елене Ивановне, по второму мужу Шидянской, было более 95 лет, она почти не вставала «с болезненного одра», но сохранила отличную память и много рассказывала о прошлых временах. В «Одесском вестнике» говорится, что «амазонскому капитану» было в 1787 г. 28 лет, и 46-летний «граф Фалькенштейн» был воспринят ею как «старичок небольшого роста, с добродушным выражением в лице, каким отличается большая часть стариков»⁵¹⁰. В «Москвитянине» утверждается, что Елене Ивановне было 19 лет⁵¹¹.

Статьи гласят, что Потемкин создал к приезду императрицы в Крым «амазонскую роту» из ста жен офицеров греческого полка, которую и возглавила Сарданова, тут же подробно описываются их костюм и вооружение. Иосиф, осматривая балаклавскую бухту, увидел «амазонок» и от восхищения поцеловал «капитана» в губы. «Воительницы» возмутились, но начальница успокоила их, сказав, что император не отнял у нее губ и не оставил ей своих. Вскоре подъехала и Екатерина, которой очень понрави-

лась «рота». Она подала Сардановой руку, поцеловала ее в лоб, потрепала по плечу и сказала: «Поздравляю Вас, амазонский капитан. Ваша рота исправна. Я ею очень довольна». Потом в Бахчисарае Сарданова вновь увидела государыню и получила от нее в подарок бриллиантовый перстень в 1 800 руб., а ее «амазонки» – 10 тыс. руб.

Мемуары очевидцев, а также письма Иосифа II и императрицы, в которых с увлечением рассказывается о гораздо менее экзотических зрелищах (о казаках или далматинцах, например), почему-то ни словом не упоминают об «амазонках». Хранят молчание о столь ярком факте и официальные журналы, которые отличаются большой точностью в описании того, что показывалось государыне. В перечне драгоценных вещей, розданных Екатериной во время этого путешествия⁵¹², не сказано о перстне в 1 800 руб. для «амазонского капитана», и это при том, что там тщательно фиксировались подарки в несколько раз дешевле. В списке денежных пожалований нет ни слова о 10 тыс. руб. для «амазонок»⁵¹³. Можно было бы предположить, что в газете и журнале отражена возникшая позже легенда, однако де Линь пишет: «Я не видал более женщин с открытыми лицами, кроме батальона Албанок в Балаклаве: 200 прекрасных женщин или девиц, вооруженных копьями, стрелами и ружьями... вышедших к нам навстречу»⁵¹⁴ (Сарданова утверждала, что под ее началом состояло 100 «воительниц»). Принцу свойственна излишняя восторженность в описании всего увиденного, но он никогда не придумывал того, чего не было вообще. Получается, что «амазонки» все-таки существовали. Тогда почему о них умалчивают другие источники? Может быть потому, что императрица их не видала?

Камер-фурьерский журнал сообщает, что, отделившись от свиты, «граф Фалькенштейн» посетил Балаклаву, а Екатерина – нет. Когда же государыня проезжала мимо, ее встретили греческий священник и жители-греки обоего пола⁵¹⁵. Может быть, «амазонок» видел один Иосиф, не исключено, что компанию ему при этом состав-

лял де Линь, а императрице они по какой-то причине не были показаны, и пожалования «амазонкам» почему-то не попали в документы? Зачем же тогда готовили эту роту? Сарданова же могла быть представлена государыне в Балаклаве, но она настолько хотела, чтобы ее «роту» увидела Екатерина, а не только «граф Фалькенштейн», что много лет спустя в ее рассказе желаемое переплеталось с действительным? Иосиф же не упомянул в письмах к Ласси об амазонках потому, что они не вписывались в общую картину негативных явлений, которые он искал в Причерноморье? Как бы то ни было, говоря об «амазонках», очень трудно утверждать что-либо наверняка, и мы не можем поручиться за истинность наших догадок, как и за достоверность самого существования или небытия этой «амазонской роты».

Демонстрация Черноморского флота, которому в 1787 г. не было еще и десяти лет, произвела на современников еще более яркое впечатление, чем показ армии. Его первый корабль «Слава Екатерины» был заложен в 1779 г.⁵¹⁶, а спущен на воду в 1783 г.⁵¹⁷ В мае 1787 г. Черноморский флот состоял из 34 военных и 13 транспортных судов⁵¹⁸.

При его оценке очевидцами мы встречаем ту же картину, что и с армией. Если Миранда находит корабли «гораздо лучше наших и французских»⁵¹⁹, то Иосиф II замечал, что лес на них сыр и они «пойдут на слом, потому что в дело не годятся»⁵²⁰, Людольф тоже полагал, что суда сделаны на скорую руку и вряд ли будут долговечны⁵²¹. В марте 1787 г. «дабы в людях на кораблях недостатка быть не могло», Потемкин отправил в Севастополь рекрут с приказом поместить их на суда, а всех нижних чинов Севастопольского полка переодеть в матросы⁵²². Император утверждал потом, что матросов на кораблях много, но они плохо обучены, «просто набрали две тысячи рекрут и называли их матросами»⁵²³. Непонятно, что удивительного нашел в последнем «граф Фалькенштейн». Может, он полагал, что настоящий моряк является таковым от рождения? Во всяком случае, Миранда не усмотрел ничего отрицательного в подобном комплектовании флота:

«Моряки – самые крепкие и brave на вид люди, каких мне приходилось когда-либо встречать. Они очень опрятны, и мне говорили, как и солдаты, исключительно сообразительны; те и другие одинаково просто рекрутируются из крестьянской среды»⁵²⁴.

В Херсоне 15 мая в присутствии высоких гостей под музыку и гром пушек было спущено на воду три новых корабля: 80-пушечный «Иосиф», 66-пушечный «Владимир» и 50-пушечный «Александр». Для Екатерины и ее двора были устроены богато украшенные плавучие галереи, берега Днепра покрывали толпы народа⁵²⁵. Все три корабля в скором времени примут участие в войне с Османской империей⁵²⁶, что и неудивительно, для этого они строились. Удивительнее другое – богато украшенные галеры, на которых императрица плыла по Днепру, тоже станут военными кораблями. 23 октября 1787 г. в письме к своему парижскому корреспонденту Ф.М. Гримму государыня сообщает, что ее обеденная галера «Десна» обстреливает турок⁵²⁷. Еще один интересный штрих – пока Екатерина находилась в Херсоне, во время обедов при сервировке стола употреблялись 11 моделей кораблей, построенных там⁵²⁸.

Наибольшее впечатление произвели на современников торжества в Севастополе. 22 мая в Инкермане был обед в виду Севастопольской гавани, окруженной татарскими всадниками. Выстроившись в боевой порядок, на рейде стояли 15 линейных кораблей и фрегатов, 1 бомбардирский корабль и 10 транспортных судов. Каждый корабль салютовал 15-ю выстрелами, и путешественники при пушечной пальбе пили за здоровье Иосифа II. Потом императрица и ее свита сели в шлюпки и при пушечном салюте с кораблей поплыли к Севастополю. От гротсмейстера Мальтийского ордена Екатерине были поднесены шелковые цветы, которые она оставила в память своего посещения в церкви св. Николая, а также пальмовая ветвь, которую она подарила Потемкину, и светлейший отослал ее на корабль «Слава Екатерины». На следующий день государыня и «граф Фалькенштейн», сев на шлюпку,

осматривали окрестности Севастополя, а потом посетили этот корабль⁵²⁹. «“Как далеко я ехала, чтобы только видеть вас”, – сказала тогда Екатерина, на что загребной матрос Жаров (который после был лучший шкипер во флоте) ответил: “От евдакой матушки-царицы чего не может случиться”. Императрица, улыбаясь, сказала Войновичу: “Какие ораторы твои матросы”»⁵³⁰. Иосиф II потом побывал на 66-пушечном фрегате «Святой Андрей», который показался ему построенным очень хорошо⁵³¹. Вечером бомбардирский корабль «Страшный» обстреливал специально с этой целью сооруженную крепостцу, и с пятого выстрела зажег ее⁵³².

Таким образом, Потемкин не просто показывал армию и флот, он создал эффектное зрелище с большой долей театральности, которое производило сильное впечатление на современников. Подобный «спектакль» подчеркивал силу русских войск, позволял им смотреться более грандиозно и величественно. «Театральный элемент» давал дополнительную пищу суждениям о «потемкинских деревнях», но очень скоро на полях сражений туркам предстояло убедиться, что это не более чем слухи, а русские вооруженные силы годны не только напоказ.

Поскольку военные своей службой должны были приносить пользу России, что неудивительно при столь активной внешней политике, Екатерина щедро награждала их, как и чиновников, только, пожалуй, военным она оказывала еще большее внимание. Путешествие в Крым несло им, помимо высказанных монарших «благоволений»⁵³³, немало милостей.

В 1787 г. в Херсоне при спуске кораблей, а затем в Севастополе, императрица одарила солдат и матросов, пожаловав по рублю каждому⁵³⁴, а также повелела всему экипажу на судах «выдать не в зачет полугодовое жалованье»⁵³⁵, а в Карасу-Базаре выделила по рублю на человека «нижним чинам всех войск, в Тавриде находящимся»⁵³⁶. В местечке Кобыляки она одарила живущих здесь отставных унтер-офицеров и солдат⁵³⁷.

Очень щедра была Екатерина к офицерам. Золотые табакерки и часы преподносились армейским и флотским

офицерам в наместничестве Потемкина⁵³⁸. Генерал-аншеф Ю.В. Долгоруков, руководивший полтавскими маневрами, был пожалован в подполковники Преображенского полка, его жена получила бриллиантовый букет, а маленькая дочь стала фрейлиной⁵³⁹. А.В. Суворову была тогда вручена «табакерка овальная перловая с бриллиантами и вензелем» в 3 тыс. руб.⁵⁴⁰

Однажды офицерам были подарены деревни и крестьяне – 16 мая в Херсоне генерал-аншеф И.И. Меллер был пожалован деревнями, бригадир и херсонский оберкомендант А. Соколов получил 300 душ и полковник Н. Корсаков, произведенный тогда в инженер-полковники – 450 душ⁵⁴¹. Это был не единственный случай повышения в чинах. По случаю спуска кораблей в Херсоне капитаны 1-го ранга М. Войнович и Н. Мордвинов стали контр-адмиралами, капитаны П. Алексано и Ф. Ушаков – капитанами бригадирского чина, трое капитанов 2-го ранга – капитанами 1-го ранга; капитан-лейтенант И. Пущин – капитаном 2-го ранга, и «корабельный мастер чина подполковничья Афанасьев» был пожалован в чин полковничий⁵⁴². 30 мая в Крыму полковник Донского войска Ф. Денисов был произведен в генерал-майором, бригадир И. Горич – в полковники⁵⁴³, а три дня спустя три подполковника стали полковниками (в том числе Матвей Платов из Войска Донского)⁵⁴⁴.

Офицеры награждались также орденом св. Владимира – II степень получил генерал-поручик Н. Чорба (III класс «Табели о рангах»), III-й степени удостоились бригадиры И. Денисов, Шиц, Н. Абдаша (V класс), а также полковник И. Горич (VI класс) и майор Алымов (VII класс). Орден IV степени был вручен двум капитанам (VIII класс), майору артиллерии и двум инженер-поручикам.

Пожалования, происходившие во время путешествия в Крым, должны были подчеркнуть важность демонстрации армии и флота. Награды получали офицеры из подчиненных Потемкина, которые, вероятно, участвовали в устраиваемых им демонстрациях вооруженных сил, и, как в случае с чиновниками, чем выше был чин, тем

больше «монаршья милость». Награжденные орденами офицеры находились примерно в тех же рангах, что и пожалованные ими чиновники. Правда, по сравнению с бюрократией здесь есть некоторый «демократизм» – императрица не оставляет вниманием и «нижних чинов», даря им деньги, в то время как мелкие чиновники не получали ничего.

* * *

Предпринимая в 1787 г. путешествие в Крым, Екатерина в качестве одной из главных целей рассматривала контакты с подданными. Систематическое общение она осуществляла с представителями привилегированных слоев населения, прежде всего с дворянством, оказывая ему многочисленные знаки внимания и награждая чиновников и офицеров (тоже из числа дворян). Также высочайшего расположения удостоились во время поездки духовенство и военные, служащие в армии и во флоте. Контакты императрицы с купечеством, мещанством и крестьянством оставались единичными случаями в общении государыни с местным населением. При этом императрица старалась держать себя с представителями разных сословий как можно приветливей, создавая образ матери своих подданных, просвещенной императрицы и православной государыни. Милостивым обхождением с разными народами (прежде всего – с крымскими татарами) Екатерина делала их лояльными своей власти.

Посещение ее величеством того или иного города становилось весьма значимым событием, которое надолго запоминалось и даже обрастало легендами. Провинциалы получали единственную в жизни возможность увидеть государыню собственными глазами, а представители привилегированных сословий – также и встретиться с ней.

Таким образом, путешествие Екатерины Великой «в Полуденный край России» стало знаковым событием не только в ее политике, но и в жизни подданных.

И быть славному Кременчугу столицей Днепровской К юбилею посещения города Екатериной Великой

Сергей Алексеевич СМОЛЯННИКОВ

(Украина)

Как известно из народной поговорки-присказки, «язык до Киева доведет». Также известно и то, что появилась она во времена Киевской Руси, когда именно Киев был столицей той, младой Руси-России. Всемирно известный историк В.О. Ключевский в своем главном труде – курсе русской истории – указывал: «эта народная поговорка значит не то, что неведома дорога к Киеву, а то, что везде всякий укажет вам туда дорогу, потому что по всем дорогам идут люди в Киев; она говорит то же, что средневековая западная поговорка: все дороги ведут в Рим».

Если идти на юг по величавому Днепру или по его живописным берегам, то все дороги к морю Черному и далее ведут через славный и прекрасный город Кременчуг.

Несколько слов об истории Кременчуга

Название «Кременчуг» появилось в глубокой древности: согласно преданию, когда в районе будущего города на пути плывших по Днепру судов появлялись пороги, все ждали доклада впередсмотрящего: «Кремень, чув!» – речь шла о касании килем каменистого дна.

Я не буду ни опровергать, ни дополнять исследования киевских и кременчугских краеведов Евгения Коловрата, Елены Усковой, Виталия Ковалинского и Максима Кавуна, которые использовал в статье, а лишь добавлю те сведения по истории города, бывшего и являющегося жемчужиной Днепра, которые и сегодня требуют, чтобы их помнили.

Каждый, кто с севера едет на юг к Черному морю, обязательно проедет через Кременчуг. Это не случайность, связанная с развитием современного шоссе-дорожного строительства, а историческая закономерность, вытекающая из расположения города.

Еще со времен Боплана крепость Кременчуг была известна всей Европе, ведь именно она была ключом к Запорожской Сечи.

Путник, попадающий сегодня в город, скажет, что Кременчуг – это мощный промышленный центр Украины, ибо 7% наполнения бюджета Украины является вкладом «сердца Днепра». В городе сосредоточены машиностроительные и перерабатывающие предприятия: Кременчугский нефтеперерабатывающий завод – лидер украинского рынка горюче-смазочных материалов, Крюковский вагоностроительный завод – «КрАЗ» – один из крупнейших в Восточной Европе и СНГ, Кременчугский автоборочный завод, Кременчугский колесный завод, Кременчугский завод дорожных машин, Сталелитейный завод, Кременчугский завод технического углерода, предприятие по изготовлению прицепов для легковых автомобилей «Кремень».

Если спросить, что мы еще знаем о Кременчуге, то один из ответов может поразить сознание даже самого пессимистического скептика, ибо Кременчуг справедливо называют третьей морской столицей Украины, а главное – тем городом, о котором и до сих пор ходят шутки типа «Подводная лодка в степях Украины»...

Удивляться нечему. Достаточно взять в руки военно-морскую энциклопедию, чтобы лично убедиться, что именно Кременчуг был столицей Днепровской военной

флотилии. Со времен Петра Великого Кременчуг являлся стратегическим районом и центром кораблестроения. Именно здесь, впервые в России, была проведена опись всех ценнейших для кораблестроения лесных угодий, которые стали государственной собственностью. Казенными объявили лучшие дубравы Приднепровья, в том числе и кременчугские, которые Петр Великий рассматривал как неприкосновенный резерв для создания в будущем Черноморской флотилии, а со временем – и флота.

Моряки-подводники, попадающие в Кременчуг, рассказывают, что город прославился строительством подводных судов. В январе 1799 г. кременчужанин Семен Андреевич Ромодановский подал на имя императора Павла разработанный им проект подводной лодки. В «прошении» изобретатель сообщил, что лодка может погружаться на дно моря. Увы, правительство не нашло нужным поддержать умельца. Полный проект этого изобретения не сохранился, но те документы, которые известны, свидетельствуют о ценности замысла талантливого изобретателя.

В те же самые годы кременчугский купец Дмитрий Быков стал известен как изобретатель машин и приспособлений для поднятия затонувших судов, а также как автор ценных предложений в области кораблестроения, сооружения доков для ремонта кораблей и механизмов для подачи воды на гористую местность. Суда, спускавшиеся по Днепру к Черному морю, часто не могли обойти каменные пороги и разбивались. Дмитрий Быков, живой свидетель этих катастроф, со своим сыном Иваном сконструировал приспособления и машины, с помощью которых корабли свободно проходили пороги. 10 марта 1798 г. отец и сын представили в Адмиралтейств-коллегии чертежи различных водоподъемных машин и приспособлений. Деятельность Быкова была признана «нужной и полезной» для флота. Адмиралтейств-коллегия приняла для того времени сенсационное и прогрессивное решение: «Кременчугского купца Дмитрия Быкова за знание гидравлики и механики произвести в чин девятого класса

с определением в гидравлисты по ведомству Адмиралтейств-Коллегий и с исключением из купеческого звания как его, так и сына его Ивана Дмитриевича».

Таким образом, январь 1799 г. можно смело назвать днем рождения аварийно-спасательной службы флота Отечества.

Еще один факт из «подводной жизни» Кременчуга стоит вспомнить. Есть такой замечательный фильм «Командир счастливой Щуки». Завершается он тем, что командир жертвует собой, спасает экипаж подводной лодки, а сам гибнет. Так вот, командиром «счастливой Щуки» (Щ-403) был Семен Иванович Коваленко, уроженец Кременчуга.

Нет смысла пересказывать героическую летопись Днепровской флотилии – она и так известна, как и роль одной из главных ее баз – порта Кременчуга.

Вот еще один немаловажный факт: наличие в составе ВМС Украины корвета (малого ракетного корабля) с именем «Кременчуг», напоминающего о военно-морских традициях третьей днепровской столицы.

О флотской, да еще и военно-морской составляющей истории Кременчуга свидетельствует и то, что в годы Великой Отечественной лишь на Дунае и на Днестре в районе Кременчуга ставили настоящие морские мины.

Не только военно-морскими делами славился Кременчуг. В 1791 г. в городе появился оружейный завод с литейным, кузнечным, слесарным, стальным и другими цехами, на котором работали мастера, прибывшие из Тулы – центра оружейной промышленности России.

Все то, что было заложено в XVIII – начале XX в., стало основой его сегодняшнего развития – как экономического, так и культурного.

Первые электрические трамваи в Среднем Поднепровье, появились в Кременчуге. Здесь проходили крупнейшие ярмарки Полтавской губернии, значительно масштабнее знаменитых Сорочинцев.

Кременчуг – важнейший пункт Южной железной дороги, среди станций которой – Харьков, Полтава, Елисаветград, Николаев.

Город был и остается крупнейшим центром культуры, науки и искусства Новороссийского края.

Мы не сказали главного – а кто, собственно, был тем человеком, кому город обязан своим развитием? Конечно же, это Екатерина Великая.

Жаль, что не тут построен Петербург

В мае–июне 2012 г. исполняется 225 лет знаменательной поездки на Юг России императрицы Екатерины Великой, правление которой называют золотым веком. Проездом в Крым государыня посетила находящийся в центре Русского Поднепровья Кременчуг и, несмотря на то, что гостила в нем всего три дня, впечатление о городе сохранила надолго. Именно ей принадлежат слова, вошедшие в историю Кременчуга: «Жаль, что не тут построен Петербург».

Увы, до сих пор словосочетание «потемкинские деревни» ассоциируется у большинства людей с понятиями «очковтирательство» или «обман общественного мнения». История уже четко ответила на эти обвинения: «потемкинские деревни» – это гордость России и Екатерины, это воплощение русского духа и силы, подтверждением которых является сам факт существования и развития Кременчуга.

Цель путешествия императрицы заключалась в том, чтобы ознакомиться с приобретениями России на Юге, которые стали именоваться уже не столько Таврией, сколько Новороссией.

На 1780-е годы приходится расцвет Кременчуга, ставшего центром Екатеринославского наместничества, созданного из двух губерний – Новороссийской и Азовской. Незадолго до этого прекратила свое существование Запорожская Сечь. Ряд украинских историков повествует об этом событии с трагическими нотками. На мой взгляд, обращаясь к здравому смыслу и нормам государственного права, следует честно и откровенно признать, что с расширением границ России Сечь утратила свое значение,

и искать в этом «руку Кремля» или Петербурга, не стоит.

Край должен был стать цивилизованным: со столицей, инфраструктурой, надежными каменными (а не деревянными) укреплениями и конечно же – водными путями. Выбор пал на город Екатеринослав, основание которого, как столицы Екатеринославского наместничества, было провозглашено указом Екатерины от 30 марта 1783 г., а заложен он был во время путешествия в Крым в 1787 г. Таким образом, новая столица была еще в проекте, поэтому необходим был временный административный центр наместничества – им стал Кременчуг.

Сделаем небольшое отступление. Крупный железнодорожный узел – город Синельниково – назван в честь Ивана Максимовича Синельникова – первого правителя Екатеринославского наместничества, генерал-майора и сподвижника Г.А. Потемкина.

30 апреля 1787 г. флотилия императорских галер, плывших вниз по Днепру из Киева, достигла холмистых берегов Кременчуга. Город замер в ожидании – ведь целый год кременчужане и казаки ждали этого исторического события. Для подготовки к приему государыни сделано было очень много – все население города занималось его благоустройством, строительством причалов, триумфальных ворот, путевого дворца, сада... Значительные средства были ассигнованы на устройство фейерверков, иллюминаций, увеселительных мероприятий, содержание свиты императрицы ее прислуги.

И вот галеры подошли к Кременчугу. На главной из них, называвшейся «Днепр», находилась государыня. По преданию, гребцами на императорском судне были казаки из ближайшего к Кременчугу казачьего селения, лучшие в ту пору рыбаки и мореплаватели на Днепре, предки которых доходили в казачьих походах до турецких берегов. Прямо на галере они будто бы узнали, что их землю должны передать во владение князю Потемкину. Бросив весла и встав на колени, гребцы умоляли сохранить их статус вольных казаков. Екатерина, увидев таких молодцев, тут же выполнила их просьбу.

Когда шлюпка с императрицей, медленно отделившаяся от галеры, пристала к берегу, залпы возвестили о том, что ее величество ступила на кременчугскую землю. Встречать ее вышел не только весь город, но и весь цвет дворянства и купечества Малороссии и Новороссии. Многие прибыли из других краев. Среди лиц, сопровождавших государыню, узнавали выдающихся полководцев и государственных деятелей: Суворова, Кутузова, Потемкина, Безбородко...

Именно в момент торжественной встречи и было сказано Екатериной знаменитое: «Жаль, что не тут построен Петербург».

Свои впечатления о Кременчуге императрица высказала в письмах. Так, она отмечала: «...я провела три дня в большом красивом и прелестном доме, выстроенном фельдмаршалом князем Потемкиным близ прекрасной дубовой рощи и сада, в котором есть грушевые деревья такой вышины и толщины, каких я отроду не видела и все в цвету. Я думаю, что бесспорно здесь прекраснейший климат в целом Российской империи. Кременчуг прекраснейшая местность, какую только я видела в своей жизни. Мы нашли здесь расположенных в лагере 15000 человек превосходного войска, какое только можно встретить. Я здесь дала бал, на котором было, по крайней мере, 800 человек».

Именно в ту пору, Екатерина вновь обратила свой взор на запорожских казаков, пообещавших ей «не повторяти бунта казацкого пугачевского», и дала разрешение на восстановление войска, для поселения которого вскоре определено было место на Таманском полуострове, относящемуся к Екатеринославскому наместничеству. По инициативе Потемкина тут начало создаваться оформленное указом 8 января 1788 г. «войско верных казаков».

После торжественной встречи Екатерины с громом пушечных салютов, с исполнением специально написанной кантаты, с показательным строем суворовской дивизии, с военными оркестрами, с возгласами тысяч людей, после пышных приемов местной знати и балов

Потемкин предложил императрице посмотреть маневры «рядовой российской дивизии». Искусство, продемонстрированное Суворовым, поразило не только всех гостей, но и самого Потемкина, великого мастера празднеств и представлений.

Так об этом вспоминает очевидец: «По высадке в Кременчуге иная картина представилась взором ее... Дом обширный, красивый, построенный и расположенный по вкусу Екатерины, английский сад, в котором волшебным образом князь Потемкин посадил огромнейшие деревья; прекрасный вид, украшенный тенистой зеленью, цветами и водой; 15 тысяч вновь снаряженного войска; собрание всего дворянства губерний в богатых нарядах и купцов, съехавшихся со всех концов империи; наконец, повсеместное движение после трехмесячного покоя и близость цели этой необыкновенной поездки, занявшей внимание Европы; вот чем открылись эти новые зрелища».

В учебниках по истории, особенно советского периода, высказывалась точка зрения, что Екатерина и ее свита ехали в Крым отдыхать и развлекаться, что ради этого ее фаворитом были построены многочисленные «потемкинские деревни», но все это, далеко не так.

Не только члены «высочайшей делегации», но и европейские дипломаты, сопровождавшие императрицу, увидели истинное лицо Новой России – Новороссию, с ее великолепием и проделанной всего за четыре года огромной работой по обустройству малообжитого края. Когда «историки от критиканства» рассказывают небылицы о «потемкинских деревнях», то они путаются в датах. Строительство первых поселений и крепостей на Черном море (к примеру – Севастополя) началось в 1783 г. и шло очень быстрыми темпами, что и было отмечено во время путешествия императрицы на Юг в 1787 г. Примечательно, что первоначально оно планировалось на 1784 г. Екатерина хотела посетить не только Малороссию, но и Крым – сразу же после его присоединения к России. Тогда эта поездка по высочайше утвержденному маршруту: Кременчуг – Елисаветград – Херсон – Симферо-

поль – Феодосия – Борислав – Кременчуг не состоялась из-за эпидемии на новых землях и из-за сложностей подготовки к приезду государыни.

История наглядно доказала, что далеко не «потемкинскими деревнями» являлись города, ставшие впоследствии важнейшими культурными, промышленными и торговыми центрами Юга России: Кременчуг, Екатеринослав, Симферополь, Севастополь, Одесса, Херсон, Николаев, Мелитополь, Бердянск и множество других населенных пунктов Таврии, Причерноморья, Приазовья и нижнего Поднепровья. Приоритеты в их развитии наметились именно в эпоху Екатерины – прозорливостью самой императрицы и «товарища по делам моим и жизни державной» (как говорила государыни) Григория Потемкина.

После такой активности, привлекавшей внимание всей Европы, Турция, обеспокоенная усилиями позиций России на Черном море и подталкиваемая «вечными друзьями», принадлежащими к английскому и французскому дворам, начала в августе 1787 г. военные действия, но... Войска Суворова и Кутузова, показавшие себя на смотре в Кременчуге, ставшем важнейшей военной и военно-морской базой Юга России, направились к местам военных действий, и успешно отбив атаки врага, сыграли значительную роль в очередном разгроме Османской империи. Потемкин в течение считанных недель организовал в Кременчуге строительство судов для усиления флота на Черном море. Дубравы сохраненные в качестве резерва для строительства еще по указу Петра I, дали столь нужное в южных местах сырье. Уже к весне 1788 г., то есть всего за полгода, было построено и направлено в прибрежные районы Причерноморья и Приазовья свыше 60 гребных судов. Всего же до конца 1790 г. Черноморский флот получил от кременчугских корабелов 130 гребных судов и боевых кораблей.

Таким образом, балы, приемы и смотры, которые были далеко неспроста организованны в Кременчуге, показали миру не что иное, как силу и мощь русской армии, рос-

сийского флота и готовность страны и ее народа к войне с Турцией. Успехи в освоении южных земель, создание новых крепостей и административных центров сыграли огромную роль в укреплении международного авторитета России. Ведь, по сути своей, пышно обставленная поездка по новым землям была не только демонстрацией мощи и силы, но и своего рода вызовом, брошенным уверенной в своем народе, в себе и своем окружении Екатериной II силам (как внутренним, так и внешним), не желавшим дальнейшего усиления России.

Не будем ставить точку в этом месте, ибо с Кременчуга началось инспекционное путешествие по наместничеству Потемкина, Кременчугом оно и закончилось.

Сделаем небольшое отступление. С самого начала своего царствования (а оно началось, как известно, 28 июня 1762 г. и завершилось 6 ноября 1796 г.) Екатерина много путешествовала по России, чтобы познакомиться со своей страной и получше узнать нужды подданных. Настало время осмотреть и потемкинское «вице-королевство», как шутливо называла она новороссийские земли. В отсутствие Григория Александровича при дворе масса придворных недоброжелателей нашептывала императрице, что значительная часть сделанного им – иллюзия, мистификация. Государыня пожелала отправиться на Юг империи, чтобы лично ознакомиться с положением дел там.

После длительных приготовлений в январе 1787 г. Екатерина и ее спутники, задача которых заключалась не в участии в празднествах, а в «делах полезных на землях новых», покинули Петербург, чтобы осмотреть «Полуденный край», получивший такое имя после красочных писем Потемкина. Поездка Екатерины к черноморскому побережью и обратно длилась более полугода, с января по июль. К началу февраля Екатерина была в Киеве, где провела три месяца.

То, что увидела императрица на берегах Днепра, просто поразило ее и как императрицу, и как, женщину. Она просто не могла представить себе, какие красоты и богатства заключены в Среднем и Нижнем Поднепровье.

Остались многочисленные гравюры, которые вряд ли могут в полной мере воссоздать колорит весны 1787 г., но, благодаря картинам малороссийского (так он и вошел в историю художественного промысла) художника Николая Александровича Сергеева мы можем воочию полюбоваться теми «краевидами» (а другого слова просто и не подобрать), которые ласкали взор Екатерины Великой.

Вернемся в Киев. О том, как проходил визит государыни в этот город, можно узнать, ознакомившись с многочисленными источниками, в том числе – с «Дневником пребывания Екатерины II в Киеве в 1787 г.», автором которого был черниговский губернский предводитель дворянства Андрей Полетика. Дневник гласит:

«29 января. В пятом часу пополудни государыня Екатерина Алексеевна изволила прибыть в Киев и была встречена на Днепре адмиралом Пуциным с флотскими офицерами. Провожали ее более двухсот киевских мещан верхом. При подъезде к Печерской крепости императрицу встречали киевское дворянство и женщины с девицами мещанского и купеческого состояния, одетые в малороссийские кафтаны. У женщин на головах были кораблики, а у девиц цветы; у каждой из них было по корзине с цветами, которыми перед триумфальными воротами устилали путь великой императрицы. Женщин и девиц было до трехсот. Оттуда изволила императрица проехать в церковь Святого Успения, что в Печерском монастыре. Туда по дороге, а оттуда до дворца, стояли по обеим сторонам пешие киевские мещане и купцы с ружьями и знаками их обществ. В церкви императрица поклонилась святым мощам, по правой стороне стоящим. Еще до прибытия ее величества здесь собрались все знатные дамы, которые из-за холода стояли в шубах, но при входе государыни, шедшей через весь монастырь пешком, они поспешно сбросили шубы и удостоились хорошо видеть царицу, потом разъехались по домам. Государыня возвратилась во дворец в сопровождении артиллерийских, лейб-кирасирских и других команд, церемониально через триумфальные ворота выстроенные

недалеко от дворца усердием Киевского наместничества дворянского общества. По прибытии во дворец собрались в зал весь генералитет и штаб-офицеры; побыв тут, они часа через три, когда государыня во внутренних покоях села играть в карты, все разъехались.

30 января. С высочайшего разрешения, в 11 часу собрались во дворец весь генералитет и штаб- и обер-офицеры. В начале первого часа они допущены были к руке императрицы. Императрица жаловала каждому руку с веселым видом и была благосклонна. В комнате, где была аудиенция, по правую сторону стояли придворные, генералы и министры, а по левую две статс-дамы: графиня Александра Васильевна Браницкая и княгиня Екатерина Васильевна Скавронская. По окончании аудиенции приготовлен был стол и приглашены знатнейшее духовенство, чиновники Киевской губернии, почт-директор и многие другие особы до 5-го класса включительно. После обеденного стола угодно было императрице отойти в свои комнаты, а приглашенные к столу разъехались по домам.

31 января. В 12 часу благоугодно было императрице поехать в Софийский монастырь в церковь, во внутренних митрополита комнатах, к обедне и для посещения больного митрополита Самуила. Шествие было в сопровождении полков и при пушечной пальбе. По возвращении был стол во внутренних покоях, в 5 часу пополудни. В зал собрались все придворные, здешние, знатные штаб- и обер-офицерские жены; в мундирах и разноцветном платье на бал, равно и мужчины; в начале 7-го часа государыня изволила выйти и допустить к руке всех женщин. По окончании аудиенции государыне угодно было сесть за столик играть в карты. Государыня одета была в зеленое русское платье, а волосы причесаны низко и бриллиантовые на левой стороне приколоты тросавки; потом заиграла музыка и бал открыл обер-шталмейстер Лев Нарышкин польским танцем с другими придворными; потом танцевали менуэты, контрдансы и один раз казачка. В 9 часов ровно государыня встала из-за стола,

пошла в свой кабинет; музыка перестала играть, и все стали разъезжаться по домам.

8 марта. Цесарский посланник граф Кобенцель имел счастье угощать императрицу вечерним столом и дал бал придворным.

10 марта. Ничего примечательного не случилось, а в город прибыл граф Мнишек.

11 марта. Императрица в Софийском соборе изволила слушать обедню, которую совершал протопоп Леванда. По окончании литургии он был представлен ее величеству и сама государыня изволила возложить золотой крест на красной ленте по примеру, как и духовник ее величества такой же имеет.

16 марта. Отослан митрополиту Самуилу жалованный от императрицы клобук и крест бриллиантовый в 6 тысяч рублей, да 4 тысячи наличными.

17 марта. Государыня изволила выехать из дворца на смотр судов, стоящих возле Выдубицкого монастыря к шествию ее величества по Днепру.

19 марта. Императрица указать изволила придворным говеть на следующей страстной неделе.

22, 23 и 24 марта. Ничего примечательного не происходило.

26 марта. В большой Печерской церкви, у плащаницы, императрица изволила быть в белом платье, а придворные и прочие дамы в белых салопках.

27 марта. В 4 часу пополудни прибыли с государыней в большую Печерскую церковь, где совершена была все-нощная, и вслед за ней обедня (до 6 часа полночи) преосвященным Виктором. После заутрени допущены были к руке придворные кавалеры и дворянство.

30 марта. Императрица к обедне изволила поехать в Богословский монастырь, что на Подоле. Вечером был бал во дворце.

11 апреля. Получена поутру в Софийской Соборной церкви в большую сумму чаша, от светлейшего князя Григория Александровича Потемкина присланная. Императрица изволила на Подоле в большой церкви Братского

монастыря слушать обедню, куда от дворца провожали мещане молодые, на такой случай назначенные, в богатом уборе и на хороших лошадях, а пешие со всеми цехами и знаками стояли от подольских триумфальных ворот до монастыря по обе стороны. Студенты же, в четыре ряда по обе стороны от монастырской браны до самой церкви стоя, пели во время проезда государыни концерт. По окончании обедни у магистрата общество купцов и мещан города Киева имели счастье угощать обеденным столом, государыне приготовленном, на 65 кувертов. У графа Румянцева на сей случай взят серебряный с позолотой целый сервиз разными принадлежащими к нему приборами. Во время стола палили из шести пушек, нарочно туда привезенных; а по окончании всего отъехала во дворец с бывшими там при столе кавалерами, а для всех хорошо одетых как мужчин, так и женщин открыт был в магистрате вольный бал при духовой музыке, с разными танцами; продолжался до десятого часа. Сего же дня государыня отослала к королю польскому в подарок верховую, хорошую лошадь.

15, 16 и 17 апреля. Примечательного ничего не было.

18 апреля. Во дворце на балу ничего не случилось.

19 апреля. В этот день было приготовление к отъезду на судах и отправлен один флотский генерал в Кременчуг.

20 апреля. Ее величество изволила осматривать Печерскую крепость.

21 апреля. После слушания обедни в соборной Софийской церкви государыня следовала во дворец со всеми придворными и кавалерами. Перед дворцом на площади поставлены были чаны с вином, медом и пивом, да повешены около гульбищ белые хлебы и разные рыбы, а на сделанных к тому нарочно столиках положены были на всех жареные мяса, яблоки, сливы и прочие съестные припасы для народа. По данному позволению все принялись разделять те съестные и питейные припасы, а для недопущения в сем случае одного другим обиды

поставлены были караулы. Вечером был во дворце бал, а перед ним великолепный фейерверк, сделанный графом Румянцевым в 35 тысяч рублей; народ кричал громким голосом: ура! ура! Сего же дня на Подоле в магистрате вольный бал, с обеденным столом.

22 апреля. В 10 часу поутру императрица изволила в большой Печерской крепости поклоняться святым мощам. При выезде из Печерской крепости встречал ее величество лейб-кирасирский полк с литаврами. Потом, прибыв в Софию, выслушали молебен; читана была молитва о путешествующих. Отсюда императрица, при таковом же колокольном звоне и при пушечной пальбе, и в сопровождении конницы киевских мещан, изволила отправиться на Подол, к галерам, которые стояли возле берега Днепра против Братского монастыря, где встретили ее пешие мещане с их знаками. Пообедав на галерах, изволила выйти на крыльцо, поблагодарив всех на берегу стоящих господ за угощение и попечение, отправилась на галерах, со всеми наряженными придворными кавалерами, с великолепнейшей церемонией, при пушечной пальбе с обеих крепостей и колокольном звоне по всем церквам, в Канев, а оттуда в Кременчуг, в сопровождении предводителей и дворянства одиннадцати уездов с губернатором киевским, на дубах (лодках), мещане были в своих мещанских, также хорошо убранных дубах. От Киева 10 верст провожали императрицу с музыкой и радостными восклицаниями на дубах, вслед за ней. Тогда ее величество позволила им вернуться, благодаря их за усердие».

Известия А. Полетики дополняют строки из книги «Русские государи в Киеве»: «На Днепре 80 судов с тремя тысячами экипажа. Внимание обращено на богатые галеры для императрицы и ее свиты. “Каюты убраны китайской тафтой с диванами”, говорит очевидец, “на каждой палубе стояло по 12 музыкантов. Императорский флаг играл на мачте великолепнейшей из галер. Вдруг все пришло в движение. За колесницей с державной путешественницей, следовали длинной экипажи, в кото-

рых помещалась свита. Монархиня, одетая в распашное платье голубого цвета, взошла на одну из галер посреди Днепра, и в 2 часа пополудни священные воды Борисфена вспенились, унося державную гостью от Киева. Множество челноков и лодок, украшенных красными флагами, громкое “ура” народа, стоявшего на всех возвышениях, сопровождали обожаемую монархиню”».

Как уже было отмечено, 22 апреля императорская флотилия двинулась вниз по Днепру, на территории, управляемые Потемкиным – и именно со времени этой поездки Кременчуг начал играть ту роль, которая успешно исполняется им уже на протяжении 225 лет.

Во время пребывания Екатерины в Кременчуге и всем Нижнем Поднепровье постоянно звучали античные мотивы, поскольку одна из целей путешествия заключалась в «наведении исторических мостов» между эпохами, в показе преемственности между екатерининской Россией и античностью.

Сразу же после завершения поездки и возвращения Екатерины в Петербург было уделено много внимания Кременчугу как городу, которому отводилась роль «ключей от Днепра». После посещения войсковых учений и парадов, а также кораблестроительных вервей, императрица сказала: «...и быть славному Кременчугу столицей днепровой», подчеркивая тем самым особый статус города – административного и индустриального центра, а также крупной военной и военно-морской базы.

Нам придется вновь немного отвлечься от «кременчугской темы», чтобы рассмотреть события, которые произошли сразу же после пребывания в «столице днепровой».

Важной вехой в жизни Юго-Западного края России, а сегодня и Украины, стал день 9 (22) мая 1787 г., когда в месте где Днепр круто поворачивает к югу, императрица основала новый город, получивший символическое имя – Екатеринослав. Сегодня все знают его как Днепропетровск – гигант сначала российской, затем советской, а ныне украинской промышленности, науки и культуры.

План застройки Екатеринослава как губернского города утвердила лично Екатерина, мечтая, чтобы со временем этот город славил не ее имя, а имя Южной России, Новой России.

Время не позволяло государыне надолго задерживаться в местах малонаселенных – ведь впереди были Херсон и Крым.

После основания Екатеринослава была совершена поездка в город Ольвиополь, где состоялась торжественная встреча Екатерины ногайскими татарами. Сегодня Ольвиополь носит далеко не первозданное свое имя – Первомайск, это второй по величине город в Николаевской области, важнейший хозяйственный и административный центр одноименного района.

Затем наступил волнующий момент прибытия императрицы в Херсон – город, созданный ее сподвижником и фаворитом Григорием Потемкиным. Очевидцы отмечали, что здесь Екатерину ждали триумфальные ворота, на которых было написано: «Ворота в Византию».

Таврическая область, бывшая территория Крымского ханства, куда императрица отправилась после пребывания в Херсоне, символизировала часть античного мира, а затем и Византии, возвращенную в православие после нескольких сотен лет владычества «иноверцев».

Государыня пересекла Перекопский перешеек, въехала на территорию Крымского полуострова и наконец достигла новой военно-морской базы – Севастополя. Здесь Потемкин продемонстрировал Екатерине основанный им Черноморский флот.

Как свидетельствуют не только архивные документы, но и современники «золотого века Екатерины», увидевшим на Юге императрица осталась очень довольна. Путешествие стало демонстрацией возросшего могущества Российской империи, особенно – перед теперь уже бывшими хозяевами Черного моря – турками.

Что же увидела императрица из окна кареты? Вернее, – что стремился показать Екатерине главный организатор путешествия – князь Потемкин? Споры об этом не утихают по сей день.

В легенде о «потемкинских деревнях» причудливо переплелась отдельные реальные черты и самые вздорные сплетни, ходившие среди русской элиты и дипломатических кругов.

Было, как это зачастую бывает и сегодня, желание показать все самое лучшее. Было желание подчеркнуть имеющиеся достижения и сгладить те недостатки, которые были видны «невооруженным глазом». Факт приукрашивания, имевший место тогда, имеет место в подобных случаях и сегодня. Другое дело, что заметить одни лишь недостатки – это стремление некоторых европейских дипломатов и той части «екатерининского общества», которому счастье, когда в собственном доме беда...

Если бы суждение о «потемкинских деревнях» не возникло само собой, то его обязательно следовало бы придумать. Да и идеальная почва была для такой, с позволения сказать, «работы», особенно с учетом того, что у Потемкина было немало недоброжелателей – как у фаворита, как у государственного деятеля, как у крупного помещика, как у патриота России... Желание императрицы поехать в Крым эти недоброжелатели поддерживали, еще до отъезда из Петербурга, утверждая, что ее ожидает грандиозная театральная постановка на Юге. Враги князя надеялись вызвать недовольство его действиями и в конечном счете – подорвать его влияние.

Тем не менее, как говорится, промашка вышла. Новые города, увиденные императрицей, просто не могли быть полной декорацией – на фальсификацию такого масштаба не способен даже самый могущественный царедворец.

С 1784 г. Потемкин развил в новороссийском крае бурную деятельность – разрабатывал маршрут путешествия, прокладывал дороги, строил путевые дворцы. В бывшей столице Крыма перед приездом Екатерины II предпринималось немало усилий с целью «Бахчисарай сделать как можно опрятней». Особенно усердствовал князь в сооружении путевых дворцов для проезда императрицы и закладке при них английских садов в Акмечети (ныне Симферополь), Карасубазаре (ныне Белогорск), Севас-

тополе. Привычные нашему менталитету недоделки, проблемы с качеством строительства, сроками окончания работ, авральные темпы строительства, конечно же, были, но как писал в своих мемуарах французский посланник при дворе Екатерины Л.Ф. де Сегюр, «Потемкин всегда старался преодолевать препятствия, разнообразить величественные картины, представлявшиеся взору императрицы, и оживлять даже пустыню».

Само понятие «потемкинские деревни» впервые появилось в Гамбурге, уже после смерти и Потемкина, и Екатерины. Его автором саксонский дипломат в Петербурге Георг Адольф фон Гельбиг, один из самых главных недоброжелателей светлейшего и императрицы. Современники давали ему такую характеристику: «Гельбиг... сильно предубежден против императрицы и ее друга и сотрудника. Не без основания Екатерина II ненавидела Гельбига и подумывала о довольно бесцеремонном удалении его из России. Воспоминания Гельбига изображали все сделанное Потемкиным в России в негативном свете». Тем не менее, понятие «потемкинские деревни» запомнилось, и стало употребляться для обозначения приукрашивания действительности в России. Раз уже зашел разговор о данном термине, то следует напомнить, что на «гельбигскую удочку» (ох, да простит меня читатель, но так и просится на язык другое обозначение яркой лжи – «геббельсовская удочка») попался даже покоритель Европы Наполеон, считавший, что крепости в России деревянные, а ружья игрушечные, да и то – одно ружье на десятерых... Так что не всему европейскому слову верить надобно.

Лукавить и я не буду. Такое явление, как показуха, было тогда, как есть оно и сегодня – но Новороссия-то состоялась! Одни только названия городов – Севастополь, Симферополь, Мелитополь, Мариуполь, Екатеринослав, Кременчуг – чего-то, да стоят, причем в масштабах всемирной истории.

Если уж и давать оценку путешествию Екатерины в Новороссию – Крым, то надо признать честно, что его программа была выполнена полностью. Историки, как

тогда, так и сегодня, отмечают, что эта поездка стала моментом наивысшего триумфа не только самой императрицы, но и Потемкина – чего явно не ожидали в Европе. После торжественного смотра войск и военных судов в Кременчуге Екатерина II сказала своему фавориту: «От Петербурга до Киева мне казалось, что пружины моей империи ослабли от употребления: здесь они в полной силе и действии». Венцом славных дел Екатерины и Потемкина (лично я не отделяю их друг от друга) стало то, что Григорий Александрович был удостоен императрицей титула светлейшего князя Таврического, а в честь путешествия государыни в Новороссию и Крым была выбита медаль с надписью «Путь на пользу».

Потемкин организовал путешествие для Екатерины и ее окружения по своему наместничеству не для хвастовства, а с целью продемонстрировать европейским странам и Турции возросшую мощь России и ее возрастающее влияние в регионе. Императрица, в свою очередь, пригласила австрийского императора Иосифа II и иностранных дипломатов принять участие в поездке для того, чтобы показать свои успехи в Причерноморье и Приазовье.

Не получилось то, о чем мечтали злопыхатели – скомпрометировать деятельность русского правительства путем «очернения» самого доверенного лица императрицы. Оставалось лишь одно – раздуть до вселенского масштаба миф о «потемкинских деревнях». Это единственный факт негативного восприятия путешествия, на который хоть как-то можно сослаться.

Ну а мы, уважаемый читатель, вновь вернемся в Кременчуг, ведь именно с него началась поездка императрицы по Новороссии, во время которой ее величество убедилась, что на Серном море она добилась того же, чего в начале XVIII столетия добился на Балтике Петр I.

Широкую известность Кременчуг получил именно с момента его посещения Екатериной Великой. Вот несколько слов о городе того периода, которые можно найти в справочниках двухвековой давности. «В 1784 году при открытии Екатеринославского Наместничества,

приписан к которому уездным и, по новости Губернского города Екатеринослава, было в нем Губернское Правление сего Наместничества, пока устроился вышеозначенной Губернский город; а в 1796 году, при уничтожении Екатеринославского Наместничества, приписан стал к Малороссийской Губернии, по том уже к Полтавской Губернии уездным... Расстоянием от Санкт-Петербурга в 1602, Москвы 872 верстах. Город Кременчуг достоин примечания еще и по тому, что в 1787 году блаженная и вечнодостойная памяти Императрица Екатерина Вторая, предприняв Высочайшее путешествие в Полуденной край России, 30 Апреля изволила удостоить оной Своим посещением, пробыв в оном до 3 Мая. Нынешний Кременчугской уезд пространством гораздо более прежнего... Селений, в оном заключавшихся, 8 местечек, 6 слобод, 12 сел, 4 деревни; в них имеется 39 церквей».

Что значит слободы? Значит это то, что наряду с массовым заселением новороссийских земель солдатами отставными да крестьянками бессемейными Екатерина приняла решение заселить земли южнее Кременчуга выходцами из различных мест Европы, чтобы люд российский учить хозяйствованию да местность развивать. В тех же источниках, встречаем мы такую фразу: «...а когда Генерал-Порутчик Хорват вывел из Цесарии несколько тысяч разных народов для поселения в здешних пустых местах: то учинен он ротным городом, а после в 1764 году учреждено в нем Губернское Правление, которое переведено из Елисаветградской крепости, где находилась до тех пор Провинция. Губерния сия, под наименованием Новороссийской, до прошедшей с Турками войны была очень не велика, но после оной, приобретением вновь земель, истреблением Запорожской Сечи и обращением козаков Запорожских в поселян, переводением иностранцев, населена столько, что составляла хотя не очень еще многолюдную, но обширную Губернию».

Поясним, что Цесария – это православный город на территории современного Израиля, жители которого, притеснялись мусульманским большинством, вот и было

принято решение Екатериной дать им земли в Новороссии. Кроме того, появились в степных районах Новой России целые колонии – немецкие, шведские, сербские, греческие, со временем и болгарские. Даже сегодня в Донецкой, запорожской, Луганской, Днепропетровской, Херсонской, Николаевской и Одесских областях остались потомки тех, кто основал колонии слободского типа, населенные предприимчивыми немцами и шведами. Земли Приазовья и Причерноморья, благодаря стараниям и заботам Екатерины, стали новой родиной для греков, сербов и болгар. Славяносербия, появившаяся на карте той поры и во времена Екатерины достигшая своего могущества так и осталась в Луганской области – но уже, как Славяносербский район.

Наступает 225-летняя годовщина знаменитого путешествия Екатерины Великой на Юг. Возникает справедливый вопрос – а как, собственно, ее отмечать?

Организация «Русская община» направила письмо, в котором обращается к местным властям Кременчуга с просьбой дать разрешение на возведение памятника Екатерине II в честь ее пребывания на полтавских землях. Ответа ясного и конкретного нет до сих пор, как и нет ответа для всего общества – а ставить памятник Екатерине или нет.

Конечно же, ставить, тем более, что ранее памятники Великой Патриотке на землях России и Новороссии уже стояли – да еще какие!

Стоял и стоять будет памятник Екатерине Великой в Санкт-Петербурге. Установлены и открыты памятники ей в Одессе и Севастополе. Восстановлен в первозданном виде памятник основателю Херсона и сподвижнику императрицы князю Потемкину в городе его славы.

Вот и ответ на вопрос, ставить в Кременчуге памятник Екатерине Великой или нет.

Внешнеполитическая сторона путешествия Екатерины Великой в Крым

Нина Вячеславовна БЕССАРАБОВА,
кандидат исторических наук, доцент

Московский гуманитарный институт
им. Е.Р. Дашковой

Несмотря на то, что направляясь в «Полуденный край», Екатерина II не покидала пределов России (лишь часть ее плавание по Днепру прошла вдоль польского берега), путешествие в Крым было важной внешнеполитической акцией.

Императрицу сопровождали послы (Великобритании – А. Фицгерберт, Австрии – И.Л. Кобенцель и Франции – Л.Ф. де Сегюр) и европейские аристократы (принцы Ш.Ж. де Линя и К.Г. Нассау-Зиген), она принимала приезжающих к ее двору иностранцев (например, латиноамериканского политического деятеля Ф. де Миранду), но самое главное – она встречалась с двумя другими монархами: императором Священной Римской империи Иосифом II и королем Речи Посполитой Станиславом Августом Понятовским.

Хотя в XVIII в. существовали дипломатические представительства и послы представляли монархов в отношениях с другими странами, а также велась регулярная переписка между коронованными особами, для решения особо важных проблем требовались личные переговоры с глазу на глаз. Приехать в Петербург означало для европейского монарха уронить свое достоинство, Екатерина не желала выезжать из России по этой же причине

и из-за декларативных целей – она, как истинная русская государыня, не могла настолько нуждаться в помощи другой страны, чтобы для получения ее покинуть свою. Очень удобным способом встретиться оказывались поездки императрицы.

Она путешествует по России, преследуя ряд внутриполитических целей, и ее посещают иностранцы, в числе которых оказываются другие монархи, которые в случае необходимости могут приехать инкогнито. Вряд ли присутствие графа Фалькенштейна в свите русской государыни могло чем-то унижить императора Священной Римской империи Иосифа II. При этом польский король Станислав Август Понятовский прибыл под собственным именем, но встреча между ним и Екатериной происходила на русско-польской границе, так что формально монархи сохраняли равенство и без инкогнито одного из них.

Все эти обстоятельства указывают на важность внешнеполитической стороны путешествия в Крым. Как и во внутриполитической, мы можем отметить здесь стремление принести пользу своей стране и пропагандистские мотивы.

Желание достигнуть практических результатов связано в основном с русско-турецкими отношениями. Екатерина была озабочена тем, чтобы Россия не оказалась в изоляции перед надвигающейся войной с Османской империей. Встреча с Иосифом II должна была укрепить заключенный несколькими годами ранее оборонительный союз России и Священной Римской империи против Порты. «Польский вопрос» (с которым связана встреча со Станиславом Августом в Каневе) играл тогда второстепенную роль по сравнению с «турецким», поскольку опасность возникновения новой войны с Османской империей в 1780-е гг. государыня чувствовала постоянно, а что касается Речи Посполитой, то первый ее раздел произошел много лет назад, время второго и третьего еще не пришло, и пока императрица просто старалась определить свое отношение к Польше.

Наиболее важным в декларативных мотивах было подчеркивание могущества своего государства. По сло-

вам Сегюра, императрица «знала, что многие считают Россию страной азиатской, бедною, погрязшею в невежестве, во мраке варварства, что они с намерением не отличают европеизированную Россию от необразованной Московии»⁵⁴⁵. Поэтому Екатерина стремилась доказать иностранцам русское могущество, дать им понять, что теперь они имеют дело не с «варварской Московией», а со значительным европейским государством. Она кокетливо спрашивала своих спутников-европейцев: «Как вам нравится мое маленькое хозяйство? Не правда ли, оно понемногу устраивается и увеличивается?»⁵⁴⁶

Отношение Екатерины к Речи Посполитой и свидание с королем Станиславом Августом в Каневе

В 1787 г. после 30-летней разлуки императрица встретила с польским королем Станиславом Августом Понятовским, своим бывшим возлюбленным. Отношения между героями этого романа были теперь далеки от идиллии. 15 лет назад Речь Посполитая была разделена впервые, через 8 лет она исчезнет с карты Европы, в чем не последнюю роль сыграет Екатерина, но сейчас Станислав Август все готов был простить, и горел желанием встретиться с ней.

В ноябре 1786 г. король прислал в Петербург генерала Комаржевского, который должен был договориться об условиях свидания. Императрица назначила встречу на галерах, «так располагая, чтобы там не более нескольких часов для обеда или ночлега останавливаться». Комаржевский предложил, чтобы Станислав Август приехал в Киев, но государыня отвергла эту идею⁵⁴⁷. Как видим, инициатива встречи принадлежала королю, а Екатерина согласилась на нее с неохотой и желала, чтобы она длилось как можно меньше. По словам Сегюра, «согласие на свидание было дано как уступка приличиям»⁵⁴⁸.

В марте 1787 г. Станислав Август встречался с сановниками российской императрицы: Г.А. Потемкиным, А.А. Безбородко, О.М. Штакельбергом, Л.А. Нарыш-

киным⁵⁴⁹, а в Киев, где с конца января до конца апреля находилась Екатерина, хлынуло польское общество⁵⁵⁰. Квартиры там поляки снимали с октября предыдущего года⁵⁵¹. «Пол-Польши съехалось сюда»⁵⁵², — отзывалась об этом государыня. Жили гости на широкую ногу: «думаю, что воевода Русский один прожил тысяч более тридцати, у него всякий день был стол для всех находящихся, у Браницкого почти то же, не упоминая о Мнишке и прочих, кои столами и экипажами здесь щеголяли»⁵⁵³. Де Линь со своим обычным остроумием отмечал: «Здесь для всех, для всякого рода людей есть большая и малая политика, большая и малая интриги, большая и малая Польша. Некоторые известные люди сей земли хотят уверить себя, будто бы императрица не знает, как они отзывались о ней на последнем сейме»⁵⁵⁴. Впрочем, не надо ходить за примерами на сейм. В Киеве, «в прекрасной компании» из поляков и иностранцев «прибегая к скрытым намекам, подтрунивали над здешней нацией»⁵⁵⁵. Если верить Сегюру, «поляки приехали более из страха, чем из привязанности к владычице Севера. В то время распространился слух, что девять русских полков вступают в Польскую Украину, и это известие немало испугало поляков»⁵⁵⁶.

Магнаты из оппозиции явились в столицу Украины не только засвидетельствовать ее величеству свое почтение, которого не питали к ней, но и заручиться поддержкой Екатерины против Станислава Августа. Игнатий Потоцкий поговаривал, что из всех монументов в Риме ему больше всего понравилось изображение королей со связанными руками⁵⁵⁷. Надо полагать, он не прочь был связать руки и собственному монарху. Вельможи даже не гнушались упражняться в лести перед светлейшим князем, надеясь на его помощь. По словам де Линя, «они ищут взора Потемкина, которого весьма трудно встретить»⁵⁵⁸. «Какими покорными и льстивыми по отношению к Потемкину кажутся мне эти пресмыкающиеся перед ним поляки»⁵⁵⁹, — замечал Миранда. «Почему они предпочитают посещать министров Ее Величества и заискивать перед ними, а не перед той, которая действительно достойна восхищения?»⁵⁶⁰ — недоумевал он.

Сегюр утверждал: «В то время польская оппозиционная партия старалась воспользоваться пребыванием императрицы в Киеве, чтобы унижить в ее мнении Станислава Августа. Потоцкий своим доносом и генерал Браницкий через свою жену, племянницу Потемкина, уверяли князя, что король не соглашается на уступки, которые русские хотят приобрести в Польше. Но принц Нассау и генерал Штакельберг уничтожили проделки и помирили короля с первым министром»⁵⁶¹. Безбородко писал П.В. Завадовскому, «что Штакельберг обще с Браницким и Потоцким... интригу открыли свою против короля Польского, считая на помощь К.П. (князя Потемкина. – Н.Б.). Но сей, по своим деревенским делам, сближившись сам очень с королем, вопреки тому расположен. Иван Г. Чернышев был здесь ободрителем, и все они ударились лицом в грязь»⁵⁶². Эти свидетельства показывают интриги польской оппозиции и то, что Потемкин принял сторону короля, причиной чему были не только «деревенские» дела. В это время различные политические силы Речи Посполитой были склонны к сближению с Россией, и светлейший хотел воспользоваться благоприятной обстановкой для заключения русско-польского союза, склонив при этом оппозицию к сотрудничеству со Станиславом Августом⁵⁶³. Нассау-Зиген позже замечал, что монарх «имеет в князе Потемкине друга и не сомневается в этом»⁵⁶⁴. Так что низкопоклонство гордых магнатов перед князем пропадало впустую.

Король в противовес оппозиции послал двух своих племянников, Станислава и Иосифа Понятовских, которых Екатерина охотно приняла⁵⁶⁵. Императрица, кажется, еще не решила, на чьей стороне ей быть. Она играла с маленьким сыном К. Браницкого⁵⁶⁶ и одновременно с большим участием расспрашивала польских вельмож о короле»⁵⁶⁷. Поляки присутствовали на всех «больших» обедах при ее дворе (когда к столу приглашались любые лица, оказавшиеся в тот момент при дворе)⁵⁶⁸, но лишь четырежды они оказывались за «малым» столом, в узком кругу наиболее приближенных к Екатерине лиц: 18 фев-

раля – графиня Потоцкая и ее дочь, 13 марта – Мнишек с женой, 24 и 17 апреля – Браницкий⁵⁶⁹. Лишь к одному И. Потоцкому Екатерина относилась недоброжелательно⁵⁷⁰, Потемкин же, касаясь в разговоре «злых козней поляков», сказал по поводу фразы о связанных королях, «что в иные времена и даже еще совсем недавно его посадили бы в кибитку и отправили бы в Сибирь навечно»⁵⁷¹.

Станислав Август перед скорой встречей старался задобрить государыню и наградил ее фаворита А.М. Дмитриева-Мамонова орденом Белого Орла⁵⁷², она, в свою очередь, пожаловала орден св. Екатерины А.В. Браницкой (племяннице Потемкина и супруге К. Браницкого) и княгине Мнишек⁵⁷³. Де Линь по этому поводу не без яда отмечал: «Женщины хлопочут о получении ордена св. Екатерины, чтоб... взбесить своих приятельниц и родственников»⁵⁷⁴, а Миранда нашел «семейство Нарышкиных в ужасном расстройстве из-за лент, полученных... другими дамами»⁵⁷⁵. 21 марта ее величество подарила бриллиантовую табакерку со звездами и своим портретом в 6 500 р. коронному маршалу Мнишку и восьмиугольную, с портретом и бриллиантами, такой же стоимости – князю С. Понятовскому. «Последнему императрица не поднесла подарка раньше, ибо не хотела быть первой и вынуждать короля к ответному шагу»⁵⁷⁶.

Как видим, Екатерина неохотно ехала на встречу с польским монархом, но в Киеве она еще в полной мере не определилась с отношением к нему.

Свидание коронованных особ состоялось 25 апреля (6 мая) близ Канева. Польские законы запрещали королю переступать границы своих владений⁵⁷⁷, а флотилия государыни плыла тогда близ польского берега. А.А. Безбородко и Ф.С. Барятинский привезли Станислава Августа на галеру императрицы «Днепр», и король представился графом Понятовским⁵⁷⁸. Это могло быть вызвано стремлением напомнить Екатерине, которую он продолжал любить всю жизнь, их давний роман, или, что еще более вероятно, желанием сохранить достоинство.

Тем не менее, он не воскресил в сердце государыни старых чувств и не изменил того факта, что приехал на поклон к более могущественному монарху. «Пушки флотилии салютовали ему, и он был принят как король»⁵⁷⁹. В свиту Станислава Августа входили коронный маршал Мнишек с женой, великий подскарбий С. Понятовский, литовский гетман Тышкевич, посланник при российском дворе Деболи, епископ Смоленский Нарушевич, великий писарь коронный Дзедушицкий, граф Платер, генерал-поручик Комаржевский и камер-юнкер Шидловский⁵⁸⁰.

Оба монарха испытывали неловкость. «...после первого взаимного поклона, важного, гордого и холодного, Екатерина подала руку королю, и они вошли в кабинет, в котором побыли с полчаса. Они вышли, и так как мы не могли слышать их разговора, то старались прочесть в чертах их лиц их помыслы... Черты лица императрицы выражали какое-то необыкновенное беспокойство и принужденность, а в глазах короля виделся отпечаток грусти, которую не скрыла его принужденная улыбка»⁵⁸¹. Когда монархи переплывали с галеры Екатерины на обеденную, накрапывал дождик. Станислав Август раскрыл зонтик, «чтобы защитить императрицу, она отблагодарила»⁵⁸². «За обедом мало ели, мало говорили, только смотрели друг на друга, слушали прекрасную музыку и пили за здоровье короля при грохоте пушечного залпа». По выходе из-за стола польский монарх подал государыне веер и перчатки, она протянула ему шляпу, услышав: «Когда-то, Ваше Величество, Вы пожаловали мне другую шляпу, которая была гораздо лучше этой»⁵⁸³. Это был намек на польскую корону...

После обеда Станислав Август отдыхал на галере Потемкина «Буг», куда императрица прислала ему орден св. Андрея Первозванного, украшенный бриллиантами⁵⁸⁴. Вечером его величество вновь увидел Екатерину, они были восприимчивыми при крещении сына Тарновских⁵⁸⁵ и беседовали, раз или два заходя во внутренние покои⁵⁸⁶. После этого король откланялся. Он устроил иллюминацию, превратив Каневскую гору в Везувий, и дал бал, на

котором государыня присутствовать отказалась⁵⁸⁷. На следующий день императрица наградила придворных Станислава Августа: все его спутники получили бриллиантовые перстни и табакерки⁵⁸⁸, Тышкевич – орден св. Андрея Первозванного, Платер и Комаржевский – св. Александра Невского⁵⁸⁹. Польскому первому форпосту Екатерина велела выдать 100 червонных на 2 900 р.⁵⁹⁰, а ливрейным служителям королевской свиты – 200 червонных на 5 800 р.⁵⁹¹

Такова была внешняя сторона встречи в Каневе. Что касается политической, то еще до свидания Станислав Август предлагал императрице заключить русско-польский союз, обещая помощь 30-тысячным войском в случае войны с Османской империей, но она отвергла это предложение⁵⁹². Содействовать королю в реализации программы, направленной на укрепление власти и вооруженных сил, о чем он также просил, Екатерина не пожелала⁵⁹³, вероятно, потому, что Речь Посполитая нужна была ей скорее покорной ее воле, нежели сильной. Каневская встреча была выгодна польскому монарху лишь тем, что она разрушила замыслы оппозиции, настроенной к нему недружелюбно: «Так как Станислав Август выразил совершенную покорность воле императрицы... она решила защитить его от врагов»⁵⁹⁴. Весьма неутешительный для короля итог подвел принц де Линь: «Он прожил тут три месяца и три миллиона для свидания на три часа с императрицею»⁵⁹⁵.

После каневской встречи Екатерина продолжала демонстрировать доброе отношение к полякам. В Никополе светлейший представил государыне переселенцев из Речи Посполитой, и она, поинтересовавшись благосостоянием их общества, пожаловала денег на это поселение, а также на три других⁵⁹⁶. Поляки, в свою очередь, и после свидания в Каневе не оставляли императрицу вниманием. Из Кременчуга она писала: «Половина Польши и сюда приехала»⁵⁹⁷, а в Херсоне, «куда и многие поляки... за нами последовали»⁵⁹⁸, среди встречающих ее ждал С. Понятовский, племянник короля⁵⁹⁹.

На публике Екатерина хвалила Станислава Августа, говоря, например, в Херсоне, что «нашла его столь же любезным, как прежде, и столь же остроумным, присовокупляя к этому множество других лестных отзывов с откровенным тоном»⁶⁰⁰. На самом деле она осталась недовольна встречей, и перед доверенными лицами не скрывала своих чувств, радуясь, что «избавилась вчерашнего беспокойства. Князь Потемкин ни слова не говорил, принуждена была говорить беспрестанно, язык засох; почти осердили, прося остаться»⁶⁰¹. От дальнейшего общения с королем императрица отказалась под тем предлогом, что опаздывает на встречу с императором Иосифом: «Каневское свидание продолжалось двенадцать часов и далее не могло продолжаться, потому что граф Фалькенштейн скакал во весь карьер к Херсону... я весьма сожалела, что не могла простоять на якоре трое суток»⁶⁰². Вряд ли государыня впрямь сожалела, судя то тому, что Потемкину, пожелавшему помочь Станиславу Августу, она дала такую отповедь: «Предложение о завтрашнем обеде сделано без вычета возможностей... к обеду послать – 7 верст, приедет – 7, отобедавши, паки отвезти – 7 верст, шлюбкам возвратиться – 7 верст к нам; тамо ехать в путь. В котором же часу это будет?.. Право, батинька, скучно», «Я на тебя сержусь, ты сегодня ужасно как неловок»⁶⁰³. Писала Екатерина об этом свидании в скупых, сдержанных выражениях⁶⁰⁴, и лишь в письме Я.А. Брюсу проскальзывает грусть: «он так переменился, что его узнать нельзя, я чаю, он то же скажет»⁶⁰⁵.

Каневская встреча была неудачной для Станислава Августа, все предложения которого императрица отвергла и отнеслась к нему довольно холодно. Нельзя назвать это свидание успешным и для Екатерины. Конечно, в отличие от короля, не она была здесь в роли просительницы, но стоило ли ей обходиться с польским монархом подобным образом?

Союз со слабой Речью Посполитой, которая не могла справиться с собственными проблемами, вряд ли мог принести много выгод России. Его заключение могло

бы вызвать негативную реакцию других держав, как это было с австро-русским альянсом. Тем не менее, Священная Римская империя была достаточно сильным государством, голос ее много значил в Европе, и от союза с ней следовало ожидать немалых выгод, прежде всего – реальной поддержки в противостоянии с Портой. Что же до Польши, трудно сказать, что тут «перевесило» бы – польза от альянса с ней или недовольство им гораздо более сильных держав, чем Речь Посполитая. Более того, именно венский двор не устраивало появление в составе антитурецкого блока нового члена, претендующего на значительные земельные приобретения⁶⁰⁶. Государыня вряд ли хотела рисковать сильным союзником ради приобретения слабого.

Союз с Польшей мог бы принести Екатерине немало беспокойств, но очень скоро она пожалела, что не использовала в Каневе возможность заключить его. Началась новая война с Османской империей, и петербургский двор старался теперь заручиться поддержкой любой страны, в том числе и Речи Посполитой. Перед турецкой опасностью отступали на задний план все другие соображения. Императрица велела Штакельбергу, русскому послу в Варшаве, начать «негоциацию о союзе»⁶⁰⁷. Тем не менее, возможность такого альянса уже была упущена, потому что после каневского свидания в Польше возобладала пропрусски настроенная партия, и Пруссия предложила Речи Посполитой союз, «обставив его разными рискованными обещаниями»⁶⁰⁸. Возможно, в подобном повороте дела был виноват Станислав Август, который вел переговоры с Екатериной недостаточно умело (Сегюр, во всяком случае, всю ответственность за неудачу встречи в Каневе возлагал именно на него: «Дела шли благоприятно для короля, но он не умел ими пользоваться»)⁶⁰⁹, но главная вина лежит все же на императрице. Если она не хотела связывать себя союзом с Речью Посполитой, на что, как мы видели, были веские причины, ничто не помешало бы ей быть более любезной со Станиславом Августом, чтобы не оттолкнуть от России поляков и не сделать этот

альянс невозможным в дальнейшем. По мнению О.И. Елисеевой, именно во время путешествия в Крым начал затягиваться узел конфликта с Польшей, окончившийся ее вторым разделом⁶¹⁰.

Примечательно, что Иосиф II, встретившись 11 мая в Корсуни со Станиславом Августом, очень милостиво обращался с ним, уверяя, что хочет восстановления Речи Посполитой⁶¹¹, и пообещал, что «не коснется ни одного дерева, принадлежащего Польше»⁶¹². Император действительно не смог участвовать во втором (1793) и третьем (1795) разделах, поскольку скончался в 1791 г.

Встреча Екатерины с императором Иосифом II и укрепление союза России и Священной Римской империи

С Иосифом II государыня была гораздо более вежлива, нежели с польским монархом – но если она не желала видеть Станислава Августа, то союзник, в свою очередь, не хотел встречаться с ней.

О поездке в Крым коронованные друзья говорили еще во время их первой встречи в 1780 г., будучи в Смоленске⁶¹³, но когда 18 августа 1786 г. Екатерина известила императора о предстоящем путешествии: «Дозвольте мне еще сказать несколько слов о некоторой поездке...»⁶¹⁴, Иосиф по поводу этой формы приглашения заявил, что «объекатеринившейся принцессе цербстской не мешало соблюдать несколько больше уважения и внимания» к его персоне, и надеялся найти предлог для отказа⁶¹⁵. Тем не менее, поостыв от праведного гнева, гордый Габсбург решил «лично засвидетельствовать... что чувства графа Фалькенштейна неспособны измениться»⁶¹⁶, и принял приглашение. Заодно он послал «самое ласковое» письмо Потемкину⁶¹⁷.

Канцлеру В.А. Кауницу монарх отписал: «Я не вижу другого выхода, как ехать... а именно прибыть в Киев к самому отъезду императрицы, а из Херсона уехать прямо восвояси»⁶¹⁸. Иосиф отправился в Галицию⁶¹⁹, а оттуда в русские пределы вступил «граф Фалькенш-

тейн». Впрочем, путешествие ее величества оказалось столь «благополучно и приятно»⁶²⁰, что император «не устоял от искушения» участвовать в нем⁶²¹, и, встретившись с Екатериной 7 мая у Кайдаков, покинул ее лишь 2 июля в Бериславле⁶²².

Можно задаться вопросом, почему Иосиф не желал свидания с государыней и почему она настаивала на этой встрече? В свое время дружелюбная позиция императора Священной Римской империи благоприятствовала присоединению Крыма к России⁶²³, он заявил тогда о поддержке союзницы перед Портой⁶²⁴. Сегюру Иосиф говорил, что находил в этом «свои выгоды»⁶²⁵, но с тех пор раскаялся в своем поступке «и потому решился вперед не поддерживать императрицу в ее стремлении к завоеваниям»⁶²⁶, мало сочувствуя теперь честолюбивым замыслам Екатерины⁶²⁷. Усиление России на Черном море было не нужно Иосифу, потому что он сам имел виды на Балканы, и мог опасаться, что, укрепившись в Причерноморье, его союзница тоже протянет туда руки. Наконец, империи Габсбургов было выгоднее иметь под боком слабую Порту, чем сильную Россию, поэтому понятны слова «графа Фалькенштейна»: «Я не допущу русских утвердиться в Константинополе. Для Вены безопаснее иметь соседей в чалмах, чем в шляпах»⁶²⁸.

В Стамбуле чувствовали настроения Иосифа. По сообщению русского дипломата Я.И. Булгакова от 15/26 января 1787 г., английский посол уверял турецкое правительство, что «император не находится более в тех дружественных к нам расположениях, как был прежде, и что он раскаялся в пособии своем в приобретении Крыма, так что не примет никакого участия в новых спорах... России и Порты», поэтому «наиболее теперь путешествие самого императора в Херсон для свидания с Ее Императорским Величеством изпровергается сей смеха достойный слух»⁶²⁹. Безбородко в своем письме С.Р. Воронцову от 4 апреля 1787 г., которое просил по прочтении сжечь, изложив русско-турецкие противоречия, утверждал: «Берлинский двор взял у них (турок. – Н.Б.) силу. Труд-

но, чтоб сие осенью не решилось крайностью каковой. Почему свидание государыни с императором и будет кста-ти... силы императора могут обуздать короля прусского, а мы одни с турками управиться можем»⁶³⁰. Так что встреча скрепила бы австро-русский альянс и показала Европе и Османской империи, что Россия не одинока, у нее есть союзник. Как видим, свидание с Екатериной вынуждало Иосифа к оказанию помощи Петербургу против Порты, а «граф Фалькенштейн» не хотел связывать себя какими-либо обязательствами. Отсюда его нежелание ехать – но и отказаться от предложения увидеться Габсбург не решился, боясь, кажется, испортить отношения со своей могущественной союзницей.

Новое свидание коронованных друзей произошла недалеко от Кайдаков, в присутствии немногих свидетелей. Императрица отправилась сюда, едва сойдя с галеры⁶³¹. «В пресловутой карете де Линя... это настоящий курятник»⁶³² – выплескивал свое раздражение «граф Фалькенштейн» – монархи доехали до Кайдаков, где выяснилось, что некому приготовить им обеда. Тогда, отказавшись от услуг поваренка Иосифа, «князь Потемкин задумал сам пойти в повара, принц Нассаусский – в поваренки, генерал Браницкий – в пирожники, и вот их величествам никогда еще... не случалось иметь такой блистательной прислуги и такого плохого обеда»⁶³³.

За семь лет, прошедших с их первого свидания, коронованные приятели успели охладеть друг к другу. Отношение Иосифа к приглашению его союзницы не свидетельствует о дружеских чувствах к ней, но и Екатерина уже не поддавалась обаянию «графа Фалькенштейна». А.В. Храповицкий записал такой отзыв: «Все вижу и слышу, хотя не бегаю как император (Иосиф II). Он много читал и имеет сведения, но, будучи строг против самого себя, требует от всех неумолимости и невозможного совершенства; не знает русской пословицы “мешать дело с бездельем”, двух бунтов сам был причиною, тяжел в разговорах»⁶³⁴. Государыня, вероятно, понимала его отношение к усилению России на Черном море, и это не

способствовало ее расположению к «графу Фалькенштейну». Личная симпатия монархов сыграла свою роль несколько лет назад, при заключении австро-русского союза, но все же он был продиктован политическими интересами обеих держав, и политика привела теперь к взаимному разочарованию коронованных друзей. Тем не мене, и Екатерина, и император понимали, что союз следует сохранить независимо от личного отношения друг к другу. Встретившись, их величества демонстрировали самые добрые чувства. Иосиф, по словам Сегюра, «наружно принял вид искреннего друга императрицы»⁶³⁵, и готов был льстить до такой степени, что с утра являлся в покои Екатерины перед ее выходом «и, вмешиваясь в толпу, вместе с прочими ожидал ее появления»⁶³⁶.

Их величества беседовали о политике эпизодически, поэтому четко выделить здесь этапы переговоров вряд ли возможно. «Граф Фалькенштейн» жаловался Кауницу, что они рассуждают «о вещах совершенно безразличных, хотя и в самом дружественном тоне»⁶³⁷. Государыня «с небрежением вспоминала о бедных турках», и заходил разговор о восстановлении Греции. Император задавался вопросом: «Что ж делать с Константинополем?» Таким образом брали города и целые провинции, как будто ничего не делая»⁶³⁸, — отмечал принц де Линь.

Тон в общении задавала Екатерина, но теперь она это делала более явно, чем семь лет назад. Она долго не заговаривала о политике, а когда все же завязался политический разговор, императрица создала впечатление, что «спит и видит переведаться с турками... самолюбие и постоянная удача ослепили ее до того, что она считает себя в состоянии все сделать одними собственными силами, без моего содействия»⁶³⁹. Вряд ли Екатерина недооценивала союз со Священной Римской империей. Наверное, она применила удачный психологический прием, устранив Иосифа его распадом, чтобы показать необходимость этого альянса и заставить императора примириться с русской политикой, даже если она ему не всегда нравится. И вот «граф Фалькенштейн» считает обидным для себя, если го-

сударыня обойдется без его помощи в проведении неприятного ему политического курса! Он стал поговаривать, что «не станет твердо сопротивляться воле Екатерины, и позволит склонить себя к войне, если его поставить перед необходимостью содействовать императрице и потерять могущественную союзницу»⁶⁴⁰, хотя в Севастополе и ходили слухи, «что Екатерина не встретила в своем союзнике ожидаемой готовности содействовать ей в будущих ее планах, еще большего расширения ее территории»⁶⁴¹.

Государыня использовала еще один прием в общении с «графом Фалькенштейном» – демонстрацию русского могущества. Де Линь пересказывал разговор монархов в карете. «У меня тридцать миллионов подданных, считая только мужской пол», – говорит она. «А у меня двадцать два со всеми», – отвечает император. «Мне надобно... по крайней мере, шестьсот тысяч войск от Камчатки до Риги». «Мне будет довольно и половины»⁶⁴². Это были слова, но они подкреплялись делом.

Иосиф уделял немало внимания состоянию России. Он осматривал города, посещал корабли в Севастополе, а, уже расставшись с Екатериной, побывал в Кинбурне, поинтересовался, здоровое ли там место и много ли бывает больных⁶⁴³. «Граф Фалькенштейн» стал свидетелем всех тех зрелищ, которые устраивал Потемкин. Имея во время путешествия возможность увидеть вновь присоединенные к России земли и русские вооруженные силы, император мог задуматься, стоит ли ему пренебрегать союзом со страной, которая в столь короткий срок обжила пустынные территории и создала здесь армию и флот.

В глаза императрице гордый Габсбург не смел проявлять какого бы то ни было недовольства, рассыпаясь перед ней в комплиментах, нахваливая владения и дела светлейшего, а за глаза заявлял, что все виденное сделано напоказ, и во всем находил недостатки⁶⁴⁴. В самом тоне его писем постоянно чувствуется раздражение и Россией, и Екатериной. Кстати, один из кораблей, спущенных в Херсоне, был назван его именем. Со стороны императрицы это был знак внимания по отношению к союзнику,

на который тот ответил бестактностью. Иосиф явился на спуск судов в простой одежде, тогда как по правилам приличия XVIII в. прийти на торжественное мероприятие в таком виде означало оскорбить хозяев⁶⁴⁵. Раздражение «графа Фалькенштейна» объясняется страхом перед могуществом России и его нежеланием предпринимать эту встречу с государыней. Его поведение – лесть напоказ и критика за спиной – лишний раз демонстрирует его неискренность по отношению к русской императрице.

Можно сказать, что союз скреплялся не столько ходом переговоров, сколько самим фактом совместного путешествия монархов. То, что Иосиф вторично посещает Россию и сопровождает Екатерину в ее путешествии, должно было показать европейским державам и Османской империи, что Россия не одинока, у нее есть союзник, который в случае необходимости придет к ней на помощь. После того, как он примет участие в подобной демонстрации, «графу Фалькенштейну» будет неудобно в случае вступления России в войну с Портой не оказать помощь своей союзнице.

Отвернувшись от нее, он уронит свой престиж в глазах других держав. Император, кажется, понимал, что участие в путешествии обяжет его к содействию России в случае ее конфликта с Османской империей, и, видимо, поэтому не желал ехать, но все же страх потерять могущественную союзницу оказался сильнее, и когда вскоре началась русско-турецкая война, Иосиф поднял оружие против Порты.

Русское могущество демонстрировалось не только Иосифу, и не ему одному оно могло внушить страх.

Русско-турецкие отношения и путешествие в Крым

Путешествие 1787 гг. было тесно связано с русско-турецкими отношениями, которые мы хотели бы в нескольких словах охарактеризовать, поскольку без этого будут не вполне понятны требования, выработанные в Херсоне, и влияние поездки Екатерины в Крым на начало очередной русско-турецкой войны.

В 1780-е гг. между Россией и Османской империей существовал ряд противоречий, наиболее важными из которых были три территориальные проблемы.

Самая главная из них – это отношение к Крымскому ханству, получившему по Кючук-Кайнарджийскому миру независимость⁶⁴⁶. Как Петербург, так и Стамбул стремились установить над Крымом свой контроль, наконец, в 1783 г. полуостров был присоединен к России. Окончательная потеря вассального ханства побуждала у Османской империи стремление взять реванш и вернуть его себе.

Вторым «камнем преткновения» между Российской империей и Портой были Молдавия и Валахия. Возмущение Стамбула вызывало покровительство, которое Россия оказывала им⁶⁴⁷. Екатерина же была недовольна частыми сменами господарей, а особенно назначением волошским господарем Н. Мавроени, чьи поступки были направлены «к угнетению земли»⁶⁴⁸, и который покушался на жизнь духовных и светских особ, преданных петербургскому двору⁶⁴⁹. В 1786 г. в Россию бежал смещенный молдавский господарь А. Маврокордато, и Порта безуспешно требовала его выдачи⁶⁵⁰.

Третье противоречие между Россией и Османской империей порождал Кавказ. Во-первых, турки подстрекали кавказские народы к набегам на Россию⁶⁵¹, приводили их к присяге себе⁶⁵² или заключали с ними союз⁶⁵³. Во-вторых, Оттоманская Порта желала отторгнуть от России Картли и Кахети (вассала Петербурга с 1783 г.)⁶⁵⁴, и Екатерина намерена была защищать Грузию от посягательств Стамбула⁶⁵⁵.

Кроме того, существовал ряд более мелких проблем. Государыня была недовольна тем, что турки используют добычу соли в районе Очакова с целью набегов на русскую территорию, и в придачу они забирают соли больше, чем позволено⁶⁵⁶. Казаки, переселившиеся в Османскую империю после ликвидации в 1775 г. Запорожской Сечи, совершали грабежи по очаковской границе, и Россия просила удерживать их за пределами Буга⁶⁵⁷. Наконец,

алжирские пираты захватывали в плен русские корабли⁶⁵⁸. Порты, в свою очередь, была недовольна деятельностью русских консульств на ее территории, особенно в дунайских княжествах, полагая, что консулы вмешиваются во внутренние дела этих территорий, и считая их органами для возбуждения мятежей⁶⁵⁹. При этом Стамбул требовал учреждения своих консульств в Крыму, чтобы поддерживать там свое влияние, на что Екатерина не соглашалась⁶⁶⁰.

Каждое из этих противоречий можно было бы решить по отдельности, но все вместе они переплетались в такой «клубок», распутать который «по нитке» вряд ли было возможно. Наконец, решение каждой из этих проблем не ликвидировало бы главной причины, порождавшей остальные противоречия – стремления России закрепиться на Черном море, Кавказе и Балканах, чему противилась Османская империя.

Какие же силы способствовали развязыванию русско-турецкой войны в 1780-е гг.?

Для России неплохо было бы обезопасить себя от дальнейших происков Порты. «Да... вы не хотите, чтобы я выгнала из моего соседства... турок... что, если бы вы имели в Пьемонте или Испании таких соседей, которые бы ежегодно заносили к вам чуму и голод, истребляли и забирали бы у вас в плен по 20 тысяч человек в год, а я бы взяла их под свое покровительство, что бы вы тогда сказали?» – спрашивала императрица у Сегюра⁶⁶¹. Тем не менее, Екатерина желала бы мирного разрешения конфликтов, что доказывают ее приказы русскому послу в Стамбуле Якову Ивановичу Булгакову⁶⁶². Современники⁶⁶³ и некоторые историки⁶⁶⁴ обвиняли в стремлении к войне Потемкина, но переписка князя красноречиво убеждает в обратном. Булгакова он просил хлопотать о мире⁶⁶⁵, согласен был и на смягчение русских требований⁶⁶⁶, ведь о том, что Россия не готова к войне, он знал лучше, чем кто бы то ни было. «Весьма нужно протянуть два года, а то война прервет построение флота»⁶⁶⁷, – писал он императрице. Не желая воевать, и светлейший,

и Екатерина постоянно опасались возникновения вооруженного конфликта⁶⁶⁸.

Для Османской империи закрепление России в Причерноморье было крайне нежелательным, Порты хотела бы взять реванш за предыдущие поражения, вернуть отторгнутые у нее земли и восстановить свой авторитет среди других стран, однако для нее не прошли даром предыдущие поражения. Булгаков не раз писал, что турки боятся войны⁶⁶⁹. Русская дипломатия полагала, что султан не хочет воевать, но его толкают на это тщеславные сановники, чернь и мусульманское духовенство⁶⁷⁰. Османская империя, как, впрочем, и Россия, вела подготовку к войне: к русско-турецкой границе собирались войска, с французской помощью снаряжались корабли, приводились в порядок черноморские укрепления и артиллерия⁶⁷¹. Даже Сегюр не скрывал, что французский дипломат О.А. Шуазель-Гуфье «старался оживить сонливых турок, побуждал их снаряжать флот, усиливать крепости, посылать войска к Дунаю»⁶⁷².

В связи с приготовлениями Порты к войне мы видим третью силу, заинтересованную в ней – европейские державы, подстрекавшие Османскую империю взять в руки оружие. В начале 1785 г. Булгаков замечал: «Крым тяжелее французам, нежели самим туркам, кои о том теперь уже и позабыли, если б французы не возобновляли сего горестного для них напоминания». По мнению русского посла, все их услуги Стамбулу были основаны на корысти⁶⁷³. Парижский двор желал торговать на Черном море на выгодных для себя условиях, а также иметь базу в Эгейском море на острове Кандии и на Матапонтском мысе в Морее, но Порты этого не позволила⁶⁷⁴.

Французы не были главными подстрекателями к войне. Булгаков писал, что английское, прусское и шведское министерства «весьма каверзят»⁶⁷⁵, а, по мнению Сегюра, Османскую империю к войне толкают Англия и Пруссия, причем Великобритания делала это «в надежде, что воюющие державы будут искать ее посредничества, и что это уничтожит наше (французское. – Н.Б.) влияние в Пе-

тербурге и Константинополе»⁶⁷⁶. Булгаков сообщал, что английский посол «беспрестанно подущает голландского, прусского, шведского и гишпанского министров»⁶⁷⁷, но при этом главным подстрекателем Порты к войне, как это видно из донесений Якова Ивановича, была Пруссия. Прусские поверенные Гафрон и Г.Ф. Диц всеми силами настраивали Османскую империю против Петербурга, вплоть до утверждения, что Вена и Петербург собираются начать войну, поэтому Стамбулу лучше самому взяться за оружие⁶⁷⁸. Навязчивой идеей прусской дипломатии был союз с Османской Портой против России и Священной Римской империи⁶⁷⁹.

Европейские дипломаты желали вооруженного конфликта Петербурга и Стамбула, потому что от России и Османской империи, ослабленных войной, легче будет добиться тех выгод, которые они хотели иметь на Черном море. Кроме того, если Екатерина будет занята войной с Портой, она не будет вмешиваться в европейские дела, напротив, появится возможность влиять на ее политику, как это Европа уже делала с Османской империей.

Известие о приезде русской императрицы в Крым, по словам Сегюра, «легко могло встревожить турок, пробудить в них опасения и подать повод к несогласиям»⁶⁸⁰. Потемкин перебрасывал войска к Черному морю, «желая будто бы придать тем более величия и пышности зрелищу, представленному Европе в виде торжественного поезда императрицы. Султан с явным беспокойством замечал, что пограничные русские области полны пехотой и конницей и снабжены артиллерией, что войска эти превосходно обмундированы и что все это было готово к начатию войны»⁶⁸¹. Власти Османской империи до глубины души были возмущены, что русская императрица явилась в пределы их бывшего вассального ханства. Екатерина и ее спутники замечали, что от вновь присоединенных земель до Петербурга полторы тысячи верст, а до Стамбула – сутки-двое морем⁶⁸².

Туркам не хотелось верить, что государыня способна ступить на крымскую землю. В апреле 1787 г. в Стамбуле

ходили слухи, что «всероссийская императрица путешествия свое в Тавриду отменила»⁶⁸³. В Очакове говорили о начале новой войны – в мае 1787 г. турки перевозили туда с хуторов семьи и имущество и не сеяли хлеб, а также «в разговорах одни сказывают – будем мириться, а другие сказывают – не будем, теперь-де наша сила, можем победить войско российское»⁶⁸⁴.

Екатерина, казалось, делала все, чтобы обострить возмущение Османской империи. Еще в 1784 г. Потемкин известил Ираклия II, царя Картли и Кахети, о предстоящем путешествии императрицы и пригласил его на встречу с ней⁶⁸⁵. Вряд ли в Стамбуле было известно об этом намерении, но во время путешествия в Бахчисарай приехал слепой грузинский царевич Давид, который был представлен Екатерине и пожалован к руке⁶⁸⁶. К генеральному консулу И. Северину пришли три депутата (епископ и два боярина) от молдаван и валахов, прося «повергнуть их к монаршим ея стопам, изъявить от лица их всенижайшую благодарность за оказанные им благодеяния и просить продолжения высочайшего к ним и к их земле покровительства и защищения»⁶⁸⁷. Видимо, Северин это передал, поскольку в Карасубазаре императрица поручила ему через Булгакова объявить ее благоволение духовным и светским чинам Молдавии и Валахии и уверить их в ее покровительстве⁶⁸⁸. В Полтаве ко двору явился А. Маврокордато, принятый государыней⁶⁸⁹.

Так Екатерина во время путешествия затронула два противоречия между Россией и Портой. При этом императрице вовсе не хотелось, чтобы поездка в Крым обострила русско-турецкие отношения, более того, тогда была предпринята попытка урегулировать их. Булгаков и интернунций империи Габсбургов П.Ф. фон Герберт выехали из Стамбула навстречу Екатерине. Яков Иванович полагал свою поездку необходимой, так как «бытность моя в Херсоне принесла бы много пользы: ибо в один день можно донести, сделать объяснение и получить решительных повелений больше, нежели чрез полгода перепискою; да. Впрочем, обо всем и писать нельзя»⁶⁹⁰. Герберт же

в марте 1787 г. утверждал, что визирь собрался поручить ему окончить нынешние распри в бытность императора в Херсоне», и хвалился, «что, возвратясь сюда, всему привезет конец»⁶⁹¹. Месяц спустя русский посол писал по этому поводу: «Мысли визиря просить у императора о медиации, кажется, переменялись, ибо теперь меня люди уверяют, будто уже интернунций сам домогается, чтоб ему была поручена сия негоциация... интернунций никогда о сем ко мне не отзывался, но сильно торопится меня выпередить в Херсоне и оттуда навстречу императору ехать для предупреждения его»⁶⁹². Герберт покинул Стамбул 4 апреля на русском купеческом судне, а Булгаков – 14-го, прибыв 19/30 апреля в Севастополь, а с Екатериной они оба встретились 12 мая в Херсоне⁶⁹³.

Здесь были выработаны условия, которые Булгаков должен был предъявить турецкому правительству: споры о зависимости Грузии прекращаются, как и набеги на нее кавказских народов (которые подстрекала к тому Порты), и Османская империя признает Картли и Кахети вассалом России; алжирцы вернут захваченные ими русские суда; России будет дозволено наказать закубанских татар; Порте следует удерживать за пределами Буга запорожцев, поселившихся на ее землях. Турки не должны забирать соли под Очаковым сверх установленного количества, они не будут возобновлять требований о выдаче Маврокордато, и, наконец, бунтовщики из Кандии и Родоса будут наказаны⁶⁹⁴.

Что касается последнего требования, то пошел слух, что во время волнений на Родосе был убит русский консул⁶⁹⁵. Материалы АВПРИ рисуют такую картину происшедшего. В Кандии упал флаг над консульским домом, потому что его веревку кто-то надрезал. Консул тогда отсутствовал, и янычар-ага посоветовал канцлеру и драгоману не поднимать флага вновь, а заодно убрать с улицы стоящий у входа русский герб. Подобное предложение не вызвало ни у кого энтузиазма. Вскоре прибежали янычары и начали стрелять в доме из пистолета. Канцлер и драгоман еле успели спрятаться у французского консула и через день отправились в Смирну⁶⁹⁶.

На появление Екатерины «вблизи» Стамбула Порта ответила своей демонстрацией вооруженных сил, послав к Очакову эскадру⁶⁹⁷. Принц де Линь справедливо замечал: «Я почитаю это хорошим предвестником войны»⁶⁹⁸. Иосиф, подъехавший к эскадре на шлюпке и осмотревший ее, насчитал четыре 64-пушечных корабля, два фрегата, три бомбарды, 10 галер и много транспортных судов⁶⁹⁹, среди которых было два французских⁷⁰⁰. Кстати, еще 1 (12) февраля Булгаков доносил, что французские офицеры в Стамбуле «шьют себе турецкое платье, в котором поедут в Очаков»⁷⁰¹, так что появление эскадры не было для Екатерины полной неожиданностью. Она так писала по этому поводу из Севастополя: «Турецкий флот... еще не показывался, увидим, явится ли он сюда сделать высадку и выгнать нас отсюда, как предсказывают газеты»⁷⁰².

Современникам казалось⁷⁰³, что появление эскадры испугало Екатерину и вызвало изменение маршрута путешествия. Сначала она хотела направиться из Феодосии в Арабат, Петровскую крепость, Мариуполь, Павловскую крепость, Таганрог, крепость св. Дмитрия, Черкасск, Азов, Бахмут⁷⁰⁴, но теперь решила не рисковать и повернула назад, так что Феодосия стала последней точкой ее путешествия.

Современники напрасно придавали такое значение страху императрицы. Отказ от этого маршрута произошел еще до того, как турецкая эскадра достигла пределов Крыма. 22 февраля В.В. Каховский получил из Киева ордер Потемкина от 12 февраля: «По воспоследовавшей ныне отмене Высочайшего... шествия в Черкасск обратный путь из Феодосии имеет быть на Карасу-Базар, Перекоп и Херсон»⁷⁰⁵. Может быть, на перемену маршрута и оказало влияние известие Булгакова, если в течение двенадцати дней оно успело дойти из Стамбула в Киев, и если Екатерина истолковала его так, что турки хотят, в свою очередь, предпринять вооруженную демонстрацию в Крым (ведь о направлении туда эскадры Булгаков прямо не пишет). Очаков находился на другой стороне Крыма, нежели предполагаемый маршрут поездки, к тому же

русская императрица намеревалась посетить сам Крым, и это уже возмутило турок, и вряд ли для них было очень важно, по какой дороге состоится ее отъезд оттуда.

Скорее всего, переменить маршрут решено было по инициативе Потемкина, ведь он имел такое право⁷⁰⁶, а подвигли его на это, скорее всего, трудности организации путешествия. В 1784 г. Екатерина не собиралась посещать территории, о которых говорилось выше⁷⁰⁷, и лишь 2 марта 1786 г. она известила светлейшего о своем намерении возвращаться из Крыма «через Черкасск и селения войска Донского»⁷⁰⁸. При подготовке этих земель к встрече императрицы возникло множество препятствий: не уточнен маршрут, не построены дворцы, не исправлена дорога из-за недостатков стройматериалов и рабочих⁷⁰⁹, а также из-за того, что на это не было выделено достаточного количества времени и денег⁷¹⁰. На подготовку высочайшего проезда по остальному пути было отпущено три года, а здесь предстояло управиться за год. Вероятно, князь нашел это невозможным, и маршрут был сокращен.

Зато появление эскадры могло повлиять на то, что Екатерина отказалась от бывшего у нее первоначально намерения посетить Кинбурн. В одном из расписаний говорилось, что в Херсоне предполагается «ночлег и пребывание шесть дней, включая время для поездки в Кинбурн»⁷¹¹. С появлением близ Очакова турецкой эскадры это стало опасным.

Влияние путешествия императрицы в Крым на развитие русско-турецких отношений хорошо прослеживается по архивным документам, в частности, по донесениям и письмам Булгакова за 1787 г. Тревога в них постоянно нарастает. В начале года он сообщал, с одной стороны, об ухудшении русско-турецких отношений⁷¹², о том, что Порта предъявляет «какие ни есть требования и привязки»⁷¹³, но, с другой стороны, дипломат еще надеялся на мирный исход противостояния: «делом станут тянуть, но до последней крайности не доведут»⁷¹⁴. Подобное несоответствие неудивительно. Яков Иванович отмечал, что «обстоятельства... по частым переменам в здешних головах бывают противоречащие»⁷¹⁵.

Он доносил, что «на держанном 12 генваря у муфтия совете склонны были по большей части учредить требования Высочайшего двора дружественным образом», не соглашаясь лишь на смену Мавроени⁷¹⁶, и на признание подданства Ираклия России, «дабы не показалось, что исполняют требования России, хотя и уверены, что худым поведением он (Мавроени. – Н.Б.) то заслуживает»⁷¹⁷; при этом «тревогу его (визиря. – Н.Б.) умножает получение известия о путешествии в Херсон императора... Сверх того, известил меня министр, что Порта не уверена, чтоб здешний двор восхотел дойти до разрыва для дел столь малой важности, и в самое время, когда Ваше Императорское Величество предприняли путешествие, что чужеземные министры обнадеживали Порту, что российский двор не доведет дело до последней крайности»⁷¹⁸. Европейская дипломатия не оставалась при этом безучастной зрительницей. 15/26 января Булгаков доносил, что французский посол «внушает визирю вооружиться... толкует, что путешествие... есть происшествие, неприятное в политике и коему двор его никогда не хотел верить»⁷¹⁹. Таким образом, в начале 1787 г. турецкое правительство боялось войны и опасалось, что ее развяжет Россия. Этому, видимо, способствовало известие о путешествии Екатерины. Заметим, Порта боится того, что в Херсон едет Иосиф. В Стамбуле не могли не понимать, что австро-русское сближение предпринимается для борьбы с Османской империей, а европейские послы настраивают тем временем Порту против России.

Будучи в Херсоне, Булгаков получал от оставшихся в Стамбуле сотрудников русского посольства известия, доказывающие «злые расположения турецкого министерства, которое час от часу заблуждается в своем поведении», при этом «слух о войне... ободряет повсюду, не выключая и столицу, недовольных»⁷²⁰. Так что благодаря путешествию страсти накаляются, и в Османской империи уже желают начала войны. В какой-то момент, правда, испуганная поездкой Екатерины Порта, «видя себя в крайнем расстройстве, решила, наконец, приступить

к выполнению требований Высочайшего двора», а именно, прекратить набеги кавказских народов на Грузию «и обеспечить прочным образом границы со стороны Кубани и Очакова», хотя противники подобных мер и чинили этому препятствие⁷²¹. Европейская дипломатия меж тем не сидела сложа руки. Один из ее представителей, Пангали, внушал туркам, «что теперь Порты, имея огромные морские и сухопутные силы, имеет также и самое наилучшее время начать с Россией войну, проговоря на сей случай, кстати, один стишок из Алькорана, за что случившийся вооруженный турок хотел его изрубить, если б другими был не удержан, что Пангали, будучи неверным, осмелился стихи произнести из Алькорана»⁷²². Очень скоро, однако, пришлось убедиться, что «сумазбродства турецкого министерства продолжают по-прежнему»⁷²³.

Вернувшемуся в конце июня в Стамбул Булгакову сначала показалось, «что войны не хотят», и вооруженного конфликта желают разве что визирь и рейс-эфенди, издержавшие большие суммы на подготовку к нему⁷²⁴, но уже две недели спустя посол доносил, что «стали более обыкновенного говорить о войне... будучи, сверх того, возбуждаемы некоторыми от чужестранных министров ложными измышлениями»⁷²⁵. В подобных условиях Якову Ивановичу надлежало довести до сведения Порты выработанные в Херсоне требования.

15/26 июля состоялась конференция, продолжавшаяся более семи часов, на которой рейс-эфенди, предъявивший в ультимативной форме турецкие претензии, не дал Булгакову сказать о русских требованиях. После этого посол перестал верить в возможность мирного исхода дела: «успеха никакого ожидать почти не можно после случившегося»⁷²⁶. Его самого решено было заключить в Эдикуль (что означало объявление войны) «и со всеми россиянами поступить тирански»⁷²⁷. Тем не менее, султан, не желавший воевать, некоторое время еще сопротивлялся нажиму визиря и рейс-эфенди⁷²⁸. 19 июля была вторая конференция, на которой Яков Иванович высказал русские требования «безо всякой по делам пользы»⁷²⁹. Отчаявшись добиться чего-либо, Булгаков

писал: «Рассудительные люди отзываются еще, что все наши дела могли бы в один час окончены быть, ежели бы творились не с безумными»⁷³⁰, ему оставалось сделать только неутешительный вывод: «дела добром кончиться не могут»⁷³¹. 1/12 августа посол писал Безбородко: «Скоро, думаю, зачнут меня мучить конференциями, кои будут бесполезными»⁷³². Через несколько дней Яков Иванович окажется в Эдикуле, и Османская империя вступит в войну с Россией.

Может возникнуть вопрос, не путешествие ли Екатерины в Крым вызвало войну с Портой, ведь и оно само, и предпринятая тогда демонстрация русских вооруженных сил возмутили турок, и, как мы видели, повлияли на изменение русско-турецких отношений в худшую сторону. Кроме того, эта демонстрация была удобным поводом для раздувания слухов об агрессивных замыслах русского двора против Стамбула⁷³³.

Все же не поездка в Крым вызвала русско-турецкую войну, ее причинами были те противоречия, о которых говорилось выше, как говорилось и о силах, заинтересованных в развязывании этого конфликта. Мирным путем эти проблемы разрешиться не могли, и война была неизбежной, вопрос заключался лишь в том, разгорится ли она немного раньше или немного позже. Тем не менее, нельзя совершенно отрицать роль путешествия в ее возникновении. В той ситуации любой инцидент между Россией и Оттоманской Портой мог спровоцировать конфликт, и таким случаем оказалась поездка императрицы. Она стала катализатором, не вызвав войну, но ускорив ее начало, и Екатерина, вероятно, не оценив полностью возможные последствия путешествия, совершила просчет. Османская империя была возмущена и напугана, подстрекательства европейской дипломатии сделали свое дело – и Порта начала новую войну с Россией.

Внешнеполитические цели путешествия Екатерины Великой в Крым в целом были реализованы удачно.

Императрица повышала свой авторитет в глазах Европы и утверждала позиции своей страны на континенте. Дважды она встречалась с другими монархами, играя при этом роль лидера, задавая нужный ей тон переговоров и отстаивая интересы России. Так, австро-русский оборонительный союз был скреплен совместным посещением Екатериной и Иосифом II Крыма. Тем не менее, внешнеполитический успех путешествия не был абсолютным. Нельзя назвать удачными для обеих сторон переговоры государыни в Каневе с польским королем, когда Екатерина отвергла его предложение о русско-польском союзе (правда, вопрос о том, насколько он был необходим, остается открытым). Кроме того, поездка императрицы в Крым ускорила начало очередной (но неизбежной!) войны с Османской империей.

Тем не менее, несмотря на некоторые просчеты, путешествие Екатерины Великой в Крым было не только значимой, но и весьма удачной политической акцией эпохи просвещенного абсолютизма.

Отображение Екатерины II и екатерининской эпохи в украинских учебниках истории

Владимир Владимирович КОРНИЛОВ,
директор Украинского филиала
Института стран СНГ

Современные украинские школьники получают очень мало знаний о личности российской императрицы Екатерины II и ее эпохе в курсе истории. Негативное восприятие государыни навязывается украинской молодежи с юных лет, в первую очередь, в курсе украинской литературы. В произведениях Тараса Шевченко Екатерина II предстает исключительно как поработительница «украинской казацкой державы», виновница насаждения крепостного права в Малороссии, «лютый враг Украины, голодная волчица». Изучая творчество Т.Г. Шевченко, школьники косвенным образом узнают и о великом воеже Екатерины II в 1787 г. – в произведении «Большой погреб» он описывает момент, когда грудной младенец увидел золотую галеру с царицей на Днепре и тут же... умер.

В курсе же школьной истории о визите Екатерины на Юг России вообще нет упоминания. Личность императрицы в курсе «История Украины» упоминается в основном в контексте ликвидации «казацкой державы», миф о которой упорно насаждается украинской молодежи. Уже начиная с курса «Вступление к истории Украины» (5 класс), основной раздел по данному периоду истории называется «Ликвидация украинской казацкой державы».

В учебнике В. Власова и О. Данилевской Екатерина II впервые упоминается в следующем контексте: «В 1764 году царица Екатерина II окончательно ликвидировала гетманство. В своих приказах царица требовала от послушных чиновников: “Когда в Малороссии исчезнут гетманы, нужно сделать все, чтобы стереть из памяти их и их эпоху”. Так подверглась уничтожению вся украинская жизнь». Тут же упоминается о введении ею крепостного права и уничтожении Запорожской Сечи в 1775 г. Эти упоминания сопровождаются описанием жестоких расправ над казаками. Данные описания снабжены вопросом, прямо указывающим на виновницу происшедшего: «К каким мерам прибегла Екатерина II, чтобы окончательно уничтожить казацкую державу?»

Концепция якобы уничтоженной Петром I и Екатериной II независимой «Украинской казацкой державы» продолжает развитие в школьном курсе «История Украины» и «Всемирная история» для 8–9 классов общеобразовательной школы. К примеру, в учебнике по всемирной истории авторства Н. Подалыка приводится карта, на которой изображена огромная территория, названная «Украинской казацкой державой по Зборовскому договору 1649 г.» (см. Приложение 1 во вклейке). В учебнике В. Власова для 8 класса речь идет о «территориях, утраченных Казацкой Державой по Белоцерковскому договору», и о территориях, которые были «присоединены к Украинской казацкой державе до 1657 г.» (см. Приложение 2 во вклейке).

В учебнике по истории Украины за 8 класс авторства Г. Швыдько период, связанный с нахождением на российском престоле Екатерины II, назван «Ликвидацией Гетманщины». Уже в первых словах о восхождении царицы на престол школьникам вкладывают крайне негативное ее восприятие: «Убив своего мужа Петра III, трон захватила немецкая княжна София Фредерика Августа Ангальт-Цербтская, которая взяла себе имя Екатерины II». Затем неоднократно в учебнике отмечается тот факт, что государыня «узурпировала царский престол». Ей вменяется

в вину стремление «уничтожить автономию Украины». Сама же Украина предстает в роли «жертвы»: «В 1775 г. первой жертвой экспансии стала Запорожская Сечь, а потом настал час и для Левобережной Украины».

В учебнике истории Украины за 8 класс авторства В. Власова общий заголовок раздела, посвященный описываемому периоду, называется «Усиление колониальной политики Российской империи». Ее действия по устранению гетмана Кирилла Разумовского трактуется однозначно: «Это был закономерный шаг имперского правительства, которое стремилось к окончательной ликвидации Украинской Державы – Гетманщины». Во всех учебниках цитируются слова о необходимости добиться «обрусения Малороссии».

Авторы учебника отмечают: «Ликвидация гетманства стала началом решительного наступления царизма на украинскую автономию. Екатерина II ставила целью не только лишить украинские земли остатков государственности, но и уничтожить самобытную культуру украинского народа, его язык, превратить украинцев в бедствующих и нищих малороссов. На протяжении следующих лет один за другим появляются императорские указы, которые должны были довершить дело покорения Украины».

Этот тезис повторяется неоднократно: «Колониальная политика царизма преследовала единственную цель – полное покорение Украины и превращение ее в провинцию Российской империи. При этом шла речь не только о ликвидации казацкой державы, но и о полном растворении украинцев среди московского люда».

В курсе 9 класса годы правления Екатерины II также называются периодом «ликвидации Российской империей украинской государственности», а положительные оценки российской императрицы не допускаются. В вину Екатерине вменяется даже проведение в 1765–1769 гг. Генеральной описи Малороссии. Несмотря на колоссальную важность этого акта для дальнейшего развития и освоения территорий современной Украины, учебник истории Украины для 9 класса (авторы – А. Реент

и О. Малий) отмечает: «Опись стала основой для внедрения новой системы налогообложения украинского населения... Этими акциями Российская империя превратила Украину в объект колониального грабежа».

Еще большей агрессией и односторонностью относительно фигуры Екатерины II отличаются различные учебные пособия, используемые в школьном процессе. Так, во многих школах Украины (особенно Западной Украины) на протяжении многих лет используется многократно переизданное украинским обществом «Знание» пособие «История Украины для детей школьного возраста». В нем однозначно расставлены акценты при первом же упоминании императрицы: «К несчастью гетмана и Украины в 1761 году умерла царица Елизавета, а царицей стала Екатерина II, которая, подобно Петру I, решила закабалить Украину».

Раздел, связанный с правлением Екатерины, назван в этом пособии «Украина в неволе». В поэтическом стиле детям рассказывают: «Всякие надежды украинского народа добиться воли замерли с минутой, когда та самая царица приказала уничтожить Сечь Запорожскую... Наступили теперь времена неволи». Императрица прямо называется «ненасытной», снабжается уничижительными характеристиками.

Ей же приписывается стремление уничтожить и украинскую культуру: «Москва начала искоренять всякие проявления сознательности в народе. Старалась делать так, чтобы украинцы забыли, кто они, и чтобы не было никакой разницы между москалями и украинцами, потому что москали насаждали мысль: “что украинцы и москали – это один народ”».

Итак, в украинских учебниках истории и литературы детям преподносят односторонний, безальтернативный взгляд на Екатерину II и ее эпоху как на трагический, печальный период истории Украины, связанный с окончательной

утратой якобы существовавшей до этого «независимой казачьей державы», уничтожением Запорожской Сечи и украинских вольностей, закрепощением украинских крестьян, началом преследования украинского языка и украинской культуры. Украинским детям ничего не рассказывается о периоде заселения, освоения Новороссии, бурного экономического и культурного развития Малороссии в период правления Екатерины. Ни словом не упоминается историческое путешествие императрицы на эти земли, давшее толчок к развитию Новороссии и Крыма. Однозначно негативные оценки правления Екатерины II и ее окружения в конечном итоге трансформируются в негативные оценки самой России, Москвы, «москалей», русских. Именно эти оценки пытаются внедрить в массовое сознание современные украинские учебники истории.

Правление Екатерины II: взгляд из Украины

Александр Андреевич ПАЛИЙ,
историк, политолог (Киев)

Интерес к истории, который переживают наши страны, дает нам возможность глубже понять современность, осознать место наших стран в мире, более ясно прогнозировать будущее. Недаром говорят, что страница истории стоит учебника логики.

Изучая историю наших стран, следует четко понимать объективную принадлежность историков к сообществам и системам ценностей. Если бы историки не были французами, немцами, русскими, украинцами, представителями других национальностей или конфессий, они бы написали совсем другую историю.

Естественным образом история Украины пишется с точки зрения украинского народа, а российская – с точки зрения российского. Взгляд на украинскую историю из России будет другим, то же – и наоборот.

Например, для Украины российский царь Петр I является тираном, истребителем населения Батурина, Лебедина и десятков других городов и сел Украины, губителем Запорожской Сечи, убийцей украинской старшины, разрушителем церкви и распространителем кощунства.

Для многих россиян Петр, наоборот, может выглядеть царем, который превратил Россию в государство с высоким международным статусом, победителем шведов, человеком, который искренне и энергично пытался преодолеть отсталость, творцом окна в Европу.

Для россиян Мазепа – это человек, изменивший своим обязательствам перед царем, а для украинцев – это человек, который в решающий момент поставил свою преданность стране выше всего остального. Для украинской идентичности обвинять Мазепу в измене – это примерно то же самое, что считать Штирлица предателем Германии.

То же можно сказать и о соотношении украинской и российской точек зрения на императрицу Екатерину II.

Для России ее правление считается «золотым веком» империи. Для украинцев все несколько иначе. Вот как правление Екатерины II описывает «Книга Бытия украинского народа» Кирилло-Мефодиевского общества (1846): «А немка царица Екатерина, курва всемирная, безбожница, убийца своего мужа, доконала казачество и волю... наложила на вольную братию ярмо и сделала одних господами, а других невольниками»⁷³⁴. Тарас Шевченко называл Екатерину II «лютым врагом Украины, голодной волчицей». Приблизительно такие же оценки содержатся и в украинском народном творчестве XVIII–XIX вв., с поправкой на народное красноречие.

Российское правительство еще с 1750-х гг. начало ограничивать экономические и политические права Украины. В 1754 г. был издан указ о контроле над финансами Гетманщины. В 1755 г. – ликвидирована таможенная граница между Россией и Украиной. Произошло изъятие Киева из-под власти гетмана, передача украинских дел в ведомство Сената из Коллегии иностранных дел и контроль над предоставлением поместий гетманом т.д. К этому добавились большие потери Украины вследствие участия казацких полков в Семилетней войне (1756–1763) на землях Западной Европы.

В Украине гетман Разумовский начал возрождение древней казацкой столицы Батурина, разрушенного в 1708 г., с намерением перенести туда столицу. Тем временем старшина на «Генеральном собрании» в Глухове выдвинула проекты реформирования власти. В среде казацкой старшины возникла идея превратить Украину в наследственное княжество во главе с родом Разумовских

и стабилизировать украинскую государственность. Кроме того, в деспотической суперцентрализованной монархии, какой была Россия, на процедуру избрания гетмана вольными голосами смотрели как на вполне враждебную и опасно революционную процедуру. Гетман добивался возвращения себе права дипломатических отношений, реформировал казачье войско, планировал открытие университета в Батурине, способствовал развитию украинской науки. Украинская старшина пыталась получить от Петербурга политические уступки в то время, когда Россия требовала войска для новых войн.

Екатерина II воспользовалась петицией о наследственном гетманстве для рода Разумовских и в 1764 г. заставила Кирилла Разумовского отказаться от гетманства. За 110 лет до этого Украина вступила в союз с Россией на правах пожизненного и неуклонного сохранения всех прав Украины и Войска Запорожского, а теперь все это было перечеркнуто. Россия в одностороннем порядке в очередной раз проигнорировала Переяславское соглашение, по которому Украина вступала в союз на правах никем не завоеванной страны.

С ликвидацией Гетманщины связан интересный эпизод протеста Василия Мировича (1740–1764), внука сподвижника гетмана Ивана Мазепы, переяславского полковника Федора Мировича. Его отец был сослан в Сибирь за общение с собственным отцом Федором Мировичем. Мирович охранял императора Ивана Антоновича в Шлиссельбургской крепости и самостоятельно организовал отчаянное восстание солдат с целью свергнуть Екатерину II, однако охрана имела приказ убить бывшего императора при попытках освобождения. За это восстание Василий Мирович по приказу Екатерины II был казнен.

Также Екатерина II помогла Польше подавить Коливищину – освободительную войну 1768 г. Российский командующий, притворяясь сторонником гайдамаков, пригласил к себе старшин гайдамаков на угощение и схватил их. Потом русские набросились на сонный лагерь повстанцев и захватили 900 человек, которых выдали на

казнь Польше. Российская царица решила расправиться с восстанием, опасаясь восстановления гетманства и перехода восстания на Левобережье. Участие России в подавлении гайдамацких восстаний доказало, что выступления Петербурга в защиту православных за рубежом были инструментом для увеличения влияния России на соседние страны и имели мало общего с защитой православных украинцев.

Также Екатерина II бросила в каземат и заморила там выдающегося украинского религиозного деятеля, митрополита Арсения Мацеевича, которого еще при жизни считали святым.

Кроме того, российское правительство Екатерины II сразу после его прихода к власти в начале 1760-х гг. принялось за разрушение традиционного социального и военного уклада Украины. Так, в частности, были учреждены полки пикинеров, куда вербовали казаков и мещан, нарушая привычную социальную иерархию Украины. Пикинеры выводились из-под власти гетманской администрации и пользовались льготами, не выполняя никакой службы. Таким образом правительство пыталось создать в Украине «пятую колонну». Подрывался неизменный авторитет национального войска – реестрового казачества, которое в тот момент представляло становой хребет украинской государственности.

Екатерина II инициировала уничтожение в 1775 г. Запорожской Сечи. Перед тем в 1768–1774 гг. российское и украинское войска совместно воевали против Османской империи. На Черном море тогда практически не было другого флота, кроме казацкого, который сыграл главную роль в морской войне. В 1771 г. запорожские войска второй раз в истории захватили Крым в обход Перекопских укреплений – через озеро Сиваш. Третий раз в истории эту сверхсложную операция провела только в 1920 г. армия Махно. Запорожский кошевой атаман Петр Калнышевский и старшина за подвиги запорожцев были щедро вознаграждены, русские вельможи массово вписывались в запорожские подразделения.

Несмотря на это сразу после окончания русско-турецкой войны российские войска, возвращавшиеся с театра военных действий, окружили Запорожскую Сечь. Уговоры кошевого атамана заставили запорожцев отказаться от сопротивления. В «награду» за это Петра Калнышевского, а также ряд других старшин арестовали. Калнышевский попал на Соловки, был закован в кандалы и посажен в холодную яму. Так он прожил 26 лет, до 113-летнего возраста. Все здания Сечи, кроме укреплений, общим числом более 500, были разрушены. Такова была «благодарность» царицы за участие запорожцев в войнах на стороне России.

Обосновать коварство было довольно трудно. В своем манифесте, изданном через два месяца, Екатерина обвинила запорожцев в «неистовом управлении», то есть в демократии, а также в том, что на Сечь убегали крепостные крестьяне из разных регионов России. Также Запорожье обвиняли в том, что эффективное фермерско-купеческое хозяйство последнего успешно конкурировало с хозяйством империи.

Отдельный удар был нанесен по образованию в Украине. «Просвещенная» царица, которая переписывалась с Вольтером, погрузила во тьму неграмотности ту часть украинского народа, которую только смогла.

Согласно данным переписи 1740–1748 гг. в семи полках Гетманщины (современные левобережные части Киевской и Черкасской областей, а также Черниговская, Сумская и Полтавская области) насчитывалось 866 школ – практически в каждом сколько-нибудь значительном городке или деревне, естественно, все с украинским языком преподавания. По состоянию на 1800 г. из этих школ не осталось ни одной.

Как результат, из почти поголовной грамотности мужского населения Гетманщины в XVII–XVIII вв., во времена Российской империи в конце XIX в. в Украине оказалось всего около 15 % грамотных. История, вероятно, знает очень немного примеров столь стремительного регресса и деградации интеллектуальной жизни.

Все это осуществлялось параллельно с усилением ассимиляционного давления на Украину.

В 1759 г. Синод издал распоряжение изъять из школ украинские буквари. В 1763 г. Екатерина II запретила преподавать на украинском языке в Киево-Могилянской академии. Ликвидация казацкого уклада на Слобожанщине 1764 г. сопровождалась ликвидацией казацких школ. В 1769 г. старинные украинские книги в церквях централизованно были заменены московскими. В украинских библиотеках Киево-Печерской лавры и Киево-Могилянской академии в XVIII в. произошла череда пожаров, в которых еще современники видели поджоги с целью уничтожить документы о правах Украины и украинской церкви⁷³⁵.

В 1784 г. распоряжением Синода было предписано, чтобы во всех церквях священники читали молитвы и правила церковную службу на церковнославянском языке с русским произношением, а не так, как было в течение предыдущих веков – на церковнославянском языке с украинским произношением.

Вот как, в частности, императрица распоряжалась ассимилировать Украину: «Малая Россия, Лифляндия и Финляндия являются провинциями, которыми управляют на основе подтвержденных им привилегий, нарушить же их, внезапно отказавшись от них, было бы очень неприлично, но называть их чужеземными и вести с ними на такой же основе было бы больше, чем ошибкой, можно сказать уверенно – бессмыслицей. Эти провинции, а также Смоленскую, надо легким способом привести к тому, чтобы они обрусели и перестали бы смотреть, как волки в лес. Приступить к этому будет очень легко, если умные люди будут выбраны начальниками этих провинций. Когда же в Малороссии не будет гетмана, то нужно стараться, чтобы время и название гетманов исчезли...»⁷³⁶

В то время, как Европа двигалась к либеральным порядкам и освобождению от крепостничества, в Украине произошла социальная катастрофа – введение крепостного права. Вместе с этим пришло тотальное уничтожение

школы и образования, деградация интеллектуальной жизни.

Екатерина II – именно та царица, при которой в Украине в 1783 г. было введено крепостничество – фактическое рабство, обычное для России, с правом продажи и физического наказания крепостных. Никогда в истории до московского господства в Украине не было порядков, которые предусматривали возможность продажи людей как рабов. Даже во времена польской власти в Украине не было права господ продавать крестьян. Он господина к господину передавались только имения, что никак не сказывалось на крестьянах и их повинностях. Крепостное право на этих землях ограничивалось выплатой чинша или барщиной.

Крестьяне Левобережной и Слободской Украины были полностью лишены права перехода и на них распространялись общероссийские законы. Помещик мог продать крепостного, обменять на любое имущество, разлучить семьи. Таким образом, в то время как вся Европа освобождалась от личной зависимости, в Украине процесс пошел в совершенно противоположную сторону. В 1771 г. в Крыму хан отменил рабство, а в 1780 г. в Австрийской империи вообще были отменены основные крепостнические пережитки.

Фактически установление указом Екатерины II крепостничества ликвидировало социальные завоевания Освободительной войны Богдана Хмельницкого, которыми украинское общество пользовалось 135 лет.

После присоединения Правобережной Украины к Российской империи по результатам второго раздела Речи Посполитой (1793) на Правобережье из России были перенесены крепостнические порядки. Они значительно превышали по жестокости и произволу даже то, что украинские крестьяне испытывали во времена господства Польши.

Указом царицы Екатерины II в 1765 г. слободские казацкие полки были ликвидированы, а казаки переведены в уланы и гусары, которые не имели никакого

самоуправления и вынуждены были платить подушный налог. На территории казачьих полков была создана Слободско-Украинская губерния, прямо подчинена царскому правительству (впоследствии названная Харьковской). Тем, кто хотел остаться казаком, предлагалось переселиться на Кубань. В 1783 г. в Левобережной Украине было ликвидировано полковое устройство, а казаков перевели в гусарские полки без традиционных вольностей и самоуправления.

Старшие запорожские казаки, пережившие разрушение Сечи, были настроены резко против власти Российской империи. Благодаря этому история Задунайской Сечи была настолько длительной (более полувека).

На самой же Украине с началом новой русско-турецкой войны 1787–1791 гг. российское правительство срочно вспомнил о запорожцах. В феврале 1788 г. было создано особое войско из бывших запорожцев, названное «Войском верных казаков», под руководством запорожского старшины Сидора Белого и Захария Чепиги. В 1788 г. это войско было переименовано в Черноморское казачье войско. Казакам вернули военные клейноды Запорожской Сечи, отобранные при разгроме Сечи российскими войсками.

Казацкие чайки оказались эффективным оружием против крупных парусных кораблей, казаки брали Очаков, участвовали во взятии Измаила и десятков других крепостей.

В 1789 г. запорожцы под руководством Антона Головатого сыграли главную роль в захвате турецкой крепости Хаджибей (ныне Одесса). Всего во время русско-турецкой войны 1787–1791 гг. в операциях под Кинбурном, Очаковом, Фокшанами, Рымником, Хаджибеем, Килией, Измаилом, Мачином, Бендерами и т.д. принимали участие несколько десятков тысяч украинских казаков.

Казаки надеялись, что верной службой можно заслужить право свободной жизни на своей земле. Вместо этого, указом 1792 г. казакам для проживания были определены еще не интегрированные в империю пригра-

ничные земли на Таманском полуострове на Кубани, где было образовано Черноморское казачье войско, с 1860 г. переименованное в Кубанское, которое просуществовало до 1920 г. Прибыв на новое место поселения на Кубани, казаки сохранили основные порядки Запорожской Сечи, расселившись в 38 куренях.

Казаков просто депортировали за пределы Украины. Тех, кто не хотел переселяться, ждало крепостничество. Российской империи не были нужны лояльные украинские казаки, а необходимы они были лишь для использования в войнах в качестве «пушечного мяса».

Долгое время утверждалось, что Екатерина II якобы основала Одессу, однако на самом деле город существовал задолго до нее под названием Хаджибей. В первом указе об «учреждении» Одессы с 1794 г. речь шла именно о Хаджибее, известном еще с 1415 г.. При жизни царицы Хаджибей (Одесса) так и оставался небольшим городком Тираспольского уезда Вознесенской губернии. Все первые десятилетия XIX в. царское правительство прилагало усилия, чтобы заставить окружающее население, которое привыкло к старому названию Одессы, принять ее новое название, взятое в соответствии с популярной в то время «новогреческой» модой. Вообще Екатерина II более приложила к переименованию, чем к основанию городов.

Показательно, что Екатерина II парадоксальным образом назвала Новороссией край, отобранный у Запорожской Сечи, который к тому же значительной частью входил в состав Киевской Руси за тысячелетие до того. Олешки, походы тиверцев, Белобережье – все это история тысячелетней давности. В XII в. земли тиверцев попали под власть Галицкого княжества и оставались в таком состоянии в течение первых четырех десятилетий XIII в., в XIV–XV вв. значительная часть земель юга современной Украины принадлежали Киевскому княжеству, вассальному по отношению к Литве.

Напротив, с точки зрения россиян императрица Екатерина II знаменует «золотой век» империи. Она успешно воспользовалась ослаблением Османской империи и

Речи Посполитой, а также централизовала страну. Даже закрепление ею крепостнических порядков может выглядеть как некая либерализация – ведь она значительно улучшила положение дворянства, дотоле также бесправного в отношениях с царской властью, как и последний крепостной. Кризис крепостничества в России возник несколько позже правления Екатерины, и с ним должны были справляться другие.

Интересно, что украинская и российская точки зрения, при всем их отличии, являются правдивыми – каждая для своей системы отсчета. Примирить эти точки зрения возможно лишь при условии, если или украинцы, или русские откажутся от своей идентичности, или совместно примут какую-то третью точку зрения. Сейчас модно смотреть на историю с точки зрения общечеловеческих ценностей, которые кое-кто называет западными, то есть считать, что «стремление к свободе и счастью» является естественным состоянием человека. Тем не менее, даже на Западе с его попытками унификации ценностей успешный опыт написания общей истории крайне сомнителен – ведь эти попытки затрагивают такие глубокие пласты национального сознания, которые не слишком готовы «модернизироваться».

Поэтому знание альтернативных взглядов на исторические события, отказ от претензий на единоправильность, осознание разноплановости их восприятия может помочь наладить взаимопонимание между народами сегодня и в будущем.

Екатерина была права!

Олесь Алексеевич БУЗИНА,
историк, публицист (Украина)

Застой по-гетмански

Всматриваешься в нынешнюю украинскую державу и понимаешь: так уже было. И было весьма непрочное. Ибо украинцы – народ, склонный к повышенному, почти инфантильному комфорту. В массе своей мы действительно ленивые и добродушные прожигатели жизни. Исключения только подтверждают правило. Кармелюки и Гонты рождаются раз в столетие, а большинство все-таки норовит попасть в Мазепы: послужить и турецкому султану, и польскому королю, пожить и с крестной дочерью, и с ее матерью, –и только на смертном одре, покаявшись в грехах на бочке с золотом, которым уже не можешь воспользоваться, прикинуться патриотом и произнести пару дежурных фраз о «неньке Украине».

Только у нас можно успешно набирать рейтинг на выборах, обещая отменить призыв в армию или вступить в НАТО, где не мы, а нас (вдумайтесь только!) будут защищать какие-то бескорыстные меценаты. И обыватели верят. Хотя с какой стати их защищать, если они сами в жизни никого не защитили и не собираются защищать?

Такова уж особенность украинской национальной психологии. Истинные обладатели ее всегда верят, что представляют собой венец творения, в совершенствовании не нуждающийся – чудо уникальное и бесценное, с которого все окрестные народы обязаны пылинки сдувать. Если же не сдувают – значит, они «вороги» и «падлюки».

Наиболее проницательные украиноведы установили это достаточно давно – почти за два века до открытия «Института украинознания». Еще 180 лет назад историк Дмитрий Бантыш-Каменский написал: «Малороссиянин, вялый, беспечный – изворотлив, неутомим, когда надеется достичь чрез сие преднамеренной цели. Добродушие и простота, по-видимому, отличительные черты его характера; но они часто бывают следствием хитрости, отпечатка ума. Гордость, прикрываемая сначала ласковым, услужливым обращением, является во всей силе по получении желаемого. Она, особливо, разительна, когда малороссиянин обращается с младшими, возвысаясь из низкого звания игрою случая, сгибчивостью, без особенных достоинств».

Кто у нас возвышался иначе, кроме как «игрою случая» и «сгибчивостью»? Ну, Хмельницкий. Ну, может, еще Петлюра. Да и то без сгибчивости не обошлось.

Тот же Богдан тридцать лет верой и правдой служил Польше, не требуя особенных наград, и восстал только, когда отобрали наследственное, кровное – хутор с пасеками и косовицами. На шестом десятке восстал, когда в общем-то не до революционной деятельности.

Петлюра же гнулся и перед Антантой, и перед Польшей, а единственно, кого победил – своих же – воинство гетмана Скоропадского. Да и то потому, что оно, проявив «сгибчивость», перебежало от этого пародийного «диктатора» в папаху к не менее пародийным «демократам» из петлюровской Директории.

К этим печальным особенностям национального характера страны, где каждый стремится друг другу проиграть, чтобы никого не обидеть (отсюда такой дефицит настоящих лидеров!), с незапамятных времен прибавилась еще и склонность пребывать постоянно в «расслабленном» состоянии. Тот же Бантыш-Каменский описал эту наркотическую зависимость малороссиян так: «Древнее хлебосольство и излишнее употребление горячих напитков между простым народом доселе продолжается, особливо в южных странах Малороссии. Сама природа, расточая с

обилием дары свои в плодоносном сем краю, производит беспечность, вялость в жителях».

Зачем быть активным, если и сегодня Украина – страна самых жирных и откормленных бомжей? Крупные «бомжи» – просят у Международного валютного фонда, проживая «без определенного места жительства» то в Киеве, то в Лондоне. Мелкие – просто выходят утром к мусорному контейнеру и обнаруживают там полный ассортимент закусок вплоть до выставленной кем-то банки прошлогодних консервированных огурцов и недоеденного варенья.

Естественно, ленивый, беспечный и постоянно навеселе человек, заселивший благодатные земли Украины, мог породить только уникальную политическую систему, естественным состоянием которой является не развитие, а... застой и разложение.

Когда во второй половине XVI в. Украина попала в состав Речи Посполитой, поляки, уже тогда являвшиеся нацией «купи-продай», мигом вписали ее в мировую экономику как сырьевой придаток. Магнаты и шляхта, кто лично, кто руками арендаторов-евреев, выкачивали из своих латифундий на «кресах всходних» хлеб и рогатую скотину и вывозили в порт Гданьск на Балтике, где это добро ждали голландские корабли. Полученная прибыль уходила на предметы роскоши, а за остаток (буквально за гроши!) Польша содержала еще и шесть казацких реестровых полков – самое дешевое войско в Европе, охранявшее пограничье от татар.

Естественно, казакам такое положение не нравилось. Они хотели зарабатывать больше и в 1648 г. подняли восстание, которое сегодня называют «национально-освободительной войной». Несколько битв повстанцы выиграли, не меньше проиграли и уже через шесть лет запросились «на тихіі води і ясній зорі» – в подданство к русскому царю. Все было, как в народной песне: «Виведи нас в край хрещений!».

Богдан Хмельницкий вывел. Но всеобщее благоденствие так и не наступило, ибо не все «вороженьки»

сгинули, «як вода на сонці». И, главное, не сгинули внутренние враги – зависть, лень и мелочность. Почти четверть века так называемой Великой Руины, последовавшей за Переяславской Радой, были всего лишь затянувшейся разборкой внутри казачьей верхушки за дележ освобожденных от поляков земель. Выговские и Брюховецкие ездили друг к другу на «стрелки», выясняя, кто из них станет новым магнатом вместо польского и унаследует запущенный шляхтой механизм примитивной эксплуатации. Самые буйные на этих «стрелках», как водится, сложили головы. Выиграли хитрые и «уступчивые» – Мазепы и Разумовские.

Ничего нового эта «элита» тогдашней Малороссии не придумала. В два счета вчерашние бандиты превратились в торговцев. Сто лет существования полунезависимой гетманской Украины в составе России наши героические «полуботки» только то и делали, что гоняли хлеб и волов в тот же Гданьск, а на барыши развлекались, как умели, – в основном, естественно, пили и закусывали, бесспорным доказательством чего остались пузатые фамильные портреты в музеях.

Судилась Малороссия по Литовскому статуту, унаследованному от Речи Посполитой. Училась (кто мог себе позволить) в Киевской академии, представлявшей провинциальную копию польских коллегиумов. А воевать и развивать искусство вовсе не желала. Как-то незаметно прекратились морские походы в Турцию, а любой потенциальный дезертир получил право нанять вместо себя бедняка, чтобы не идти в поход – аналог современной военной кафедры, где прячут детей от службы нынешние гордые потомки запорожцев.

Крепости разваливались. Оружие не совершенствовалось. Военные учения, как и сегодня, почти не проводились. Флот куда-то исчез – наверное, тогдашние украинские «адмиралы» просто продали свои «чайки» на дрова. Почитайте, в каком состоянии находилась Батуринская крепость в 1708 г. – не удивительно, что Меншиков взял ее одной только кавалерией. Можно было и вообще не брать – сама бы развалилась.

У нас любят рассказывать, какой замечательной культурой обладала Гетманщина. Просто до звезд достигала! Но покажите шедевры, произведенные этим «высокоразвитым» обществом? В ту же эпоху в Европе творят Мольер, Дефо и Свифт, и мы до сих пор наслаждаемся «Мещанином во дворянстве», «Робинзоном Крузо» и «Гулливером». Где же украинские романы и пьесы эпохи Гетманщины, которые можно было бы снять с полки и почитать? Их нет! Вообще нет! Москали их не сожгли и татары из библиотеки не украли, так как «высококультурные» современники Разумовских и Скоропадских попросту не удосужились их написать. Это лучше любых сказок демонстрирует подлинное состояние тогдашней «культуры» в Украине. «Вороженькам» просто нечего было уничтожать.

Если бы Шевченко, так мечтавший, чтобы «ожили гетьмани», мог перенестись в то время, то он увидел бы только поля, хутора скопидомов да кое-где торчащие церквушки в стиле «казацкого барокко», являющегося просто неудачным подражанием барокко подлинному, европейскому. Тогда ему больше всего захотелось бы домой – в XIX в. с благоустроенными панскими поместьями, книгами, театрами и университетом в Киеве, открытом не гетманами, а «реакционным» императором Николаем I.

Пытаюсь рассмотреть высокую культуру под мудрым правлением Мазепы и не вижу ее. Как и наук не наблюдаю. Не было в Украине в те времена своих Декартов, Галилеев и Ньютонов. Зато в современном учебнике истории для 8-го класса читаю хвастливые слова его авторов: «Особливістю науки в Україні було те, що на відміну від Європи, де вона долала сильний опір церкви, тут її представниками були церковні діячі, іноді вищі ієрархи. Так Феофан Прокопович навіть виголосив перед студентами й викладачами Києво-Могилянської академії спеціальну промову «Про заслуги і користь фізики».

Что это доказывает, кроме того, что студенты и даже преподаватели тогдашней Могилянки («вищого учбового

закладу»!) были, извините, настолько дикими, что им приходилось читать специальную лекцию о пользе физики? Физиков в Киево-Могилянской академии после пропагандистской речи Прокоповича так и не прибавилось – ни одного «ньютон» из стен ее не вышло. Впрочем, как и лирика мирового уровня.

Как величайшее достижение тогдашней украинской науки авторы того же учебника А. Гисем и А. Мартынюк прославляют то, что некий «С. Славинецький здійснив переклад слов'янською посібника Везалія “Космографія”, яку вивчали в медичних колегіумах». Давайте разберемся, что это означает на самом деле.

Лейб-медик германского императора Карла V Андреас Везалий умер в 1564 г. От киевского монаха Епифания Славинецкого его отделяет больше столетия – тот представился в 1675 г. Целых сто лет европейские медики штудировали труды Везалия – и только тогда на Украине, наконец-то, перевели один из них! Аптека в Киеве после этого так и не появилась, что доказывает: перевод этот мало кто читал, и никто даже не пытался применить на практике.

Подлинный уровень науки и культуры Гетманщины демонстрирует ее высшее достижение – рукописная кулинарная книга некоего Кулябки. В ней на многих страницах расписано, как делать «бишкокты з мигдалами» (бисквиты миндальные), «марципаны иным манером», и приведено около ста способов изготовления водки в домашних условиях, вплоть до «апельсиновки», которую этот ученый муж называет «Алексир цытры»: «цитроновой шкурки фунт стовкты и намочиты в горилци, пока будет жовтая, и перегнавши цукру три фунты в вини, варити. Тоей же цитроновой верхней шкурки обризати, а мочиты добре»...

В том же трактате выдающийся «естествоиспытатель» Кулябка описал, как делать водку «Виттерейс» («Снежная погода» – в переводе с немецкого) и самогон «особливых skutков» – то есть высшего сорта со всеми «ингредиенциями на крепительную водку надлежащими».

Сия «научная» книга, переходившая в образованных семействах из рук в руки, прекрасно показывает, какими в действительности духовными запросами жила элита гетманского государства. Вся душа ее воистину ушла в желудок к цитронам и марципанам!

Рано или поздно это райское существование должно было закончиться. Гетманская держава не выполняла основные функции государства. Она не защищала его от внешней опасности, не судила по справедливости и не давала никаких перспектив на будущее. Самые умные и энергичные из малороссиян направились в Петербург не от плохой жизни, а от скучной.

Когда живешь пьяно и сытно, то или сопьешься, или выберешь более рискованную, но интересную экзистенцию. В столице империи успешно развивался модернизаторский петровский проект. Туда, бросив самую читающую кулинарные книги страну, и кинулись будущие Гоголи, Паскевичи и Безбородки. Как ни странно, им было тесно в широких шароварах.

Декоративная Гетманщина потеряла главное – поддержку народа. Она скончалась тихо и мирно в 1764 г., 10 ноября, когда вышел указ императрицы Екатерины Второй об отмене должности гетмана. Указу предшествовал забавный момент. Вконец одуревший от безделья гетман Разумовский подал петицию с просьбой превратить его пост в наследственный. Он собирался управлять Украиной из своего дворца в Петербурге, чтобы не отрываться от столичных развлечений, отсутствовавших в Малороссии, – итальянской оперы, французской комедии и придворных балов. Изучив ситуацию, Екатерина решила, что Разумовский все-таки полезнее в своем основном качестве – зрителя, а не деятеля. И решила использовать его по прямому назначению.

Узнав о ликвидации должности гетмана, в Малороссии очень радовались. Был момент всеобщего ликования. Причем величайшего в украинской истории. У соседа Кирюшки Разумовского сдохла не просто корова. Сдохла целая Гетманщина, которую тот тайком хотел «прихва-

тизировать» на веки вечные в обход таких же свинопасов-прихватизаторов.

Запорожцы – первые жертвы феминизма

Рождение Запорожской Сечи до сих пор окутано покровом тайны. Ни один историк не скажет точно, когда и как она возникла. В конце XVI в. западные путешественники описывали казачье логово за Порогами как уже вполне сложившийся общественный организм.

В 1594 г. на Сечь приехал с «подарками» посол германского императора Эрх Ляссота. Цель его состояла в том, чтобы нанять казаков на службу и убедить их выступить в поход против турок, с которыми немцы вели войну. Ляссота оставил очень колоритные записки о своем путешествии. Их у нас цитируют крайне выборочно, стыдливо опуская самые «вкусные» места.

По происхождению посол был из моравского дворянского рода – то есть из онемечившихся славян. По-видимому, он все-таки знал язык своих предков, почему Рудольф II и избрал его для миссии на Запорожье, как до этого отправлял с неким тайным поручением, суть коего осталась неизвестной, в Московию. Выходит, что Ляссота понимал нравы и обычаи запорожских казаков без переводчика.

На Сечи, располагавшейся тогда на острове Базавлук, представителя Рейха принял предводитель местной вольницы. Этого человека Ляссота именует то «вождем», то гетманом. Он только что вернулся из похода в Молдавию. Собственно, «вождя» даже пришлось дожидаться 11 дней, пока под его началом казаки везли на Сечь награбленное имущество. «Так как вождь был в отсутствии, – пишет Ляссота, – и не все войско находилось в сборе, то мы не пожелали на этот раз изложить свое поручение, оставляя это до благополучного возвращения гетмана и всех остальных. Они охотно согласились на это, затем мы отправились в свои шалаши (которые они называют “кошами”), плетенные из хвороста и покрытые сверху лошадиными кожами для защиты от дождя».

Кстати, обилие лошадиных кож, которыми казаки покрывали в конце XVI в. свои курени, показывает, как богата была тогда природа степного пограничья – «Украины». Запорожцы охотились на диких лошадей – тарпанов, ныне истребленных. Конину они съедали, по примеру татар, а шкуры использовали вместо соломы для крыш. Но это так – для вставки. Чтобы читатель лучше понимал, в каких «прериях» все это происходило.

19 июня 1594 г., на следующий день после возвращения, «вождь» пригласил посла на обед и тут же заявил, что «императорское величество стоит выше всех других европейских монархов», а потому его послов следует выслушать раньше, чем московского посла, тоже гостившего в то время на Сечи. Переночевав, «вождь» вынес предложение Ляссоты на всеобщее обсуждение.

Запорожцы собрали два «кола»: одно для старшины, а другое – для черни, и начали советоваться. «После долгих совещаний, – продолжает Ляссота, – чернь, наконец, обычными возгласами выразила свое согласие вступить на службу его императорского величества, в знак чего бросали вверх шапки. После этого толпа бросилась к другому колу – старшине, угрожая бросить в воду и утопить каждого, кто будет против этого мнения. Поэтому старшины тотчас же согласились на все, не смея противоречить черни, столь сильной и могущественной, когда она приходит в ярость, и только требовали переговорить с нами об условиях. Избраны были 20 депутатов и нас снова пригласили в коло».

Начались переговоры избранных от запорожского войска с Ляссотой. Казаки требовали платы за свои услуги на протяжении трех месяцев, а посол объяснял, что решать финансовые вопросы не уполномочен, – казаки должны удовлетвориться высокой честью, что такой великий государь, как германский император? берет их на службу и разрешает всласть пограбить турок на «законном» основании.

По словам посла, «исполнивши это, они могут быть уверены в том, что его императорское величество как

верховный монарх не станет поступать вопреки своему достоинству и величию, а напротив, убедившись в их доброй воле и преданности и усмотревши начало этого в их службе, наградит их с такою щедростью, которая может значительно превзойти требуемое ими жалованье, на славу себе и к их вящей выгоде».

В конце концов, тщеславные запорожцы, обрадовавшись, что их не забыли в Европе, согласились и на этом, заверив посла, что готовы служить за так: «На это они снова отвечали мне и призывали Бога в свидетели, что все они охотно готовы служить его императорскому величеству» и обязались «употребить все усилия к тому, чтобы напасть на Килию и Бабадаг, два знаменитых турецких города, лежащие на Дунае выше его устья в Черное море, или же попытаются разрушить Перекоп, главный город крымских татар, отстоящий всего в 26 милях от Сечи по прямому пути, но если ехать морем, то расстояние несколько больше».

Выбор направления главного удара не устроил посла. Он согласен был считать «службой» императору только немедленное вторжение в Валахию, чтобы преградить татарам путь в Венгрию. Иными словами, его императорское величество согласен был использовать казаков «за так» только на интересующем его «фронте», прорвав который, татары вторглись бы во входившее в состав империи Венгерское королевство. Только тогда, по уверениям Ляссоты, «можно будет от границ Валахии снарядить посольство к императору для переговоров относительно их продовольствия».

Запорожцы согласились, отбросив всю свою аргументацию! Как продолжает повествование высокий гость, «асаулы (начальники, которых можно приравнять к поручикам) обошли вокруг большое коло и все сказанное изложили прочим казакам, чернь снова отделилась, образовала особое коло и после новых совещаний опять выразила согласие громкими восклицаниями, сопровождавшимися бросанием шапок вверх. Когда мы вслед за тем вышли из кола, тотчас загремели войсковые барабаны и

трубы, сделано было десять пушечных выстрелов, а ночью пущено еще несколько ракет».

Тем не менее, ночью (о, это темное украинское баламутство, когда хитрый «хохол»⁷³⁷, продавшись задарма, начинает думать, подняв усатое рыло к звездам, а не продешевил ли он?!) некоторые «беспокойные головы» из числа «владельцев челнов», заинтересованные именно в морском походе на Крым, стали ходить из хаты в хату и смущать простой народ, указывая на дальность пути в Валахию и «незначительность присланной казакам суммы».

Наутро снова начались дебаты. Чуть не дошло до перевыборов гетмана и импичмента ему посредством утопления. Потом интерес к проблеме угас (казацья демократия, утомившись от бесконечных прений, вступила в политический кризис) и пришло время обеда. После него некоторых «саботажников», плюнувших на общественный долг и собравшихся вздремнуть после приема пищи, которую отказывался оплатить германский кайзер, есаулам, отвечавшим за поддержание порядка, даже пришлось, собрав новое коло, «загонять туда киями».

Я избавляю читателя от дальнейшего описания этих бесконечных демократических процедур, которые мы и сегодня можем наблюдать в современной украинской жизни, ибо целью нашего повествования является не описание всех без исключения перипетий «имперской службы» запорожцев Германскому Рейху, а всего лишь скромная, но аргументированная констатация, что к концу XVI в. «казацья христианская республика», как называл это образование один из ее пламенных почитателей, уже существовала во всей красе.

Даже, добавлю – не только «республика», но и массовая украинская психология существовала! Ведь запорожцы и являлись ядром еще не родившейся тогда украинской нации с ее, так сказать, сильными и слабыми сторонами. Пусть эта вольница еще не называла себя украинцами, но она уже была ими в миниатюре – в зародыше. Та же жадность к деньгам, та же запальчивость, та же нехватка

уважения к «своему» начальству и отсутствие умения отстоять себя перед «чужим» – перед Европой, которой эти заризяки, готовые побросать в воду старшин, соглашались служить без предварительных условий, надеясь на одну только императорскую милость!

Поскольку уже в то время существовал обычай решать все вопросы на Раде и полностью сложилась казачья иерархия от гетмана («вождя») до есаула, то должен был пройти долгий путь развития этой удивительной политической системы. Год ее рождения не могли назвать даже сами запорожцы. Писаной истории и даже архива в привычном смысле этого слова они не имели. Даже суд вершили устно. Правами собственности не интересовались, тут же пропивая награбленное. В бюрократии не нуждались. А о том, откуда произошли, могли только рассказать старинные предания о первом казаке – некоем Семене, явившемся из Польши «для битья диких коз, кабанов и прочей дичины» и построившем кош у слияния Буга с Днепром. Примерно так поведали эту байку запорожские деды русскому князю Семену Мышецкому, побывавшему на Сечи в 1736 г. и оставившему одно из первых русских, а не немецких или польских описаний ее – «Историю о казаках запорожских».

Современные ученые считают все это легендой.

Но и уничтожение казачьей республики вызывает одни вопросы!

Взять хотя бы тот факт, что русские войска разогнали Запорожскую Сечь в середине июня 1775 г., а императорский указ о ее ликвидации последовал только 14 августа – почти через два месяца! Главным же обвинением, выдвинутым царицей запорожцам, было их злостное нежелание... жениться. Ну, кто рассказывает нашим детям ЭТО на уроках истории?

Указ Екатерины II, которым законодательно оформлялось уничтожение запорожского казачества, мало кто читал. Наши историки обычно отделываются общими фразами о лютой ненависти царицы к украинскому народу – но об этой ненависти в документе ни слова! Более

того, казаки «малороссийские» – то есть, живущие на территории Левобережной Украины, даже называются в нем «полезными гражданами», ибо пребывают в «естественном общежительстве», а вот запорожцев Екатерина рисует, не жалея черной краски, исчадиями ада!

По ее словам, они «в нравах и в образе правления ошетинились», «одичали в своих ущелиях и порогах» и стали «принимать без разбора в свое худое общество людей всякого сброда, всякого языка и всякой веры».

Документ, вышедший из-под пера матушки-императрицы, ничуть не напоминает те скучные бюрократические бумаги, коими осчастливливают нас современные политики. Он написан с чувством, с экспрессией и несет на себе явный отпечаток авторского стиля и возмущенной дамской психологии.

Если Екатерина II и не составила указ целиком, то, вне всякого сомнения, лично отредактировала некоторые особо ударные места. Явно по-женски царица недовольна, что казаки пребывают «в совершенной праздности, гнуснейшем пьянстве и презрительном невежестве», имеют «политически разнообразный и юродивый состав членов» и живут «от грабежа посреди окрестных народов», помышляя «оставить из себя посреди отечества область совершенно независимую под собственным своим неистовым управлением».

Главное, чем была недовольна «баба на троне» – это то, что казаки не хотели жениться! Они «приобвыкли к сей праздной холостой и беспечной жизни» и сделали из нее «неподвижный закон», решив «остаться навсегда в Сече на собственной воле» – то есть без женского присмотра.

Как всякую деспотичную даму, Екатерину возмущало, что запорожцы не обращают ни малейшего внимания на слабый пол. Ее изумляло, как при таких обычаях они не перевелись? Ведь должны же были, по причине отсутствия на Сечи баб! Вывод, к которому пришла царица, ломая голову над вопросом неистребимости запорожского поголовья, состоял в том, что сечевой образ жизни невероятно соблазнителен для мужчин, убегающих на

Запорожье. Значит, его нужно срочно запретить, дабы отрицателям семейных ценностей не было постоянного соблазна коптить небо, противясь намерению самого Бога, размножать человеческий род. Такая вот женская логика!

Весь год, предшествовавшей падению Запорожской Сечи, Екатерина переживала самый бурный роман в своей жизни – ее фаворитом стал Григорий Потемкин. Возраст у шалуни был критический. Ей исполнилось сорок пять. Сохранились сотни записочек, которыми обменивались влюбленные. «Гришенок бесценный, беспримерный и милейший на свете, – писала императрица, – я тебя чрезвычайно и без памяти люблю, друг милый, цалую и обнимаю душою и телом». Другие свидетельства состояния влюбленной не менее красноречивы: «Приди ко мне, чтоб я могла успокоить тебя бесконечной лаской моей». Екатерина называет Потемкина по-французски «*mon faisan d'or*» («мой золотой фазан»), а по-русски – «дорогие сладкие губки, жизнь радость, веселье».

В воскресенье 8 июля 1774 голубки тайно обвенчались в петербургской церкви св. Сампсония Странноприимца, а вскоре Екатерина II забеременела. Только этим фактом можно объяснить тот пыл, с которым императрица накинулась в своем скандальном указе на холостяков-запорожцев.

Как раз в промежутке между разгромом Сечи и появлением публичного известия о ее уничтожении на свет появилась дочь Потемкина и Екатерины – Елизавета Григорьевна. Это случилось 13 июля 1775 г. По сути, весь подготовительный период предательского удара по казачьим вольностям совпал с беременностью императрицы. Вот в таких условиях был «выношен» этот роковой указ, которым Екатерина Вторая поистине была беременна!

Как пелось в старинной казачьей песне: «Катерино, вража мати, що ж ти наробила? Степ веселий, край хрещений та й занапастила!».

Почему сечевики сдались без боя? За долгую историю запорожцы поучаствовали в десятках войн. Их охотно

нанимали на службу поляки, австрийцы, турки, молдаване, крымские татары, русские и даже французы. Одной из причин этого являлось то, что среди наемников своей эпохи запорожцы наиболее последовательно демпинговали.

В Европе не было более дешевого войска, согласного продать жизнь почти задарма. Тем не менее, с армией Екатерины II, летом 1775 г. обложившей Сечь, казаки драться отказались.

На первый взгляд, это необъяснимо. Свидетельств взятия казачьей столицы почти не осталось. С русской стороны имеется только указ императрицы, в котором сказано, что «нашим генерал-поруччиком Текеллием со вверенными от нас ему войсками занята Сечь Запорожская в совершенном порядке и полной тишине, без всякого от козаков сопротивления».

Со стороны сечевиков версия имеется всего одна. Да и та принадлежит впавшему в старческий маразм «бывшему запорожцу Коржу». Корж, доживший чуть ли не до ста лет, крепко подзабыл обстоятельства дела как всякий «ветеран». У деда случались провалы памяти, которые он заполнял фантастическими вставками. Как рассказывал этот «последний запорожец», трагедия случилась «за блаженной памяти Екатерины II, в котором именно году за давностью не помню, но по счету моему уже более пятидесяти лет тому».

Корж был неграмотный. Расспросить его ученым удалось только в XIX в. при внуке Екатерины Николае I. «Интервью» с Коржем опубликовали в Одессе в 1842 г. Дедуган в подробностях рассказал, какая сладкая была на Сечи жизнь, какие широченные и дорогущие штаны во времена его молодости носили запорожцы, но что касается сдачи в плен царской армии, то вспомнить он смог только то, что уговорил всех сложить оружие сечевой поп. Он заявил в церкви: «Убойтесь Бога! Вы христиане и подымаете руки против христиан! Вот вам крест и если вы его не послушаете, то все погибнете внезапно!».

Так как подняться в своем вольномыслии до уровня атеизма казаки не смели, то священника все послуша-

лись без обычных на Сечи многодневных дискуссий с выстраиванием в «коло» и ультиматум царского генерала приняли яко повеление высшей силы. В голосе попа запорожцам послышался глас самого Бога. По свидетельству Коржа, «вся старшина и войско» заплакали прямо возле церкви. Мол, супротив воли Господней не попрешь. Ибо она, как и сам Бог, вездесуща, какие бы у тебя не были широкие шаровары, в складках которых удобно прятаться бесам.

Одним словом, послушались старого попа. А жаль! Могли бы хоть раз повоевать бесплатно. Просто ради удовольствия. Сколько бы «москалей» уже никогда не увидели бы родимые березки средней полосы! Не говоря уже о генерале Текеллии – сербе по происхождению.

Зато все сказанное подтверждает, насколько важное значение имеет для успеха боевых действий агитация. Один бородатый безоружный поп разложил целое войско! Объявил ему психологическую войну и победил.

Через некоторое время императрица поняла, что с запорожцами погорячилась. Надвигалась новая война с Турцией. Южную границу империи кому-то надо было защищать. В январе 1788 г. Потемкин написал царице, что бывшие сечевики перевоспитались, в большинстве своем пережились и хотят отказаться от развратной жизни. Государыня ответила, что ей приятно это слышать. Так было образовано Черноморское казачье войско, прославившееся при взятии Очакова и Измаила. По окончании войны в письме из молдавских Ясс Потемкин даже обмолвился, что черноморские казаки – «бесценны».

Чтобы эти переименованные запорожцы не тосковали без дела и не теряли боевых качеств, их решили переселить на Кубань. Но Кубань населяла одна из татарских орд, застрявшая там после ликвидации Крымского ханства. Русскими войсками в этих местах командовал Суворов. Он решил дело просто. На татар натравили калмыков.

Те на радостях, что правительство разрешило «погулять», вырезали всех – даже малых детишек, и после

этого вернулись в свою Калмыкию. На освободившееся «жизненное пространство» Екатерина II переселила Черноморское войско вместе с женами. Там черноморцы семьдесят лет успешно уничтожали на Кавказе черкесов, способствуя распространению цивилизации. В 1860 г. их объединили с «москальскими» по происхождению казаками с Кавказской линии и новое войско назвали Кубанским. Там настоящие потомки запорожцев живут до сих пор, а в Украине их почти не осталось.

Очередная загадка, косвенно связанная с гибелью Запорожской Сечи, всплыла совсем недавно – в «оранжевое» пятилетие. Не известно точно, кому захотелось доказать, что последний кошевой («вождь», по терминологии Ляссоты) Запорожской Сечи Петро Калнышевский якобы мог приходиться отдаленным пращуром третьему президенту Украины Виктору Ющенко. Тем не менее, на выборах 2004 г. версия эта использовалась пропагандистами Виктора Андреевича, а один из пронырливых украинских режиссеров даже пытался выбить деньги на фильм о «предке» майданного «мессии».

Если бы Виктор Андреевич больше узнал о Калнышевском, ему, возможно, и не захотелось бы иметь такого родственничка. Несмотря на обет безбрачия, обязательный для запорожцев, руки Калнышевского постоянно что-то крали. Кому он собирался все это передать – неизвестно. Наверное, просто страдал манией накопительства. Как утверждал известный украинский советский историк Владимир Голобуцкий, на момент сдачи в плен Калнышевский владел панским домом со стеклянной верандой в пятидесяти километрах от Сечи и мог за раз продать четырнадцать тысяч овец по два рубля за голову. По меркам XVIII в. это гигантская сумма! Можно только вообразить, как эксплуатировал этот «бессеребренник» рядовых холостых запорожцев, чтобы плодились и размножались его бараны!

На Сечи последнего кошевого ненавидели за привычку выдавать своих политических противников на расправу царскому правительству и махление с нормами каза-

чьей демократии. Псевдородственник Виктора Ющенко постоянно прибегал к подтасовкам и админресурсу. Однажды ему даже пришлось бежать во время выборов, переодевшись в монашескую одежду, чтобы остаться целым. Пожелав вернуть должность, Калнышевский даже обстреливал Сечь в 1768 г. с помощью русской артиллерии! В конце концов, этот прохиндей надоел не только казакам, но и императрице с Потемкиным.

Другой украинский историк (дореволюционный) Адриан Кашенко даже заметил как-то, что во времена расцвета Сечи такого кошевого «вкинули б у річку». Вообще же всем энтузиастам в нашей стране, ждущим больших перемен от политиков, напомним в легкоусвояемой стихотворной форме:

Вже скоро вибори
Нам обіцяють все –
Що навіть півень
Яйця золоті знесе.

Так на Січі міняли кошового
І думали, що новій буде кращий.
А він все пив та крав,
Бо не була інакше...

Это о Калнышевском и его духовных потомках.

Что же касается прямого родства с Ющенко, то его нет и быть не может, так как сечевой казнокрад просто не был женат. Разве что байстрюки какие-то у него были... Но где же вы найдете байстрюка с документами, что он байстрюк, а не рожденный в законном браке?

И все же Екатерина была права!

И все же... Сечь не могла не погибнуть! В конце XVIII в. «пиратскую республику» казаков было необходимо реформатировать. Она уже не вписывалась в исторический процесс. Исчез ее главный враг – Крымское ханство. Причем благодаря все той же Екатерине Великой.

Странно, почему опереточные казачки, съехавшиеся в Одессу в 2007 г., так протестовали против восстановления

памятника Екатерине II? Не будь этой Екатерины, ездили бы они не в Одессу, а в турецкий Хаджибей, находившийся точь-в-точь на том же месте. Да и то, если бы их турки пустили за деньги! Как сегодня пускают украинских туристов в Анталию.

Хороших людей у нас обычно не помнят. Любят прославлять предателей и негодяев. Что хорошего сделал для Украины тот же последний кошевой атаман Запорожской Сечи Калнышевский? Может, он завоевал для нас Дикое Поле? Нет, это сделали «екатерининские орлы» Румянцев и Суворов. Может, Днепропетровск основал? Тоже нет! Сей подвиг градостроительный совершил фаворит Екатерины II князь Потемкин. Давно бы, кстати, пора Днепропетровску исконное название Екатеринослав вернуть! Или в Потемкинск-Таврический переименовать!

Тогда, возможно, благодаря Калнышевскому оказалась в наших руках Правобережная Украина? Так об этом гипотетический «родственник» Виктора Ющенко даже не помышлял. Это сделала все та же «вража мати» Екатерина, откусив от Польши по третьему ее разделу исконные земли Киевской Руси.

Ей-богу, я б эту императрицу за все ее добрые дела на украинские деньги поместил. Прямо на двухсотенную купюру! Вместо Леси Украинки, чьей «Лесной песней» с чертяками и мавками детей в школе пугают. Ибо широко мыслила царь-баба! И так же широко свои замыслы в жизнь воплощала.

Ко времени вступления Екатерины II на российский престол автономная Малороссия пребывала в блаженном ничегонеделании. Гетман Кирилл Разумовский в основном жил в Петербурге, предаваясь отвлеченным мечтаниям. Почему-то особенно ему хотелось открыть в Батурине университет и превратить свое гетманское достоинство в наследственный титул.

Простые же малороссияне в основном посвящали себя самогоноварению. Все леса на винокурный промысел перевели. Да так лихо, что даже гетманское правительство обеспокоилось. В 1761 г. Разумовский издал первый в

Украине универсал против алкоголизма. «Малороссияне, – гласил он, – не только пренебрегают земледелием и скотоводством, от которых проистекает богатство народное, но еще, вдаваясь в непомерное винокурение, часто покупают хлеб по торгам дорогою ценою не для приобретения каких-либо себе выгод, а для одного пьянства, истребляя лесные свои уголья и нуждаясь оттого в дровах, необходимых к отопливанию их хижин».

Славные запорожцы тоже, как говорится, разложились. Время смелых походов для них закончилось. «Чаек» больше не строили, о дальних пиратских набегах на Кафу и Стамбул даже не мечтали. В основном казаки занимались теперь рыбной ловлей и разведением скота, а самыми великими подвигами считали угон табуна у пограничных ногайских татар или гайдамацкий набег на соседнюю польскую Правобережную Украину.

Даже «столица» их производила весьма жалкое впечатление. В 1766 г. ее описал русский чиновник Василий Чернявский, заметивший, что «Запорожская Сечь есть небольшой палисадником огороженный город, заключающий в себе одну церковь, тридцать восемь так называемых куреней и до пятисот казачьих, торговых и мастеровых домов». Находилась она всего в пятнадцати верстах от крымской границы. Но ни татары наших «православных рыцарей» особенно не задирали, ни «рыцари» татарам кочевую жизнь не портили. Две породы полудикарей, уставшие от многовековой вражды, мирно паслись по обе стороны трудноопределяемой степной границы, где не было ни столба, ни контрольно-следовой полосы, ни колючей проволоки.

Турок такое сонное царство устраивало. Дипломатическая переписка середины XVIII в. показывает, что местные турецкие паши занимались в основном тем, что подыхали от провинциальной скуки. Об этом свидетельствуют, например, документы Киевской археографической комиссии. Скажем, в 1749 г. бендерский паша просил киевского генерал-губернатора Леонтьева прислать к нему в Бендеры купца с соболиными мехами. В 1766 г.

еще один паша из тех же Бендер – Хаджи Ибрагим – обратился к польскому князю Любомирскому с просьбой подарить ему две своры гончих псов.

Естественно, любой нормальный человек разогнал бы эту банду турецких рэкетигов, выпрашивающих меха и собак. Удалось это только Екатерине II. Помог случай. В 1768 г. в разгар знаменитой Колиивщины банда гайдамаков во главе с атаманом Шило с польской Украины налетела на пограничный городок Балта (сейчас это в Одесской области) и ограбила его. За речушкой Кодыма находилась турецкая слобода Галта. Оттуда, прослышав о легкой добыче, турки набежали на соседнюю Балту и тоже немножко почистили местных обывателей. Гайдамаки от души (если, конечно, у них была душа?) обиделись. Они считали Балту своей подконтрольной территорией и в ответ, перейдя через речку, грабанаули Галту.

Из-за двух населенных пунктов, названия которых отличались друг от друга всего одной буквой, разгорелся международный конфликт. Правительство султана в Стамбуле во всем обвинило Петербург, якобы подстрекавший гайдамаков. Посол Екатерины II Обрезков резонно возражал, что гайдамаки – вообще не русские подданные, а польские. Но султану почему-то захотелось махать саблей, и в результате вспыхнула русско-турецкая война, в которую перерос «галто-балтский» конфликт.

Некоторые историки утверждают, что виною открытия боевых действий было турецкое женоненавистничество. Якобы падишаху очень не нравилось, что соседней империей управляет какая-то баба, место которой, по его логике, было в гареме. К тому же он узнал, что Екатерина II пропихнула своего любовника Станислава Понятовского на польский трон. Из этого факта диванные «аналитики» в Стамбуле (правительство султана называлось по-турецки «Диван») сделали вывод, что русская царица собирается выйти за Понятовского замуж и объединить оба христианских государства на основе персональной унии. Предположение – бредовое. Тем не менее, именно этот страх турок, плохо разбиравшихся во внутренних

христианских противоречиях, породил открытие военных действий.

Оказалось, что у бабы-царицы имеются отличные полководцы и бодрые кровожадные солдаты, способные воевать только на хлебе и водке. К баталиям в Причерноморских степях Россия была настолько готова, что расколотила турецкую армию в пух и прах буквально в первых сражениях. Только чалмы с басурманских голов летели.

Летом 1770 г. 27 тыс. русских во главе с генералом Румянцевым при 255 орудиях столкнулись в Молдавии на речке Кагул со 150 тыс. турок и 80 тыс. татар. Несмотря на почти десятикратное превосходство в живой силе, янычары бросились наутек. Все решила превосходная русская артиллерия и боевой порыв пехоты. Как говорили пленные турки: «Русские поражают нас огнем, как молнией». Среди них даже распространился слух, что в армии царицы есть пушки, которые стреляют «без участия прислуги». Передовая Европа разгромила отсталую Азию.

Результатом этой победы был мирный договор, по которому Крымское ханство объявлялось независимым, а граница между Россией и Турцией устанавливалась по Южному Бугу. Впервые Дикое Поле из вотчины кочевников становилось потенциальной житницей для земледельческого славянского населения. Туда, где столетиями ездил только татарин с табунами лошадей, наконец, пришла цивилизация. Толпы мужиков-малороссиян двинулись в целинные Таврические степи...

Так кто оказался более Украине ценен – бездельники-запорожцы или все-таки Екатерина II? Уверен, конечно же, матушка Екатерина! Именно для великих дел нужны такие великие люди, встречающиеся иногда даже среди особ слабого и вздорного женского пола.

Любвеобильность Екатерины известна всем. Соратники ее не только не отставали от императрицы, но даже превосходили ее в буйном проявлении чувств. Победитель турок при Кагуле фельдмаршал граф Румянцев-Заду-

найский отличался, кроме полководческого таланта, еще и необыкновенным плотским аппетитом. Как писал еще в XIX в. его биограф Дмитрий Бантыш-Каменский в книге «Биографии российских генералиссимусов и генерал-фельдмаршалов», Румянцев «удальством превосходил товарищей, пламенно любил прекрасный пол и был любим женщинами, не знал препятствий и часто, окруженный солдатами, в виду их, торжествовал над непреклонными».

Скандалное поведение будущего героя шокировало предшественницу Екатерины II на русском престоле Елизавету Петровну. «Проказы Румянцева, доведенные до высочайшего сведения», по словам того же Бантыш-Каменского, даже заставили императрицу Елизавету отправить капитана-проказника к отцу-генералу, чтобы тот «как отец наказал его». Обычные дисциплинарные меры на шалуна не действовали!

Значительную часть жизни фельдмаршал провел на Украине, заменив гетмана Разумовского в качестве ее правителя – президента Малороссийской коллегии. Правил мудро. Особенно допекал взяточников. Любил жить в своем поместье под Киевом, где удил карасей, приговаривая: «Наше дело города пленить да рыбку ловить». Остепенившись в зрелые годы, женился на княжне Голицыной и имел трех сыновей, но род его по мужской линии пресекся в 1838 г.

Похоронили Румянцева в Киево-Печерской Лавре в Успенском соборе. После взрыва 1941 г. его гробница была разрушена, как и захоронения митрополита Петра Могилы и знаменитого защитника православия князя Константина Острожского.

В 1783 г. Екатерина II, воспользовавшись плодами румянцевских побед, издала манифест «О принятии полуострова Крымского под Российскую державу». Хан лишился власти. Севастополь становился базой русского флота. Все завоеванные у татар земли стали называть Новороссией.

Обычно считается, что Екатерина II была убежденной сторонницей крепостничества. Это не совсем так. Она

ЗАПРЕТИЛА обращать в крепостное состояние завоеванных крымских татар и искать в Новороссии беглых помещичьих крестьян. Делалось это, чтобы заселить новые земли. Фактически возникла свободная зона, куда бросились переселенцы со всей империи и расположенных по соседству стран. В 1780 г. эмигрировавшие из Крыма греки основали город Мариуполь. В низовьях Днепра как судостроительная верфь возник Николаев, где уже в XX в. будут построены броненосец «Потемкин», дредноут «Императрица Мария», крейсер «Варяг» и ВСЕ советские авианосцы.

Главным городом Новороссии планировалось сделать Екатеринослав, который фаворит императрицы Потемкин задумал как южный соперник Петербурга.

За десять лет в Новороссию переселилось из Украины, Польши и исконных великорусских губерний почти сто тысяч человек. Местным властям было запрещено интересоваться их происхождением. Указ Екатерины просто приказывал «без всякой огласки приписывать бродяг к городским и сельским обществам, смотря по их состоянию». Сюда же разрешили переселяться евреям из Польши, которые составили значительную часть населения возникшей в 1794 г. Одессы. Так на древнегреческий манер переименовали завоеванную турецкую крепость Хаджибей.

Благодаря Екатерине появился и такой феномен, как малороссийское дворянство. При Богдане Хмельницком в 1654 г. царю присягнуло всего три сотни шляхтичей. По сути, до Екатерины II Украина так и жила, не имея своего «благородного сословия». Ликвидировав Гетманщину, царица щедро наградила верхушку казачества дворянскими титулами.

Уцелело и само казачье сословие, о чем мало, кто помнит! До самого 1917 г. на Украине существовали казачьи села, жители которых никогда не знали крепостного права. Дворянином же можно было стать двумя способами: либо оформив законодательно права на свои поместья, что сделали самые богатые из старшины, либо

поступив в русскую армию и дослужившись до первого офицерского чина.

При Екатерине II дворянство можно было получить, став всего лишь прапорщиком или корнетом. Так как войны шли почти непрерывно, а малороссийских казаков охотно брали в кавалерию, то этот путь был широко открыт. Например, именно так получил дворянство основоположник украинской литературы Котляревский, поступивший на службу в Северский карабинерный полк.

Вскоре новое малороссийское дворянство – Галаганы, Тарновские, Закревские, Кочубеи, Безбородки, Скоропадские – уже ничем не уступало по богатству правобережной польской шляхте. Вместо бандитских куреней, где буянили чубатые «рыцари» в грязных шароварах, Малороссия украсилась «дворянскими гнездами» – усадьбами и дворцами, породившими то, что сегодня называется классической украинской культурой, а во времена Шевченко именовалось культурой малороссийской.

Человек и его дело

(Вместо послесловия)

Константин ЗАТУЛИН,
директор Института стран СНГ,
войсковой старшина
Кубанского казачьего войска

Столетиями пустынные степи Причерноморья извергали лишь грабительские орды и рабские караваны. Но в XVIII веке – «столетьи безумном и мудром» – наши предки начали небывалое дело, отправляя в Лету Дикое поле. По своему масштабу и последствиям для судьбы восточных славян возникновение Новороссии, присоединение Крыма, приведшие к расцвету всего Юга тогдашней Российской империи, – ничуть не меньшее событие, чем открытие Америки Колумбом или первый полет человека в космос. Совершенно замечательное место в этой эпопее занимает «Великое путешествие» императрицы Екатерины II в 1787 году, убедившее друзей и врагов, что русские и малороссы пришли или, точнее, вернулись в эти места всерьез и надолго. Навсегда.

Ни в скромном историческом очерке, ни в сборнике научных трудов не исчерпать значения принятых в ходе этой поездки важнейших государственных решений, направленных на освоение и мирное развитие присоединенных к Империи земель, строительство новых городов, дорог, поощрение хозяйственной деятельности, искусств и ремесел. На месте хуторов, военных лагерей, а иногда и в чистом поле возникли города, без которых невозможно себе представить дальнейшую историю России

и Украины (Днепропетровск (Екатеринослав), Херсон, Николаев, Симферополь, Севастополь, Ростов-на-Дону, Одесса, Тирасполь и др.). Был создан Черноморский флот, судьба которого в наши дни остается знаковой для характеристики отношений между двумя соседними славянскими государствами. Путешествие Екатерины II стало демонстрацией новой мощи и возможности страны, задавало на годы вперед вектор внешней и внутренней политики государства.

Екатерина была мудра. Через год после путешествия, 27 мая 1788 года, отвечая тайному супругу и явному главному герою своего царствования князю Григорию Потемкину на предложение оставить Крым, высказанное в полосу неудач и черной меланхолии, императрица скажет: «На оставление Крыма, воля твоя, согласиться не могу... Когда кто сидит на коне, тогда сойдет ли с одного, чтоб держаться за хвост?» Как не похожа эта радетьельница о будущем государства, которой не только Россия, но и современная Украина обязана доброй третью, если не половиной своей территории, на скудоумные карикатуры в некоторых современных учебниках, сводящие всю ее роль в истории к «ликвидации казачьей державы»! Никакой «казачьей державы», утонувшей в Руине XVII века, по времени ее восшествия на престол не было и в помине. Запорожская сечь перестала существовать, оставшись в глубоком тылу. Настоящие казаки, в том числе мои предки, во времена Екатерины верой и правдой служили, проливая на границе, под Очаковым и Измаилом кровь за Веру, Царицу и Отечество: именно тогда, например, было основано Кубанское казачье войско.

Богатая, процветающая Новороссия, как и оболганные «потемкинские деревни», не была миражом – да, это было чудо, но чудо рукотворное. Европа была поражена: во Франции, Пруссии, Англии и Австрии не могли поверить, что столь быстро, как по мановению волшебной палочки можно создать подобное. Вольтер писал: «Нужно ехать в Россию, чтобы увидеть великие события... На земле нет примера иной нации, которая достигла бы таких успехов во всех областях и в столь короткий срок!»

Дела давно минувших дней, преданье старины глубокой... Нет, не только. История тогдашней Новороссии, – то есть современных п р о и з в о д я щ и х областей Украины и России, – это история и апология двуязычия, ибо эта территория заселялась как крестьянами Левобережья Украины, так и великорусских губерний. История Новороссии – это опровержение тем, кто пытается строить Украину (или Россию) наперекор общим корням, единству Православной церкви, без славянского братства и взаимного уважения. История Новороссии и само имя Новороссии – это обличение тех, кто мыслит Украину без России и Россию без Украины. И без Белоруссии.

Эти силы, если одержат верх, превратят Украину, а затем и Россию не в «европейское государство», а в «Дикое поле», – плацдарм для набегов, через банки и интернет, на русских, украинцев и белорусов. На нашу историю, культуру, духовность, природные ресурсы, достижения науки и промышленности. И не на пользу окажется путь, пот, кровь и слезы наших прадедов и прабабок 225 лет назад.

Не позволим.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

ЗООИД – Записки Одесского общества истории и древностей

ИТУАК – Известия Таврической ученой архивной комиссии

ОР РГБ – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки

ПСЗ – Полное собрание законов Российской империи. Изд. 1-е. СПб., 1830.

РА – Русский архив

РГА ВМФ – Российский государственный архив военно-морского флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив

РС – Русская старина

Сб. ВИМ – Сборник военно-исторических материалов

Сб. РИО – Сборник императорского русского исторического общества

Примечания

¹ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII в. СПб., 1887. С. 5–6.

² Мачанов А.Е. Борьба царской России и Турции за обладание Крымским ханством. Симферополь, 1929. С. 37.

³ Дружинина Е.И. КючукКайнарджийский мир 1774 года (его подготовка и заключение). М., 1955. С. 294.

⁴ Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. 1. Симферополь, 1951. С. 78.

⁵ Непомнящий А.А. Отечественная дореволюционная историография о геополитических интересах России по отношению к Крыму // Проблемы материальной и духовной культуры народов Крыма и Северного Причерноморья от античных времен до наших дней. Материалы первых научных чтений 14–15 ноября 1996 года. Симферополь, 1996. С. 46; Масаев М.В. Присоединение Крыма к России. Симферополь, 1997. С. 29.

⁶ Крючков А.В. Присоединение Крыма к России и начальный этап его включения в общеимперское пространство (последняя треть XVIII – начало XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. С. 13.

⁷ Реза С.М. Семь планет. Казань, 1852. С. 106–107.

⁸ Подробнее об этом типе взаимоотношений Османской империи и Крымского ханства см. Inalcik H. Yeni vesikalara gore Kirim Hanliginin osmanli tabligune girmesi ve ahidname meselesi // Belleten. Vol. VIII. № 29–32. Ankara, 1944. P. 185–229.

⁹ Крючков А.В. Указ. соч. С. 47.

¹⁰ Возгрин В.Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 224.

¹¹ Там же. С. 225.

¹² Санин Г.А. Порты, Крым и страны Восточной Европы в 50–60-е гг. // Османская империя и страны Центральной, Восточной и ЮгоВосточной Европы в XVII в. Ч. II / Отв. ред. Г.Г. Литаврин. М., 2001. С. 29–30.

- ¹³ Тепкеев В.Т. Калмыцкокрымские отношения в XVIII веке (1700–1771 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 18.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. 1654 г. Д. 37. Л. 62.
- ¹⁵ Новосельский А.А. Исследования по истории эпохи феодализма. М., 1994. С. 74–75.
- ¹⁶ Загоровский В.П. Белгородская черта. Воронеж, 1969. С. 279; Новосельский А.А. Указ. соч. С. 74–75; Санин Г.А. Указ. соч. С. 56–65.
- ¹⁷ Санин Г.А. Крым в геополитике и войнах России XV–XIX вв. // Москва – Крым: Историко-публицистический альманах. № 1. М., 2000. С. 167.
- ¹⁸ Подробнее см.: Санин Г.А. Порты, Крым и страны Восточной Европы... С. 66–68.
- ¹⁹ РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 10. Л. 150 об, 151.
- ²⁰ Кинросс Л. Расцвет и упадок Османской империи. М., 1999. С. 676.
- ²¹ Подробнее см.: Загоровский В.П. Изюмская черта. Воронеж, 1980.
- ²² Возгрин В.Е. Указ. соч. С. 224.
- ²³ Санин Г.А. Некоторые проблемы истории Крымского ханства в XVII в. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 1993. С. 227.
- ²⁴ Крым: прошлое и настоящее / Отв. ред. С.Г. Агаджанов, А.Н. Сахаров. М., 1988. С. 28.
- ²⁵ Холдырева Г. Значение крымских походов 1687 и 1689 гг. Взаимоотношения России и Украины с Крымским ханством 1686–1689 гг. // Крымский полуостров в геополитических планах от античных времен до наших дней. Симферополь, 1995. С. 52.
- ²⁶ «Око всей великой России». Об истории русской дипломатической службы XVI–XVII веков / Под ред. Е.В. Чистяковой. М., 1989. С. 219.
- ²⁷ Санин Г.А. Внешняя политика России во второй половине XVII века // История внешней политики России. Конец XV–XVII век (от свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999. С. 342.
- ²⁸ Широкоград А.Б. Русскотурецкие войны 1676–1918 гг. / Под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск, 2000. С. 61.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. 1694 г. Д. 311. Л. 1.

³⁰ См. подробнее: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. VIII. Памятники дипломатических сношений с Римскою империей (с 1695 по 1699 год). 25 июня 1698 г. Запись переговоров Петра I с канцлером Кинским. СПб., 1864. С. 1355; Гриневский О.А. Прокофий Возницын, или мир с турками. Документальная повесть из истории русской дипломатии. М., 1992. С. 119; Санин Г.А. Эволюция южного направления внешней политики Руси и России в IX–XVIII вв. Зарождение проблемы черноморских проливов // Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия) / Отв. ред. Л.Н. Нежинский, А.В. Игнатъев. М., 1999. С. 34.

³¹ Текст договора опубликован: ПСЗ. Т. IV. № 1804. Достаточно подробный разбор Константинопольского трактата дан в исследовании: Павленко Н.И. Петр I. М., 1976. С. 84–86.

³² Санин О.Г. Антисултанская борьба в Крыму в начале XVIII в. и ее влияние на русскокрымские отношения // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Вып. 3. Симферополь, 1993. С. 275.

³³ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 693.

³⁴ История внешней политики России. XVIII век (от Северной войны до войн России против Наполеона). М., 2000. С. 33.

³⁵ Андреев А.Р. История Крыма. М., 2000. С. 205.

³⁶ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958. С. 58.

³⁷ Возгрин В.Е. Указ. соч. С. 239, 240.

³⁸ Санин О.Г. Указ. соч. С. 277.

³⁹ Молчанов Н.Н. Дипломатия Петра Великого. М., 1991. С. 229.

⁴⁰ См. подробнее: Тепкеев В.Т. Указ. соч. С. 28.

⁴¹ РГАДА. Ф. 124. Оп. 3. 1705. Д. 1384. Л. 1 об.

⁴² См. подробнее: Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. С. 203.

⁴³ Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история: популярный очерк. IX – середина XVIII в. М., 1992. С. 637.

⁴⁴ Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты в XVIII в. до присоединения его к России / Отв. ред. С.Ф. Орешкова. М., 2005. С. 16.

⁴⁵ Межевая запись от 13 июля 1713 г. (№ 2834) О разграничении Российского государства с Турецким // ПСЗ. Т. V. № 2831.

⁴⁶ Fisher A. W. The Russian Annexation of the Crimea (1772–1783). Cambridge University press, 1970. P. 22–23.

⁴⁷ Андреев А.Р. Указ. соч. С. 208.

⁴⁸ Сотавов Н.А. Северный Кавказ в русско-иранских и русско-турецких отношениях в XVIII в. (От Константинопольского договора до Кючук-Кайнарджийского мира 1700–1774 гг.). М., 1991. С. 85.

⁴⁹ Саламова Н.А. Кавказ и Причерноморье в русско-турецких отношениях: от Каспийского похода Петра I до присоединения Крыма к России (1722–1783 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2007. С. 59.

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 89. 1732. Д. 5. Л. 227; HammerPurgstall J. von. Geschichte des Osmanischen Reiches. Bd. 1–10. Pest., 1827–1835. Bd. IV. S. 442.

⁵¹ Смирнов В.Д. Указ. соч. С 57.

⁵² Наиболее подробный и систематический анализ Немировского конгресса дан в монографии: Кочубинский А. Граф Андрей Иванович Остерман и раздел Турции. Из истории Восточного вопроса. Война пяти лет (1735–1739). Одесса, 1899. С. 205–526.

⁵³ Трактат, между Российским и Турецким двором, заключенный в лагере при Белграде от 18 сентября 1739 г. (№ 7900) О вечном между обоими дворами мире и согласии // ПСЗ. Т. X. № 7900.

⁵⁴ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 71.

⁵⁵ Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство в 40–60-х годах XVIII века // Российская история. 2009. № 6. С. 148.

⁵⁶ Кабузан В.М. Заселение Новороссии (Екатеринославской и Херсонской губерний) в XVIII – первой половине XIX века (1719–1858 гг.). М., 1976. С. 100, 52.

⁵⁷ Хоменок О.С. Отделение ногайских орд от Турции (1768–1772) // Крымский музей. 1994. № 1. С. 24.

⁵⁸ Дейников Р.Т. Присоединение Крыма к России в конце XVIII столетия как естественно-исторический процесс // Москва – Крым: Историкопублицистический альманах. № 3. М., 2001. С. 53.

⁵⁹ Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II. Часть 1-я (годы с 1762 по 1764) // Сб. РИО. Т. 48. СПб, 1885. С. 517.

⁶⁰ Кинрос Л. Указ. соч. С. 425–426.

⁶¹ Подробнее см.: Дейников Р.Т. Россия, Турция и Крымское ханство... С. 150–151.

⁶² Подробнее см.: Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 83.

⁶³ АВПРИ. Ф. 123. 1762 г. Д. 4. Л. 1–6. Доклад опубликован: О Малой Татарии. Доклад императрице Екатерине II по вступлении ея на престол, изображающий систему Крымских Татар, их опасность для России и претензию на них // ИТУАК. 1916. № 53. С. 190–193.

⁶⁴ Кинросс Л. Указ. соч. С. 427.

⁶⁵ АВПРИ. Ф. 89. 1763. Д. 336. Л. 91, 104, 104 об.

⁶⁶ Скальковский А. Историческое введение в статистическое описание Бессарабской области // Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Ч. 13. С. 21–23.

⁶⁷ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 743. Ч. 1. Л. 49.

⁶⁸ Туполев Б.М. Фридрих II, Россия и первый раздел Польши // Новая и Новейшая история. 1997. № 5. С. 192.

⁶⁹ Дейников Р.Т. Присоединение Крыма... С. 57.

⁷⁰ Справедливости ради, необходимо отметить один немало-важный факт, который, иногда, упускается отечественными исследователями из виду. Дело в том, что после успешного для России польского сейма февраля 1768 г. российский посол в Стамбуле заверил османское правительство в скором выводе войск из Польши. Но вместо этого российские войска, проводящие операции против конфедератов, неизбежно приближались к турецким границам и взяли под контроль мощную пограничную крепость Каменец-Подольский. Совершенно очевидно, что этот факт, как и военное укрепление России на Кавказе и на Нижнем Дону, было воспринято правящей верхушкой Османской империи как прямая угроза национальной безопасности.

⁷¹ История внешней политики России. XVIII век. С. 117.

⁷² Сотавов Н.А. Указ. соч. С. 157.

⁷³ Там же. С. 158.

⁷⁴ Архив Государственного Совета. Т. I. Совет в царствование императрицы Екатерины II (1768–1796). Ч. I. Отделение историческое. СПб, 1869. Стб. 7.

⁷⁵ АВПРИ. Ф. 89. Д. 8. 1769. Л. 123.

⁷⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 106.

⁷⁷ Подробнее см.: Чечулин Н.Д. Внешняя политика России в начале царствования Екатерины II (1762–1774). СПб., 1896. С. 332.

⁷⁸ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 106.

⁷⁹ Кидирнязов Д.С. Ногайцы в XV–XVIII вв. (политические, экономические и культурные аспекты взаимоотношений с сопредельными странами и народами): Дисс. ... д-ра ист. наук. Махачкала, 2001. С. 482.

⁸⁰ Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина // РА. 1878. № 9. С. 452.

⁸¹ Масаев М.В. Указ. соч. С. 110.

⁸² Петр Бакунин-меньшой – в то время статский советник Коллегии иностранных дел, ближайший сотрудник канцлера Н.И. Панина.

⁸³ Хоменок О.С. Указ. соч. С. 25.

⁸⁴ Петр Веселицкий – в то время надворный советник Коллегии иностранных дел. Как сейчас бы сказали, специалист по Крымскому ханству. Будущий посланник в Бахчисарае.

⁸⁵ Из бумаг графа Никиты Ивановича Панина. С. 460.

⁸⁶ Подробнее см.: Протокол заседания Государственного совета России от 15 марта 1770 г. // Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 1. Стб. 44–45.

⁸⁷ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 111.

⁸⁸ Грибовський В.В. Обставини та хід переміщення причорноморських ногайців до ПівнічноЗахідного Кавказу на початку 70х років XVIII ст. [Електронна версія] // URL: <http://www.ukrterra.com.ua/developments/history/su/grybovsky.htm> (дата обращения 09.07.2011).

⁸⁹ Мадариага И де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 341–342.

⁹⁰ Саламова Н.А. Указ. соч. С. 131.

⁹¹ Масаев М.В. Указ. соч. С. 121.

⁹² Цит. по Хоменок О.С. Указ. соч. С. 28.

⁹³ Подробнее см. Грибовський В.В. Ногайські орди Північного Причорномор'я у XVIII – на початку XIX століття: дис. ... канд. іст. наук. Запоріжжя, 2006. С. 174–176.

⁹⁴ Высочайшие рескрипты императрицы Екатерины II и министерская переписка по делам Крымским. Из семейного архива графа В.Н. Панина. Ч. 1. М., 1872. С. 2.

⁹⁵ Цит. по: Масаев М.В. Указ. соч. С. 124.

⁹⁶ Саламова Н.А. Указ. соч. С. 138.

⁹⁷ Дипломатическая переписка Императрицы Екатерины II, часть 6-я (годы с 1769 по 1771) // Сб. РИО. Т. 97. СПб., 1896. С. 408.

⁹⁸ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 125.

⁹⁹ Масаев М.В. Указ. соч. С. 125.

¹⁰⁰ Цит. по: Лупанова М.Е. Крымская проблема в политике Екатерины II. Рязань, 2006. С. 82.

¹⁰¹ Орешкова С.Ф. Крымское ханство в 70-е годы XVIII в. // Вопросы истории. 2008. № 7. С. 123.

¹⁰² Подробнее о ходе переговоров см.: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 189–247.

¹⁰³ Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В. ...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М., 2005. С. 244–245.

¹⁰⁴ См. Подробнее: Тепкеев В.Т. Указ. соч. С. 115, 117–118.

¹⁰⁵ Цит. По: Цюрюмов А.В. Участие калмыков в русско-турецкой войне 1768–1774 гг. // Вестник Калмыцкого университета. Вып. 1. Элиста, 2000. С. 26.

¹⁰⁶ Подробнее см.: Рознер И.Г. Яицкое казачество накануне крестьянского восстания 1773–1775 гг. // Вопросы истории. 1958. № 10. С. 97–112.

¹⁰⁷ Подробнее см.: Карасев А.А. Атаман Степан Данилович Ефремов в 1753–1772 годах // Исторический вестник. 1902. Т. IX. С. 871–883.

¹⁰⁸ Смирнов В.Д. Указ. соч. С. 130.

¹⁰⁹ Мальгин А.В., Кротов А.И. Война после войны. Забытый эпизод русско-турецкой кампании 1768–1774 годов // Историческое наследие Крыма. 2009. № 24. [Электронная версия] // URL: <<http://www.commonuments.crimeaportal.gov.ua/rus/index.php?v=1&tek=111&par=74>> (дата обращения 09.01.2011 г.).

¹¹⁰ Державний архів в Автономній Республіці Крим. Ф. 535. Оп. 1. Д. 861. Л. 24.

¹¹¹ Наиболее полным, лишенным идеологических клише исследованием по теме является, пожалуй, монография: Alexander J.T. The Politics of Autocracy in a National Crisis:

the Imperial Government and Pugachev's Revolt, 1773–1775. Bloomington, 1969.

¹¹² Подробнее см.: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 254–256.

¹¹³ Подробнее см.: Рескрипт Екатерины II к генералу фельдмаршалу графу Румянцеву от 17 января 1774 г. / Приложение к кампании 1774 г. № 1. // Петров А. Война России с Турцией и польскими конфедератами. С 1769–1774 год: в 5 т. Т. V. Год 1774. СПб., 1874.

¹¹⁴ Там же. С. 6.

¹¹⁵ Османские предложения о мире представлены в Переводе письма верховного визиря к Генерал-Фельдмаршалу Графу Румянцеву с Переводом мирных артикулов присланных от верховного визиря к генералу-фельдмаршалу гр. Румянцеву / Приложение к кампании 1774 года № 9 // Там же.

¹¹⁶ Подробнее см.: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 264–266.

¹¹⁷ См.: Копия письма Генерала Фельдмаршала Гр. Румянцева Оттоманской Порты к верховному визирю Муссун-Заде Мегмет-Паше, от 28 июня 1774 г. / Приложение к кампании 1774 года № 27 // Петров А. Указ. соч.

¹¹⁸ Журнал, веденный с прибытия гг. Уполномоченных Министров Верховным Визирем, Ахмета-Ресми, Кегайбей Нишанджи-Эфендия и Ибрагима-Муниба, Рейс-Эфендия, на конгрессе, в деревню Бию-Кайнарджи, до отъезда их, Полковником и Кавалером Петерсоном // Архив Военно-походной канцелярии графа Румянцева-Задунайского. Часть 2-я. С. 311–330.

¹¹⁹ Кючук-Кайнарджийский мирный договор между Россией и Турцией // Под стягом России: сборник архивных документов. М., 1992. С. 78–92. Прекрасный анализ статей договора и его значение представлены в главе IX монографии: Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 278–307.

¹²⁰ Наиболее полно ситуация обрисована в статье: Мальгин А.В., Кротов А.И. Указ. соч.

¹²¹ Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления / Под ред. С.Г. Агаджанова, В.В. Трепавлова. М., 1998. С. 31.

¹²² Мустафаев Ш.У. Эволюция самосознания – взгляд изнутри // Крымские татары: проблемы репатриации. М., 1997. С. 22.

¹²³ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 110–113.

¹²⁴ Архив Государственного Совета. Т. 1. Ч. 1. Стб. 286.

¹²⁵ Подробнее см.: Лобжанидзе Ф.А. Ногайцы Северо-Западного Кавказа во внешней политике России во второй половине XVIII – 20-х годов XIX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Махачкала, 2006. С. 92.

¹²⁶ Подробнее см.: Дейников Р.Т. От вассального ханства Османской империи до Таврической губернии в составе России // Отечественная история. 1999. № 2. С. 82.

¹²⁷ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 325.

¹²⁸ С подачи Порты, например, велась активная антиросийская деятельность на территории Крыма; турецкие корабли постоянно курсировали у берегов полуострова; султан, наконец, не признавал Шагин-Гирея ханом, а главный муфтий (Шейх уль ислам, глава османского мусульманского духовенства) даже позволял себе по отношению к Шагин-Гирею страшные для мусульманина оскорбления, называя крымского хана «свиньей и собакой» (Из оперативных донесений, приложенных к письму посланника А. Стахиева – графу Н. Панину от 22.01.1778 г. // Дубровин Н. Присоединение Крыма к России. Рескрипты, письма, реляции и донесения. Т. II. 1778 г. СПб, 1885. С. 107).

¹²⁹ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 326.

¹³⁰ Архив Государственного Совета. Т. I. Ч. I. Стб. 332.

¹³¹ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 332.

¹³² Третьяк А.И. Северное Причерноморье в политико-правовом пространстве Европы конца XVIII века. Одесса, 2004. Гл. 1. [Электронная версия] // URL: <<http://alexandretai.narod.ru/tai/Ch1.html>> (дата обращения 22.10.2011 г.).

¹³³ Fisher A.W. Op. cit. P. 120–121.

¹³⁴ Грибовский В.В. Указ. соч. С. 178.

¹³⁵ Подробно вопрос об изменении статуса Крыма был рассмотрен в статье: Дейников Р.Т. Российские военные и дипломаты о статусе Крыма в период правления Шагин-Гирея // Москва – Крым. Историкопублицистический альманах. Вып. 4. М., 2002.

¹³⁶ Подробнее см.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1/194. Д. 261. Ч. 2. 1782 г. Л. 4, 21.

¹³⁷ Дубровин Н. Указ. соч. Т. IV. 1781–1782 гг. СПб, 1889. С. 16.

¹³⁸ Подробнее см.: Дейников Р.Т. От вассального ханства Османской империи... С. 85.

¹³⁹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 110.

¹⁴⁰ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 1. Д. 2788. Л. 7.

¹⁴¹ Текст российско-австрийских соглашений см.: Arneth A. von. Joseph II und Katharina von Russland: Ihr Briefwechsel. Wien, 1867. S. 67 и далее.

¹⁴² Подписанный Имп. Екатериною II рескрипт кн. Г.А. Потемкину о необходимости присоединить к России Крым при первом к тому поводе; в случае же мирного поведения Турции, ограничиться впредь до времени овладением Ахтиарской гавани (Севастополя) от 14 декабря 1782 г. // Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 222, 223.

¹⁴³ Подробнее см. Там же. С. 231–233; Fisher A.W. Op. cit. P. 132–133.

¹⁴⁴ Мадариага И де. Указ. соч. С. 617.

¹⁴⁵ Донесение г. надворного советника Рудзевича князю Г.А. Потемкину от 6 декабря 1782 г. // Дубровин Н. Указ. соч. С. 930–933.

¹⁴⁶ О попытке османской оккупации Тамани в декабре 1782 г. см.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 194. Д. 289. Л. 19 об.

¹⁴⁷ Манифест от 8 апреля 1783 г. (№ 15.708) О принятии полуострова Крымского, острова Тамана и всей Кубанской стороны, под Российскую Державу // ПСЗ. Т. XXI. № 15708.

¹⁴⁸ Лашков Ф. ШагинГирей, последний крымский хан (исторический очерк). Киев, 1886. С. 33.

¹⁴⁹ Уляницкий В.А. Дарданеллы, Босфор и Черное море в XVIII веке. М., 1883. С. 68.

¹⁵⁰ Документы об установлении прямых русско-итальянских торговых связей в середине XVIII в. // Советские архивы. 1972. № 2. С. 96–97; Комисаренко А.И., Шаркова И.С. К истории русско-итальянской торговли в 40-х – 50-х годах XVIII в. // Исторические записки. Т. 98. М., 1978. С. 318.

¹⁵¹ Экономическая история России с древнейших времен до 1917 г.: энциклопедия. Т. 2. М., 2009. С. 899–900.

¹⁵² Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 4.

¹⁵³ Там же. С. 4–5.

¹⁵⁴ ПСЗ. Т. 20. № 14355.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Там же. № 14431.

¹⁵⁷ Сообщение члена комиссии Ф. Лашкова о пересмотре Черноморского тарифа 1782 г. // ИТУАК. Т. 1. 1887. С. 1.

¹⁵⁸ ПСЗ. Т. 22. № 15938.

¹⁵⁹ Там же. № 16107.

¹⁶⁰ Шаркова И.С. Русские и итальянские записки об установлении прямых торговых связей между Россией и Италией в последней трети XVIII в. (по материалам архива Воронцовых) // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. 7. Л., 1976. С. 303.

¹⁶¹ Там же. С. 305.

¹⁶² Там же. С. 307–313.

¹⁶³ ПСЗ. Т. 22. № 16498.

¹⁶⁴ Шаркова И.С. Указ. соч. С. 315.

¹⁶⁵ ПСЗ. Т. 22. № 15935.

¹⁶⁶ Там же. № 16489.

¹⁶⁷ Там же. № 16498.

¹⁶⁸ Там же. № 16525.

¹⁶⁹ Там же. Т. 25. №. 18373.

¹⁷⁰ Там же. №. 18373.

¹⁷¹ Там же. № 19228.

¹⁷² Там же. Т. 34. № 26792.

¹⁷³ Там же. Т. 23. № 17208.

¹⁷⁴ Сибирева Г.А. Неаполитанское королевство и Россия в последней четверти XVIII в. М., 1981. С. 61.

¹⁷⁵ Cavalcanti M.L. Le relazioni commerciali tra il Regno di Napoli e la Russia. 1777–1815. Geneve, 1979.

¹⁷⁶ Halm H. Habsburger Osthandel im 18. Jahrhundert. Teil 2. Minchen, 1954. S. 12.

¹⁷⁷ Babudieri F. Maritime Commerce of the Habsburg Empire: The Port of Trieste, 1789–1913 // Southeast European Maritime Commerce and Naval Policies from the MidEighteenth Century to 1914. New Jersey, 1988. P. 223–224.

¹⁷⁸ Halm H. Op. cit. S. 81.

¹⁷⁹ Les Francais en Russie au sitcle des Lumicres. Dictionnaire des Francais, Suisses, Wallons et autres francophones en Russie de Pierre le Grand a Paul Ier. Vol. 2. FerneyVoltaire, 2011. P. 21

¹⁸⁰ Письма барона Антуаня графу Сегюру о пользе учреждения морской торговли Марсели с Херсоном // ЗООИД. Т. 13. Одесса, 1882. С. 156.

¹⁸¹ Юрченко П. Историко-статистический очерк торговли города Херсона // ЗООИД. Т. 13. С. 166; *Les Francais en Russie au sicle des Lumicres*. Р. 21.

¹⁸² ПСЗ. Т. 21. № 15757.

¹⁸³ Письма барона Антуаня... С. 161; Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 89; Боровой С.Я. Франция и внешнеторговые операции на Черном море в последней трети XVIII – начале XIX вв. // Французский ежегодник. 1961. М., 1962.

¹⁸⁴ Письма барона Антуаня... С. 156.

¹⁸⁵ Halm Н. *Op. cit.* S. 80.

¹⁸⁶ Юрченко П. Указ. соч. С. 178.

¹⁸⁷ Halm Н. *Op. cit.* S. 82–84.

¹⁸⁸ Юрченко П. Указ. соч. С. 178.

¹⁸⁹ Halm Н. *Op. cit.* S. 144, 148.

¹⁹⁰ *Ibid.* S. 84.

¹⁹¹ Юрченко П. Указ. соч. С. 178.

¹⁹² Шаркова И.С. Указ. соч. С. 305–306; Она же. Из истории русскогенуэзской торговли во второй половине XVIII в. // Италия и Европа. Вып. 1. М., 1990. С. 29.

¹⁹³ ПСЗ. Т. XX. № 14392.

¹⁹⁴ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С. 130–131.

¹⁹⁵ Мадариага И. де. Россия а эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 572.

¹⁹⁶ Брикнер А.Г. Потемкин. СПб., 1891. С. 65.

¹⁹⁷ Богумила А. К истории управления Новороссии кн. Г.А. Потемкиным. Ордера 1790–1791 гг. Екатеринослав, 1905. С. 19–43.

¹⁹⁸ Неизвестный автор. О приватной жизни князя Потемкина, о некоторых чертах его характера и анекдотах // Потемкин. Последние годы. СПб., 2003. С. 153–154.

¹⁹⁹ Богумила А. Указ. соч. С. 85–93.

²⁰⁰ Ловягин А.М. Григорий Александрович Потемкин. СПб., 1905. С. 40.

²⁰¹ Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 115.

²⁰² Неизвестный автор. Указ. соч. С. 159.

²⁰³ Бюлер Ф.А. Черты из жизни князя Потемкина // Потемкин. Последние годы. С. 200–201.

- ²⁰⁴ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Тавриче-ского. СПб., 1893. С. 65.
- ²⁰⁵ Вернадский Г. Записка о необходимости присоединения Крыма. СПб., б.г. С. 9.
- ²⁰⁶ Лашков Ф. Князь Г.А. Потемкин как деятель Крыма. Симферополь, 1890. С. 8.
- ²⁰⁷ ЗООИД. Т. 2. Одесса, 1848. С. 773.
- ²⁰⁸ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 26.
- ²⁰⁹ Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 76.
- ²¹⁰ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 54.
- ²¹¹ Там же. С. 119.
- ²¹² Там же. С. 120.
- ²¹³ Там же. С. 54.
- ²¹⁴ Там же. С. 85.
- ²¹⁵ Лашков Ф. Указ. соч. С. 15.
- ²¹⁶ Миранда Ф. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 78.
- ²¹⁷ Там же. С. 62.
- ²¹⁸ Ловягин А.М. Указ. соч. С. 52.
- ²¹⁹ Разумовский К.Г. Письмо М.И. Коваленскому // Потемкин. Последние годы. С. 143.
- ²²⁰ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 121–135.
- ²²¹ Ловягин А.М. Указ. соч. С. 43.
- ²²² Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 75.
- ²²³ Фалеев М.Л. Мирные предначертания князя Потемкина // Потемкин. Последние годы. С. 144–149.
- ²²⁴ Лашков Ф. Указ. соч. С. 10.
- ²²⁵ Жизнь князя Г.А. Потемкина-Таврического. Взято из иностранных и отечественных источников. М., 1808. С. 91.
- ²²⁶ Миранда Ф. Указ. соч. С. 78.
- ²²⁷ Фалеев М.Л. Указ. соч. С. 148.
- ²²⁸ Там же. 149.
- ²²⁹ Миранда Ф. Указ. соч. С. 34, 59.
- ²³⁰ Сб. РИО. Т. 29. С. 290.
- ²³¹ РА. 1888. Кн. 3. С. 364–367.

- ²³² Миранда Ф. Указ. соч. С. 31.
- ²³³ Энгельгардт Л.Н. Записки // Русские мемуары. М., 1988. С. 272.
- ²³⁴ Потемкин Г.А. Приказ в войска, начальству моему Высочайше вверенные // РС. 1873. Кн. VIII.
- ²³⁵ Ловягин А.М. Указ. соч. С. 39.
- ²³⁶ Бородин М. Русская армия при Екатерине II. Военно-исторические заметки // Военный сборник. 1909. № 8. С. 19.
- ²³⁷ Леонов О., Ульянов И. Регулярная пехота. 1698–1801. М., 1995. С. 137.
- ²³⁸ Лопатин В.С. Указ. соч. С. 94.
- ²³⁹ Там же. С. 140.
- ²⁴⁰ Миранда Ф. Указ. соч. С. 37.
- ²⁴¹ Щербатов М.М. О повреждении нравов в России // Столетие безумно и мудро. Век XVIII. М., 1986. С. 387.
- ²⁴² Фельдмаршал Румянцев: Собрание документов и материалов. М., 1947. С. 78.
- ²⁴³ Бумаги князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. С. 106.
- ²⁴⁴ Линь Ш.Ж. Письма // Потемкин. Последние годы. С. 59.
- ²⁴⁵ Маркова О.П. О происхождении так называемого Греческого проекта (80-е годы XVIII в.) // История СССР. 1958. № 4. С. 66.
- ²⁴⁶ РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. II. Л. 2.
- ²⁴⁷ Храповицкий А.В. Дневник. 1782–1793. СПб., 1874. С. 8.
- ²⁴⁸ Сб. РИО. Т. 26. СПб., 1789. С. 282–283.
- ²⁴⁹ РГВИА. Ф. 54. Оп. 2. Д. 37. Л. 19–19 об.
- ²⁵⁰ Лопатин В.С. Указ. соч. С. 100.
- ²⁵¹ Сегюр Л.Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II // Россия XVIII в. глазами иностранцев. Л., 1989. С. 338.
- ²⁵² Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 392.
- ²⁵³ РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 434.
- ²⁵⁴ РА. 1879. № 2. С. 432.
- ²⁵⁵ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. С. 363.

- 256 АВПРИ. Ф. 5. № 588. Ч. I. Л. 273–274.
- 257 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 476.
- 258 Сегюр Л. Указ. соч. С. 370–372.
- 259 Там же. С. 355–356, 358–360, 381.
- 260 РГАДА. Ф. 5. № 85. Ч. I. Л. 11.
- 261 Сб. РИО. Т. 27. С. 392.
- 262 РС. 1876. № VI. С. 243.
- 263 Сб. РИО. Т. 27. С. 392.
- 264 АВПРИ. Ф. 5. № 591. Ч. I. Л. 217–218.
- 265 Брикнер А.Г. История Екатерины Второй. М., 1991. С. 426.
- 266 Киевская старина. 1891. Июль. С. 27.
- 267 Там же. С. 28.
- 268 Там же. С. 31.
- 269 Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 29.
- 270 Там же. Август. С. 240.
- 271 Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 30.
- 272 Там же. Сентябрь. С. 417.
- 273 Minerva. 1797. April. S. 4.
- 274 Дружинина Е.И. Северное Причерноморье. 1775–1800. М., 1959. С. 27.
- 275 Minerva. 1798. Mai. S. 300–302.
- 276 Линь Ш.Ж. Письма, мысли и избранные творения принца Де Линя, изданные баронессою Стаэль Голстейн и г-м Проппиаком. Ч. 2. М., 1809. С. 9.
- 277 Minerva. 1798. Mai. S. 313–317.
- 278 РА. 1868. С. 823–824.
- 279 Там же. 1878. № 10. С. 228.
- 280 Helbig G.A.W. Biographie Peter des Dritten. Bd. 1–2. Tübingen, Gotta, 1808–1809; Helbig G.A.W. Russisch Gunstlinge. Tübingen, Gotta, 1809.
- 281 Архив Раевских. Т. 1. СПб., 1908. С. 517–518.
- 282 Masson Ch. Memoires secrete sur la Russie et particulierement sur la fin du regne Catharine II et commencement de celui de Paul Ier. Vol. 1–3. Paris; Amsterdam, 1800, 1802. Русский перевод – Масон Ш. Секрет-

ные записки о России времени царствования Екатерины II и Павла I. М., 1996.

²⁸³ Сокол К.Г. Монументы империи. Описание двухсот наиболее интересных памятников императорской России. М., 1999. С. 14.

²⁸⁴ Там же.

²⁸⁵ Минувшее. Исторический альманах. № 13. М., 1993. С. 76–79.

²⁸⁶ Отечественная история. 1998. № 1. С. 90.

²⁸⁷ Большая Советская энциклопедия. 1е изд. Т. 46. М., 1940. С. 544–545.

²⁸⁸ Беседа Гитлера с генералом Томасом, вернувшимся в 1933 г. из Москвы (в книге: Герлиц В. Германский Генеральный штаб. М., 2005. С. 268).

²⁸⁹ Так путешествие было названо в вышедшей в 1786 г. книге, содержащей описание маршрута предстоящей поездки: Путешествие ея императорского величества в Полуденный край России, предприимлемое в 1787 году. СПб., 1786.

²⁹⁰ Дополнения к камерфурьерскому журналу 1787 г. КФЖ 1787. СПб., 1886 (далее: Доп. КФЖ 1787). С. 51, 91.

²⁹¹ Миранда Ф. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 263; Нассау-Зиген К.Г. Императрица Екатерина II в Крыму // РС. 1893. Т. 80. № 11. С. 308; Сб. РИО. Т. 26. СПб, 1789. С. 178–179; Т. 27. СПб., 1880. С. 417–418; Сегюр Л.Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 325; Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статссекретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 34.

²⁹² Бильбасов В.А. Походы Екатерины II по Волге и Днепру // Он же. Исторические монографии. Т. 3. СПб., 1901. С. 232.

²⁹³ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 154–155.

²⁹⁴ Там же. С. 147.

²⁹⁵ Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII века (по материалам переписки). М., 1999. С. 210–211.

²⁹⁶ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 147.

²⁹ Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины Второй. Просвещенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 197–219, 379–380.

²⁹⁸ Капнист С.В. Воспоминания // Записки и воспоминания русских женщин XVIII – первой половины XIX веков. М., 1990. С. 290.

²⁹⁹ Добровольский П.М. Путешествие императрицы Екатерины II через черниговский край (по делам черниговских архивов). Чернигов, 1903. С. 39–40.

³⁰⁰ Добровольский П.М. Указ. соч. С. 63–66; Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году. М., 1787 (далее: Журнал 1787). С. 26.

³⁰¹ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 57–58 об; ЗООИД. Т. 2. Одесса, 1848. С. 759; Сб. ВИМ. Вып. 6. СПб., 1893. С. 143.

³⁰² РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 56.

³⁰³ Добровольский П.М. Указ. соч. С. 30–57.

³⁰⁴ Там же. С. 44–46.

³⁰⁵ Барышников Н. Императрица Екатерина II в Орловской губернии. Орел, 1886. С. 46.

³⁰⁶ Камер-фурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. (далее: КФЖ 1787). С. 655.

³⁰⁷ Журнал 1787. С. 27; КФЖ 1787. С. 71.

³⁰⁸ Журнал 1787. С. 68, 89; КФЖ 1787. С. 429–430, 513.

³⁰⁹ КФЖ 1787. С. 208–209.

³¹⁰ Там же. С. 436.

³¹¹ Полетика А. Дневник, веденный во время пребывания императрицы Екатерины II в Киеве в 1787 году Андреем Полетикою // Сын Отечества. 1843. № 3. С. 19.

³¹² Смирнова-Россет А.О. Воспоминания. Письма. М., 1990. С. 64.

³¹³ Доп. КФЖ 1787. С. 97 – в Смоленске императрица подарила княгине Друцкой-Соколинской 4 тыс. руб. на постройку дома.

³¹⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 742. Ч. 2. Л. 341–345.

³¹⁵ Там же. Л. 431–435.

³¹⁶ Сенявин Д.Н. Записки адмирала Д.Н. Сенявина // Гончаров В. Адмирал Сенявин. М.; Л., 1945. С. 134.

³¹⁷ Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867. Стб. 1234.

³¹⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 729. Ч. 2. Л. 71.

³¹⁹ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1997. С. 114–120.

³²⁰ КФЖ 1787. С. 283.

³²¹ Сб. ВИМ. Вып. 6. С. 143.

³²² РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 123.

³²³ Смоленск – РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 952. Ч. 3. Л. 8–80; Журнал 1787. С. 31; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 19. Полоцк – РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 766. Ч. 2. Л. 69–115; Журнал 1787. С. 6. Орел – РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 829. Л. 21–67. Курск – РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 756. Л. 8–37.

³²⁴ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 579 (Москва), 695 (Екатеринослав), 756 (Курск), 830 (Орел), 957 (Смоленск), 976 (Тверь и Новгород), 981 (Тула), 1003 (Харьков), 1005 (Киев, Чернигов, Новгород-Северский).

³²⁵ Там же. Д. 695. Л. 2 об; также: Д. 957. Л. 2; Д. 756. Л. 3.

³²⁶ Там же. Д. 695. Л. 6 об; также: Л. 3; Д. 756. Л. 3; Д. 957. Л. 7, 9; Д. 1005. Л. 5, 7, 9.

³²⁷ Там же. Д. 830. Л. 3 об.

³²⁸ Там же. Л. 5–5 об; также: Д. 830. Л. 3; Д. 957. Л. 3; Д. 976. Л. 3, 4 об; Д. 1003. Л. 2.

³²⁹ Там же. Д. 981. Л. 4.

³³⁰ Полетика А. Указ. соч. С. 8–9.

³³¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 579. Л. 1–1 об; Д. 695. Л. 2 об; Д. 756. Л. 2; Д. 830. Л. 1; Д. 957. Л. 2; Д. 981. Л. 1; Д. 1003. Л. 1; Д. 1005. Л. 1.

³³² Там же. Д. 1005. Л. 1; также: Д. 756. Л. 2; Д. 1003. Л. 1.

³³³ Там же. Д. 695. Л. 3; Д. 756. Л. 8–37 (эти документы приложены к отчету); Д. 957. Л. 2 об.

³³⁴ Изустная хроника пребывания императрицы Екатерины II в Туле // Москвитянин. 1842. № 2. С. 183–186.

³³⁵ Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 56.

³³⁶ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 19.

³³⁷ Журнал 1787. С. 14, 25, 29, 106, 111, 131; КФЖ 1787. С. 43, 575, 580, 664; Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807. С. 107, 121; Сочинения императрицы Екатерины II / Изд. А.Ф. Смирдин. Т. 3. СПб., 1850. С. 382; Сб. РИО. Т. 27. С. 413.

³³⁸ Из бумаг Николая Петровича Архарова // РА. 1864. Стб. 898.

³³⁹ Миранда Ф. Указ. соч. С. 157.

³⁴⁰ Журнал 1787. С. 5, 11, 14, 25, 85, 93–94, 99, 104, 106, 110–111, 131; КФЖ 1787. С. 25, 43, 498–499, 533–534, 555, 570, 574–575, 587, 663–664.

³⁴¹ Журнал 1787. С. 5; КФЖ 1787. С. 25.

³⁴² Журнал 1787. С. 25.

³⁴³ Журнал 1787. С. 11; КФЖ 1787. С. 131.

³⁴⁴ Журнал 1787. С. 85; КФЖ 1787. С. 499.

³⁴⁵ Журнал 1787. С. 99; КФЖ 1787. С. 555.

³⁴⁶ Журнал 1787. С. 110; КФЖ 1787. С. 587.

³⁴⁷ Журнал 1787. С. 104; КФЖ 1787. С. 570.

³⁴⁸ Журнал 1787. С. 5; КФЖ 1787. С. 25.

³⁴⁹ Журнал 1787. С. 11.

³⁵⁰ Журнал 1787. С. 110; КФЖ 1787. С. 587.

³⁵¹ Журнал 1787. С. 11.

³⁵² Журнал 1787. С. 131; КФЖ 1787. С. 663.

³⁵³ Полетика А. Указ. соч. С. 23.

³⁵⁴ Журнал 1787. С. 99; КФЖ 1787. С. 555.

³⁵⁵ Журнал 1787. С. 84; КФЖ 1787. С. 498; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 31.

³⁵⁶ Журнал 1787. С. 85, 94; КФЖ 1787. С. 499, 535.

³⁵⁷ Журнал 1787. С. 106; КФЖ 1787. С. 575.

³⁵⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1003. Л. 3–3 об.

³⁵⁹ Журнал 1787. С. 99; КФЖ 1787. С. 555.

³⁶⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 695. Л. 6 об–7.

³⁶¹ Журнал 1787. С. 93–94; КФЖ 1787. С. 535.

³⁶² Полетика А. Указ. соч. С. 23.

³⁶³ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263.

³⁶⁴ Там же. Л. 3 об.

³⁶⁵ Там же. Л. 28.

³⁶⁶ Там же. Л. 44.

³⁶⁷ Линь Ш. Ж. Письма, мысли и избранные творения принца де Линь, изданные баронессою Стаэль Голстеин и гном Проппиаком. Ч. 2. М., 1809. С. 4.

³⁶⁸ Омельченко О.А. Указ. соч. С. 219–224.

³⁶⁹ Письма государыни-императрицы Екатерины Великой к фельдмаршалу П.С. Салтыкову. 1762–1771. М., 1886 (далее: Екатерина – Салтыков). Стб. 505; также: Журнал 1787. С. 43; КФЖ 1787. С. 140; Миранда Ф. Указ. соч. С. 89–90; Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 3. С. 337–338; Храповицкий А.В. Указ соч. С. 21.

³⁷⁰ Екатерина – Салтыков. Стб. 508.

³⁷¹ Миранда Ф. Указ. соч. С. 87.

³⁷² Журнал 1787. С. 57–58; также: КФЖ 1787. С. 363; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 28.

³⁷³ Журнал 1787. С. 69; также: КФЖ 1787. С. 438.

³⁷⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 14 об.

³⁷⁵ Полетика А. Указ. соч. С. 4; также: С. 24.

³⁷⁶ Миранда Ф. Указ. соч. С. 128; Полетика А. Указ. соч. С. 18.

³⁷⁷ Миранда Ф. Указ. соч. С. 127.

³⁷⁸ Полетика А. Указ. соч. С. 19.

³⁷⁹ Платон (П. Левшин). Автобиография Платона, митрополита Московского. М., 1887. С. 39–40; также: Рассказы бабушки. Из воспоминаний пяти поколений. Записанные и собранные ее внуком Д. Благово. Л., 1989. С. 65–66; Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / Изд. В.С. Лопатин. М., 1997 (далее: Екатерина – Потемкин). С. 217; КФЖ 1787. С. 633.

³⁸⁰ Екатерина – Потемкин. С. 217.

³⁸¹ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 33.

³⁸² Там же. С. 20.

³⁸³ КФЖ 1787. С. 371.

³⁸⁴ Доп. КФЖ 1787. С. 92–113; также: Журнал 1787. С. 14, 19, 21, 27, 29, 33, 36, 38, 71, 106.

³⁸⁵ Журнал 1787. С. 52–53.

³⁸⁶ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 742. Ч. 1. Л. 386–386 об.

³⁸⁷ Там же. Л. 391–391 об.

³⁸⁸ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 5.

³⁸⁹ Там же. Л. 10.

³⁹⁰ КФЖ 1787. С. 216.

³⁹¹ Там же. С. 228–229.

³⁹² Доп. КФЖ 1787. С. 80, 91.

³⁹³ КФЖ 1787. С. 59, 61.

³⁹⁴ Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 г. // РА. 1880. Т. 1. (далее: Иосиф – Ласси). С. 362; также: КФЖ 1787. С. 463.

³⁹⁵ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 742. Ч. 1. Л. 386–386 об.

³⁹⁶ Там же. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 5.

³⁹⁷ Екатерина – Потемкин. С. 209.

³⁹⁸ ЗООИД. Т. 2. С. 791; КФЖ 1787. С. 400; Сегюр Л.Ф. Указ соч. С. 196.

³⁹⁹ КФЖ 1787. С. 283; Миранда Ф. Указ. соч. С. 137–138; Полетика А. Указ. соч. С. 21; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 26.

⁴⁰⁰ Миранда Ф. Указ. соч. С. 137–138.

⁴⁰¹ КФЖ 1787. С. 67, 111.

⁴⁰² РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 58 об.

⁴⁰³ Журнал 1787. С. 58; также: КФЖ 1787. С. 360.

⁴⁰⁴ КФЖ 1787. С. 369.

⁴⁰⁵ Там же. С. 437.

⁴⁰⁶ Там же. С. 547.

⁴⁰⁷ Там же. С. 427.

⁴⁰⁸ Там же. С. 624.

⁴⁰⁹ Там же. С. 406.

⁴¹⁰ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 1. Л. 23; Д. 975. Ч. 1. Л. 67 об.

⁴¹¹ Лубяновский Ф.П. Воспоминания Федора Петровича Лубяновского // РА. 1872. С. 98.

⁴¹² Добровольский П.М. Указ. соч. С. 23–24; Осьмнадцатый век. Т. 1. М., 1868. С. 306–313; О высочайшем путешествии императрицы Екатерины II чрез Курскую губернию, во время путешествия Ея Величества в Южный край Европы // Русский инвалид. 1848. № 104–106.

⁴¹³ Брикнер А.Г. Путешествие императрицы Екатерины II в Крым // Исторический вестник. 1885. Т. 21. № 7–9; Waegemans E. Князь де Линь как свидетель потемкинских деревень // A window on Russia. Papers from the V international Conference of the study group on Eighteenth Century Russia. Gargnano, 1994. ed. by Maria D. Salvo, Lindsey Hughes. Roma, La Fenice Editioni. 1996. С. 94.

- ⁴¹⁴ Дриппельман Э.В. Записки немецкого врача о России в конце прошлого века // РА. 1881. Т. 1. №. 1. С. 41.
- ⁴¹⁵ Журнал 1787. С. 67; КФЖ 1787. С. 432.
- ⁴¹⁶ Полетика А. Указ. соч. С. 22; также: КФЖ 1787. С. 307.
- ⁴¹⁷ Полетика А. Указ. соч. С. 19.
- ⁴¹⁸ Дриппельман Э.В. Указ. соч. С. 41.
- ⁴¹⁹ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 325.
- ⁴²⁰ Бильбасов В.А. Указ. соч. С. 259.
- ⁴²¹ Корж Н.Л. Устное повествование бывшего запорожца, жителя Екатеринославской губернии и уезда, селения Михайловки, Никиты Леонтьевича Коржа. Одесса, 1842. С. 74–75.
- ⁴²² ЗООИД. Т. 12. Одесса, 1881. С. 302–303; Сенявин Д.Н. Указ. соч. С. 135.
- ⁴²³ Сенявин Д.Н. Указ. соч. С. 135.
- ⁴²⁴ Полетика А. Указ. соч. С. 15.
- ⁴²⁵ Дриппельман Э.В. Указ. соч. С. 42; Иосиф – Ласси. С. 371.
- ⁴²⁶ Лубяновский Ф.П. Указ. соч. С. 198.
- ⁴²⁷ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 184.
- ⁴²⁸ Waegemans Е. Указ. соч. С. 94.
- ⁴²⁹ Линь. Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 10.
- ⁴³⁰ Сенявин Д.Н. Указ. соч. С. 130–131.
- ⁴³¹ Осмнадцатый век. Т. 1. М., 1868. С. 306–307.
- ⁴³² Там же. С. 309.
- ⁴³³ Корж Н.Л. Указ. соч. С. 67.
- ⁴³⁴ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 20.
- ⁴³⁵ Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 354.
- ⁴³⁶ Людольф. Письма о Крыме // Российское обозрение. 1892. Т. 2. № 3. С. 169.
- ⁴³⁷ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 31–32.
- ⁴³⁸ Миранда Ф. Указ. соч. С. 135.
- ⁴³⁹ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 18.
- ⁴⁴ КФЖ 1787. С. 214–215.
- ⁴⁴¹ Екатерина – Салтыков. Стб. 511.
- ⁴⁴² Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 40.
- ⁴⁴³ Доп. КФЖ 1787. С. 100, 112.

- ⁴⁴⁴ Людольф. Указ. соч. С. 168; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 210, 213; Миранда Ф. Указ соч. С. 69–70.
- ⁴⁴⁵ РГВИА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 66. Л. 33 об.
- ⁴⁴ Людольф. Указ. соч. С. 163, 168; Иосиф – Ласси. С. 363, 368–369; Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. Л., 1941. С. 44.
- ⁴⁴⁷ РГВИА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 66. Л. 32.
- ⁴⁴⁸ Дружинина Е.И. Северное Причерноморье в 1775–1800 годах. М., 1959. С. 104, 119.
- ⁴⁴⁹ Иосиф – Ласси. С. 369.
- ⁴⁵⁰ РГВИА. Ф. 281. Оп. 1. Д. 66. Л. 33.
- ⁴⁵¹ Екатерина – Потемкин. С. 176.
- ⁴⁵² ЗООИД. Т. 12. С. 304.
- ⁴⁵³ Там же. Т. 10. Одесса, 1877. С. 243.
- ⁴⁵⁴ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 213.
- ⁴⁵⁵ Иосиф – Ласси. С. 369.
- ⁴⁵⁶ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 139–139 об; то же: ИТУАК. 1891. № 11. С. 85.
- ⁴⁵⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 799. Ч. 1. Л. 23; то же: ИТУАК. 1891. № 11. С. 85.
- ⁴⁵⁸ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 212.
- ⁴⁵⁹ Письма Екатерины II к барону Гримму // РА. 1878. Т. 3 (далее: Екатерина – Гримм). С. 135; КФЖ 1787. С. 239; Миранда Ф. Указ. соч. С. 130–131.
- ⁴⁶⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 5.
- ⁴⁶¹ КФЖ 1787. С. 354; также: Журнал 1787. С. 73; Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 291; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 203.
- ⁴⁶² КФЖ 1787. С. 458–459.
- ⁴⁶³ ИТУАК. 1891. № 11. С. 119.
- ⁴⁶⁴ ЗООИД. Т. 10. С. 262.
- ⁴⁶⁵ Иосиф – Ласси. С. 366.
- ⁴⁶⁶ Журнал 1787. С. 75; Иосиф – Ласси. С. 362; КФЖ 1787. С. 461–462.
- ⁴⁶⁷ Людольф. Указ. соч. С. 163; Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 291; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 208.
- ⁴⁶⁸ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 208.
- ⁴⁶⁹ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 32.
- ⁴⁷⁰ Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 293.

- ⁴⁷¹ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 208–209.
- ⁴⁷² Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 294; также: Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 210.
- ⁴⁷³ Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 294.
- ⁴⁷⁴ КФЖ 1787. С. 465; Сб. РИО. Т. 27. С. 411; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 31.
- ⁴⁷⁵ КФЖ 1787. С. 501.
- ⁴⁷⁶ Сб. РИО. Т. 27. С. 411.
- ⁴⁷⁷ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 212.
- ⁴⁷⁸ Там же. С. 216–219.
- ⁴⁷⁹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 15 об.
- ⁴⁸⁰ Екатерина – Потемкин. С. 316.
- ⁴⁸¹ Там же. Л. 19 об.
- ⁴⁸² Журнал 1787. С. 86; КФЖ 1787. С. 500.
- ⁴⁸³ Сб. ВИМ. Вып. 6. С. 135–138; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 174.
- ⁴⁸⁴ Раан М.Л. фон. Перечень из собственного своего журнала в продолжение прошедшей войны при завоевании Молдавии и Бессарабии с 1787 по 1790 год. СПб., 1792. С. 2.
- ⁴⁸⁵ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 119.
- ⁴⁸⁶ Там же. Л. 194.
- ⁴⁸⁷ Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 191–192.
- ⁴⁸⁸ Самойлов А.Н. Указ. соч. Стб. 1233.
- ⁴⁸⁹ Иосиф – Ласси. С. 357–358.
- ⁴⁹⁰ Миранда Ф. Указ. соч. С. 35.
- ⁴⁹¹ Людольф. Указ. соч. С. 175.
- ⁴⁹² Иосиф – Ласси. С. 164.
- ⁴⁹³ Там же. С. 370.
- ⁴⁹⁴ Там же. С. 357.
- ⁴⁹⁵ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 185.
- ⁴⁹⁶ Миранда Ф. Указ. соч. С. 37.
- ⁴⁹⁷ Там же. С. 43.
- ⁴⁹⁸ Там же. С. 51.
- ⁴⁹⁹ Там же. С. 65.
- ⁵⁰⁰ Журнал 1787. С. 55; также: КФЖ 1787. С. 354; Долгоруков Ю.В. Записки князя Юрия Владимировича Долгорукова. // РС. 1881. Т. 63. № 9. С. 509; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 192.

- ⁵⁰¹ Журнал 1787. С. 65; КФЖ 1787. С. 415.
- ⁵⁰² Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 203; также: Журнал 1787. С. 73; КФЖ 1787. С. 455; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 2–3; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 30.
- ⁵⁰³ НассауЗиген К.Г. Указ. соч. С. 291.
- ⁵⁰⁴ Иосиф – Ласси. С. 360.
- ⁵⁰⁵ Иосиф – Ласси. С. 370; также: КФЖ 1787. С. 502–504.
- ⁵⁰⁶ Иосиф – Ласси. С. 365; также: Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 31.
- ⁵⁰⁷ Иосиф – Ласси. С. 366–367.
- ⁵⁰⁸ Долгоруков Ю.В. Указ. соч. С. 509–510; Журнал 1787. С. 90–92; КФЖ 1787. С. 531–533; Раан М.Л. Указ. соч. С. 3; Самойлов А.Н. Указ. соч. Стб. 1235; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 229–231; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 32; Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 56.
- ⁵⁰⁹ Домбровский Ф. Капитан Амазонской роты // Одесский вестник. 1849. № 1; Записка об амазонской роте / Составлена Г. Дуси // Москвитянин. 1844. Т. 1. № 1. С. 266–268.
- ⁵¹⁰ Домбровский Ф. Указ. соч.
- ⁵¹¹ Записка об амазонской роте. С. 266.
- ⁵¹² РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263.
- ⁵¹³ Доп. КФЖ 1787. С. 50–113.
- ⁵¹⁴ Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 2. С. 7.
- ⁵¹⁵ КФЖ 1787. С. 480–482.
- ⁵¹⁶ Дружинина Е.И. Указ. соч. С. 43.
- ⁵¹⁷ Екатерина – Потемкин. С. 185.
- ⁵¹⁸ Сб. ВИМ. Вып. 6. С. 144–145.
- ⁵¹⁹ Миранда Ф. Указ. соч. С. 34.
- ⁵²⁰ Иосиф – Ласси. С. 358; также: С. 360.
- ⁵²¹ Людольф. Указ. соч. С. 160, 180.
- ⁵²² Сб. ВИМ. Вып. 6. С. 141.
- ⁵²³ Иосиф – Ласси. С. 364.
- ⁵²⁴ Миранда Ф. Указ. соч. С. 59.
- ⁵²⁵ Дриппельман Э.В. Указ. соч. С. 41–43; Письма императрицы Екатерины II к Якову Александровичу Брюсу 1787 года. Приложение к камер-фурьерскому журналу 1787 года. СПб., 1889. С. 25; Екатерина – Grimm. С. 141; Журнал 1787. С. 68; КФЖ 1787. С. 432–433; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1.

С. 52; Людольф. Указ. соч. С. 180–181; Самойлов А.Н. Указ. соч. Стб. 1234; Сб. РИО. Т. 15. СПб., 1875. С. 409; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 199; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 29.

⁵²⁶ Сизенко А.Г. Г.А. Потемкин – основатель Черноморского флота. Новороссийск, 1998. С. 27, 30–32.

⁵²⁷ Екатерина – Гримм. С. 147.

⁵²⁸ КФЖ 1787. С. 421, 436, 442, 449.

⁵²⁹ Иосиф – Ласси (примечание. Письмо Иосифа Кауницу). С. 336; Иосиф – Ласси. С. 363–364; Журнал 1787. С. 86–87; КФЖ 1787. С. 472–478; Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 294–295; Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской публичной библиотеке / Изд. А.Ф. Бычков. СПб., 1873. С. 46; Отрывки из записок севастопольского старожилы // Морской сборник. 1852. Т. 7. № 1. С. 38–41; Сенявин Д.Н. Указ. соч. С. 132–135; Сб. РИО. Т. 15. С. 416; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 213–214; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 30; Энгельгардт Л.Н. Указ. соч. С. 55.

⁵³⁰ Сенявин Д.Н. Указ. соч. С. 132.

⁵³¹ Иосиф – Ласси. С. 364; Журнал 1787. С. 79; КФЖ 1787. С. 478; Отрывки из записок севастопольского старожилы. С. 41.

⁵³² Иосиф – Ласси. С. 365; Журнал 1787. С. 79–80; КФЖ 1787. С. 479; Сенявин Д.Н. Указ. соч. С. 135; Отрывки из записок севастопольского старожилы. С. 42.

⁵³³ Журнал 1787. С. 88; Отрывки из записок севастопольского старожилы. Т. 7. № 1. С. 42; Переписка императрицы Екатерины II с разными особами. СПб., 1807. С. 95.

⁵³⁴ Журнал 1787 С. 71; КФЖ 1787. С. 445; Доп. КФЖ 1787. С. 105; Людольф. Указ. соч. С. 182, 190; Отрывки из записок севастопольского старожилы. С. 42.

⁵³⁵ Журнал 1787. С. 70; также: КФЖ 1787. С. 440; РГА ВМФ. Ф. 172. Оп. 1. Д. 285. Л. 50, 152–153, 186 об.

⁵³⁶ Журнал 1787. С. 86; также: КФЖ 1787. С. 500.

⁵³⁷ Журнал 1787. С. 90; также: КФЖ 1787. С. 524.

⁵³⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 11 об–12, 20–24.

⁵³⁹ Долгоруков Ю.В. Указ. соч. С. 510; Журнал 1787. С. 94.

⁵⁴⁰ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 24 об.

⁵⁴¹ Журнал 1787. С. 69–70; КФЖ 1787. С. 440–441.

⁵⁴² КФЖ 1787. С. 441; также: Журнал 1787. С. 68–69.

⁵⁴³ Журнал 1787. С. 84–85; КФЖ 1787. С. 498–499.

⁵⁴⁴ Журнал 1787. С. 87; КФЖ 1787. С. 498–499.

⁵⁴⁵ Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 143.

⁵⁴⁶ Там же. С. 144.

⁵⁴⁷ Сб. РИО. Т. 26. СПб., 1879. С. 176.

⁵⁴⁸ Сегюр Л. Ф. Указ. соч. С. 186.

⁵⁴⁹ Дневник, веденный во время пребывания императрицы Екатерины в Киеве и Каневе одной из придворных дам короля Станислава Августа // Сын Отечества. 1843. Т. 3. № 3 (далее: Дневник придворной дамы). С. 25; Миранда Ф. Путешествие по Российской империи. М., 2001. С. 106, 110–121; Полетика А. Дневник, веденный во время пребывания императрицы Екатерины II в Киеве в 1787 году Андреем Полетикою // Там же. С. 1, 13, 15–16.

⁵⁵⁰ Камерфурьерский церемониальный журнал 1787 года. СПб., 1886. (далее: КФЖ 1787). С. 102, 132, 149, 166, 198, 206, 211; Миранда Ф. Указ. соч. С. 106.

⁵⁵¹ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 742. Ч. 2. Л. 288.

⁵⁵² Письма Екатерины II к барону Гримму // РА. 1878. Т. 3 (далее: Екатерина – Гримм). С. 131; Письма императрицы Екатерины II к Якову Александровичу Брюсу 1787 года. Приложение к камерфурьерскому журналу 1787 года. СПб., 1889 (далее: Екатерина – Брюс). С. 21.

⁵⁵³ Письма Екатерины II к Н. И. Салтыкову // РА. 1864 (далее: Екатерина – Салтыков). Стб. 513–514; то же: Миранда Ф. Указ. соч. С. 85, 87, 91, 107.

⁵⁵⁴ Линь Ш. Ж. Письма, мысли и избранные творения принца де Линь, изданные баронессою Стаэль Голстеин и гном Проппиаком. Т. 1. Ч. 1. М., 1809. С. 41–42.

⁵⁵⁵ Миранда Ф. Указ. соч. С. 124.

⁵⁵⁶ Сегюр Л. Ф. Указ. соч. С. 156; также: АВПРИ. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 581. Л. 110; Ф. 8. Оп. 8/1. Д. 17. Л. 38 об.

⁵⁵⁷ Сегюр Л. Ф. Указ. соч. С. 86.

⁵⁵⁸ Линь Ш. Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 42.

⁵⁵⁹ Миранда Ф. Указ. соч. С. 91.

⁵⁶⁰ Там же. С. 106.

⁵⁶¹ Сегюр Л. Ф. Указ. соч. С. 182.

- ⁵⁶² Архив Князя Воронцова. Кн. 12. М., 1879. С. 38–39.
- ⁵⁶³ Елисеева О.И. Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М., 2000. С. 197.
- ⁵⁶⁴ Нассау-Зиген К.Г. Императрица Екатерина II в Крыму // РС. 1893. Т. 80. № 11. С. 290.
- ⁵⁶⁵ Дневник придворной дамы. С. 26; КФЖ 1767. С. 206; Миранда Ф. Указ. соч. С. 105–107; Храповицкий А.В. Памятные записки А.В. Храповицкого, статссекретаря императрицы Екатерины Второй. М., 1990. С. 23.
- ⁵⁶⁶ Екатерина – Салтыков. Стб. 507, 511, 517, 521.
- ⁵⁶⁷ Дневник придворной дамы. С. 24.
- ⁵⁶⁸ КФЖ 1787. С. 111, 122, 131, 134, 142, 151, 167, 231, 256.
- ⁵⁶⁹ Там же. С. 173, 213, 279, 292.
- ⁵⁷⁰ Альперович М.С. Франсиско де Миранда в России. М., 1986. С. 78; Елисеева О.И. Указ. соч. С. 195–196.
- ⁵⁷¹ Миранда Ф. Указ. соч. С. 97.
- ⁵⁷² КФЖ 1787. С. 328; Полетика А. Указ. соч. С. 10.
- ⁵⁷³ Дневник придворной дамы. С. 25–26; КФЖ 1787. С. 229; Полетика А. Указ. соч. С. 16–17; Миранда Ф. Указ. соч. С. 122, 125.
- ⁵⁷⁴ Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 42.
- ⁵⁷⁵ Миранда Ф. Указ. соч. С. 125.
- ⁵⁷⁶ Миранда Ф. Указ. соч. С. 123; также: РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 4 об.
- ⁵⁷⁷ Понятовский С. Воспоминания князя Станислава Понятовского (пересказ Н. Шильдера) // РС. 1897. Т. 95. №. 9. С. 572.
- ⁵⁷⁸ Дневник придворной дамы. С. 28; Журнал высочайшего путешествия ея величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы Всероссийской, в Полуденные страны России в 1787 году. М., 1787 (далее: Журнал 1787). С. 48; КФЖ 1787. С. 335; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 48; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 190.
- ⁵⁷⁹ Дневник придворной дамы. С. 28.
- ⁵⁸⁰ КФЖ 1787. С. 336.
- ⁵⁸¹ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 190; также: Понятовский С. Указ. соч. С. 572.

⁵⁸² Дневник придворной дамы. С. 28.

⁵⁸³ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 190; также: Дневник придворной дамы. С. 29; Журнал 1787. С. 48–49; КФЖ 1787. С. 339–340; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 48; Понятовский С. Указ. соч. С. 573.

⁵⁸⁴ АВПРИ. Ф. 8. Оп. 8/1. Д. 16. Л. 53; Дневник придворной дамы. С. 30; Журнал 1787. С. 49; КФЖ 1787. С. 340; Нассау-Зиген К.Г. Указ. соч. С. 290.

⁵⁸⁵ Дневник придворной дамы. С. 30; Журнал 1787. С. 49; КФЖ 1787. С. 340.

⁵⁸⁶ Дневник придворной дамы. С. 30.

⁵⁸⁷ Дневник придворной дамы. С. 30–31; Журнал 1787. С. 50; КФЖ 1787. С. 339–340; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 48; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 190–191; Энгельгардт Л.Н. Записки. М., 1997. С. 55.

⁵⁸⁸ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 263. Л. 11–11 об.

⁵⁸⁹ АВПРИ. Ф. 8. Оп. 8/1. Д. 16. Л. 55; Журнал 1787. С. 50; КФЖ 1787. С. 342; Сб. РИО. Т. 42. СПб., 1885. С. 373.

⁵⁹⁰ Дополнения к камерфурьерскому журналу 1787 г. КФЖ 1787. СПб., 1886 (далее: Доп. КФЖ 1787). С. 103; Сб. РИО. Т. 42. С. 373.

⁵⁹¹ Доп. КФЖ 1787. С. 103.

⁵⁹² Елисеева О.И. Указ. соч. С. 194, 204; Лопатин В.С. Потемкин и Суворов. М., 1992. С. 191; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 183; Alexander J.T. Catherine the Great. Life and Legend. New York Oxford, 1989. P. 259; Haslip J. Catherine the Great. London, 1977. P. 332; Мадариага И. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. С. 595.

⁵⁹³ Мадариага И. Указ. соч. С. 595.

⁵⁹⁴ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 191.

⁵⁹⁵ Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 48.

⁵⁹⁶ КФЖ 1787. С. 405.

⁵⁹⁷ Екатерина – Брюс. С. 21.

⁵⁹⁸ Сочинения императрицы Екатерины II / Изд. А.Ф. Смирдин. Т. 3. СПб., 1850 (далее: Сочинения Екатерины). С. 342.

⁵⁹⁹ Журнал 1787. С. 65; КФЖ 1787. С. 417.

⁶⁰⁰ Дневник придворной дамы. С. 31.

⁶⁰¹ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 28.

⁶⁰² Екатерина – Гримм. С. 156.

⁶⁰³ Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769–1791 / Изд. В.С. Лопатин. М., 1997 (далее: Екатерина – Потемкин). С. 215.

⁶⁰⁴ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 481. Л. 2; Екатерина – Гримм. С. 139; Сочинения Екатерины. С. 341.

⁶⁰⁵ Екатерина – Брюс. С. 19–20.

⁶⁰⁶ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 198, 207.

⁶⁰⁷ Екатерина – Потемкин. С. 225; то же: Понятовский С. Указ. соч. С. 573.

⁶⁰⁸ Понятовский С. Указ. соч. С. 573.

⁶⁰⁹ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 183.

⁶¹⁰ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 191.

⁶¹¹ Понятовский С. Указ. соч. С. 573.

⁶¹² Дневник придворной дамы. С. 32; то же: Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 191.

⁶¹³ Переписка Екатерины Великой с германским императором Иосифом // РА. 1880. Т. 1 (далее: Екатерина – Иосиф). С. 335.

⁶¹⁴ Там же. С. 337.

⁶¹⁵ Екатерина – Иосиф (Примечание. Письмо Иосифа Кауницу). С. 336.

⁶¹⁶ Екатерина – Иосиф. С. 337.

⁶¹⁷ Екатерина – Потемкин. С. 213.

⁶¹⁸ Екатерина – Иосиф (Примечание. Письмо Иосифа Кауницу). С. 337.

⁶¹⁹ АВПРИ. Ф. 32. Оп. 6. Д. 703. Л. 11–11 об, 20–20 об, 64 об, 76–76 об.

⁶²⁰ Екатерина – Иосиф (Примечание. Письмо Иосифа Кауницу). С. 337.

⁶²¹ Письма императора Иосифа II к фельдмаршалу Ласси во время путешествия в Херсон и Крым в 1787 г. // РА. 1880. Т. 1. № 1–4 (далее: Иосиф – Ласси). С. 359.

⁶²² Журнал 1787. С. 61–62, 88; КФЖ 1787. С. 389–391, 512.

⁶²³ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 580. Л. 118–119 об; Екатерина – Иосиф (Примечание. Письмо Иосифа Кауницу). С. 336; Людольф. Письма о Крыме // Русское обозрение. 1892. Т. 2. № 3. С. 191; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 127.

- ⁶²⁴ Екатерина – Иосиф. С. 313.
- ⁶²⁵ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 225.
- ⁶²⁶ Там же. С. 127.
- ⁶²⁷ Там же. С. 201.
- ⁶²⁸ Там же. С. 226.
- ⁶²⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 3–3 об; то же: Д. 687. Л. 5 об (письмо от 1/12 февраля 1787 г.).
- ⁶³⁰ Архив князя Воронцова. Кн. 13. М., 1879. С. 125–126.
- ⁶³¹ РГАДА. Ф. 10. Оп. 3. Д. 481. Л. 1; Екатерина – Брюс. С. 23–24; Екатерина – Гримм. С. 141; Журнал 1787. С. 61–62; КФЖ 1787. С. 389–391; Иосиф – Ласси. С. 356. Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 195–196; Сочинения Екатерины. С. 343–344; Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 29.
- ⁶³² Иосиф – Ласси. С. 356.
- ⁶³³ Екатерина – Гримм. С. 141; также: Иосиф – Ласси. С. 356.
- ⁶³⁴ Храповицкий А.В. Указ. соч. С. 29–30.
- ⁶³⁵ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 179.
- ⁶³⁶ Там же. С. 201.
- ⁶³⁷ Екатерина – Иосиф (Примечание. Письмо Иосифа Кауницу). С. 336.
- ⁶³⁸ Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 57–58.
- ⁶³⁹ Там же.
- ⁶⁴⁰ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 228; также: С. 203.
- ⁶⁴¹ Людольф. Указ. соч. С. 190.
- ⁶⁴² Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 56.
- ⁶⁴³ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 433.
- ⁶⁴⁴ Иосиф – Ласси. С. 356–372; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 201.
- ⁶⁴⁵ Елисеева О.И. Указ. соч. С. 211–212.
- ⁶⁴⁶ Трактат вечного мира и дружбы, заключенный между империею Всероссийскою и Оттоманскою Портою в ставке главнокомандующего Генерала Фельдмаршала графа Румянцева, при деревне Кучук Кайнардже на правом берегу Дуная чрез уполномоченных от него и от верховного визиря в 10 день июля и ими обоими в 15 день того ж июля утвержденный, а со стороны Его Султанова Величества подтвержденный и ратифицированный в Константинополе в 13 день генваря 1775 г. Б. м., 1775. С. 2–3; это подтверждает Изъяснительная кон-

венция, заключенная между Российской империей и Портою Оттоманскою в 10 день марта 1779 г., на которую и взаимные Ея Императорского Величества и Его Султанова Величества ратификации в 24 день июля сего ж года между полномочным Ея Императорского Величества Министром и чрезвычайным посланником, Статским советником Стахиевым и Верховным Визирем разменены. СПб., 1779. С. 2.

⁶⁴⁷ Сб. РИО. Т. 47. СПб., 1885. С. 172–173; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 239.

⁶⁴⁸ Сб. РИО. Т. 47. С. 170; также: Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 125.

⁶⁴⁹ Сб. РИО. Т. 47. С. 172–173.

⁶⁵⁰ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 345. Л. 38–39; Оп. 2. Д. 53. Л. 18–18 об; Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 125; Екатерина – Потемкин. С. 214; Миранда Ф. Указ. соч. С. 80.

⁶⁵¹ ЗООИД. Т. 8. Одесса, 1872. С. 202; Собственноручные бумаги князя Потемкина-Таврического // РА. 1865 (далее: Бумаги Потемкина). Стб. 414–416.

⁶⁵² Сб. РИО. Т. 47. С. 58; Екатерина – Потемкин. С. 209.

⁶⁵³ Сб. РИО. Т. 47. С. 167–168.

⁶⁵⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 2 об; Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 125; Бумаги Потемкина. Стб. 414; ЗООИД. Т. 8. С. 202.

⁶⁵⁵ Сб. РИО. Т. 47. С. 171–172.

⁶⁵⁶ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 345. Л. 2–3 об, 10–12 об, 20, 25, 35; Д. 435. Ч. 3. Л. 3; Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 125; Сб. РИО. Т. 47. С. 142; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 108, 171.

⁶⁵⁷ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 22–22 об; Архив князя Воронцова. Кн. 13. С. 125; Сб. РИО. Т. 47. С. 163, 192; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 172, 203.

⁶⁵⁸ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 688. Л. 39; Д. 693. Л. 3; Д. 694. Л. 5; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 203.

⁶⁵⁹ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 106; Брикнер А.Г. Разрыв между Россией и Турцией в 1787 году // Журнал министерства народного просвещения. 1873. Т. 168. Июль. С. 122.

⁶⁶⁰ Герасимова Ю.И. Архив Булгаковых // Государственная Ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина. Записки отдела рукописей. Вып. 30. М., 1968. С. 43.

⁶⁶¹ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 144.

⁶⁶² Присоединение Крыма к России: Рескрипты, письма, реляции и донесения / Под ред. Н. Дубровина. Т. 4. СПб., 1889. С. 30–50; Сб. РИО. Т. 47. С. 20, 91, 143, 168, 171, 203.

⁶⁶³ Архив князя Воронцова. Кн. 12. С. 39; Людольф. Указ. соч. С. 191; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 174, 181.

⁶⁶⁴ Бильбасов В.А. Князь де Линь // Он же. Исторические монографии. Т. 4. СПб., 1901. С. 434; Брикнер А.Г. Указ. соч. С. 137; Маркевич А.И. Императрица Екатерина II и Крым // Бережков М. Нур-Салтан – царица Крымская. Маркевич А.И. Императрица Екатерина II и Крым. Симферополь, 1993. С. 66.

⁶⁶⁵ ЗООИД. Т. 8. С. 202; Сб. РИО. Т. 47. С. 192.

⁶⁶⁶ Сб. РИО. Т. 47. С. 204.

⁶⁶⁷ Переписка Екатерины Второй с князем Потемкиным // РС. 1876. Т. 16. № 6. С. 242; то же: Екатерина – Потемкин. С. 178.

⁶⁶⁸ Екатерина – Потемкин. С. 158, 165, 171, 177, 180, 182, 185–187, 197, 208.

⁶⁶⁹ ЗООИД. Т. 2. Одесса, 1848. С. 762; Сб. РИО. Т. 47. С. 37, 39–41, 66.

⁶⁷⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 686. Л. 24 об; Д. 688. Л. 4; Д. 691. Л. 3 об, 76 об, 82 об; Д. 692. Л. 3 об–4; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 345. Л. 4; Оп. 2. Д. 53. Л. 9–9 об, 127; Екатерина – Потемкин. С. 222; ЗООИД. Т. 2. С. 762; Письма Я.И. Булгакова князю Потемкину // РА. 1866 (далее: Булгаков – Потемкин). Стб. 1575–1576; Сб. РИО. Т. 47. С. 29, 40, 49–50, 69, 81–82, 86, 156, 166, 195–197, 204; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 247.

⁶⁷¹ Сб. РИО. Т. 47. С. 45, 62–63, 88, 120, 124, 132, 161, 163, 165, 199; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 175, 199.

⁶⁷² Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 175.

⁶⁷³ Сб. РИО. Т. 47. С. 138–139.

⁶⁷⁴ Там же. С. 95, 110, 119, 149, 186.

⁶⁷⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 83 об; также: Д. 691. Л. 44–44 об; Д. 692. Л. 3.

⁶⁷⁶ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 253; также: С. 147–148, 246, 248.

⁶⁷⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 5.

⁶⁷⁸ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 78.

⁶⁷⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 44 об; РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 105 об; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 94.

- ⁶⁸⁰ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 125.
- ⁶⁸¹ Там же. С. 174.
- ⁶⁸² Иосиф – Ласси. С. 134; Сб. РИО. Т. 27. СПб., 1880. С. 411.
- ⁶⁸³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 50.
- ⁶⁸⁴ Там же. Оп. 1. Д. 435. Ч. 3. Л. 1–3.
- ⁶⁸⁵ ЗООИД. Т. 12. Одесса, 1881. С. 302.
- ⁶⁸⁶ КФЖ 1787. С. 470.
- ⁶⁸⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 690. Л. 21 об–22.
- ⁶⁸⁸ Там же. Д. 293. Л. 3.
- ⁶⁸⁹ КФЖ 1787. С. 531.
- ⁶⁹⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 6.
- ⁶⁹¹ Там же. Л. 13 об–14.
- ⁶⁹² Там же Л. 21.
- ⁶⁹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 689. Л. 55–55 об; Д. 697. Л. 6, 16, 20, 119; РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 7 об, 21–21 об, 25, 41, 44, 109–110; Журнал 1787. С. 65; КФЖ 1787. С. 418; Самойлов А.Н. Жизнь и деяния генерал-фельдмаршала князя Григория Александровича Потемкина-Таврического // РА. 1867. Стб. 1234; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 202–203.
- ⁶⁹⁴ АВПРИ. Ф. 5. Оп. 5/1. Д. 586. Л. 57–60, 94–97; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 202–203.
- ⁶⁹⁵ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 202.
- ⁶⁹⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 690. Л. 1–10 об; Д. 697. Л. 34 об.
- ⁶⁹⁷ Екатерина – Гримм. С. 143; Иосиф – Ласси. С. 372; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 49; Понятовский С. Указ. соч. С. 574; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 199.
- ⁶⁹⁸ Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 51.
- ⁶⁹⁹ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 433–433 об; Иосиф – Ласси. С. 372.
- ⁷⁰⁰ Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 199.
- ⁷⁰¹ Сб. РИО. Т. 47. С. 199.
- ⁷⁰² Екатерина – Гримм. С. 143.
- ⁷⁰³ Самойлов А.Н. Указ. соч. Стб. 1234–1235; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 49; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 199, 222.
- ⁷⁰⁴ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 143–144; ЗООИД. Т. 10. Одесса, 1877. С. 362–364; Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 222; Пу-

тешества ея императорского величества в Полуденный край России, предприемлемое в 1787 году. СПб., 1786.

⁷⁰⁵ ИТУАК. 1891. № 11. С. 104.

⁷⁰⁶ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 22; Д. 111. Л. 6; Сб. РИО. Т. 27. С. 340.

⁷⁰⁷ Сб. РИО. Т. 27. С. 361.

⁷⁰⁸ Там же. С. 365.

⁷⁰⁹ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 46 об, 141–143; 172–172 об, 174, 287–290; Ф. 16. Оп. 1. Д. 1000. Ч. 1. Л. 203–204; РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 375. Л. 1–1 об; Сб. РИО. Т. 26. С. 174.

⁷¹⁰ РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 110. Л. 172 об–173, 287–290.

⁷¹¹ АВПРИ. Ф. 80. Оп. 80/1. Д. 1423. Л. 4; Линь Ш.Ж. Указ. соч. Ч. 1. С. 49.

⁷¹² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 9; ЗООИД. Т. 2. С. 762; Булгаков – Потемкин. Стб. 1575–1576.

⁷¹³ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 688. Л. 43; также: Д. 689. Л. 1; РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 18 об.

⁷¹⁴ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 3; также: АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 686. Л. 27 об.

⁷¹⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 687. Л. 2.

⁷¹⁶ Там же. Д. 686. Л. 71–71 об; также: Д. 687. Л. 2–2 об, 4.

⁷¹⁷ Там же. Д. 687. Л. 2 об–3.

⁷¹⁸ Там же. Д. 686. Л. 72–72 об.

⁷¹⁹ Там же. Д. 697. Л. 5 об.

⁷²⁰ Там же. Д. 690. Л. 1 об.

⁷²¹ ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 149. Д. 57. Л. 13, то же: РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 73.

⁷²² ОР РГБ. Ф. 41. Карт. 149. Д. 57. Л. 21.

⁷²³ РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 76.

⁷²⁴ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 3–3 об; то же: РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 104–104 об.

⁷²⁵ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 44.

⁷²⁶ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 74–76; то же: РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 53. Л. 126.

⁷²⁷ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 62 об.

⁷²⁸ Там же. Л. 82–83 об.

⁷²⁹ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 84; то же: Сегюр Л.Ф. Указ. соч. С. 246.

⁷³⁰ АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 691. Л. 171 об.

⁷³¹ Сб. РИО. Т. 47. С. 284; также: ЗООИД. Т. 2. С. 762.

⁷³² АВПРИ. Ф. 89. Оп. 8. Д. 697. Л. 83–83 об.

⁷³³ Маркова О.П. О происхождении так называемого «греческого проекта» (80-е гг. XVIII века) // История СССР. 1958. № 4. С. 62.

⁷³⁴ Список «Книги бытия украинского народа», что был изъятый у М.И. Гулака во время обыска 2 апреля в 1847 г. // <http://izbornyk.ru/rizne/kmt02.htm>

⁷³⁵ <http://litopys.org.ua/istrus/istrus.htm>

⁷³⁶ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Т. 26. Гл. 1 // <http://www.magister.msk.ru/library/history/solov/solv26p1.htm>

⁷³⁷ Я сам хохол, а потому хорошо знаю нашу породу. Прошу не упрекать меня в предвзятости, пишу это с болью, всем сердцем страдая за «бесталанную» Украину! – О.Б.

ПУТЬ НА ПОЛЬЗУ

К 225-летию путешествия Екатерины Великой в Новороссию и Крым

Компьютерная верстка

Т. Каракозова

На обложке: Путешествие Екатерины II по России в 1787 г. Аллегория.

Неизвестный художник по ориг. Ф. де Мейса.

Институт диаспоры и интеграции

(Институт стран СНГ)

119180, Москва, ул. Б.Полянка, д. 7/10, стр. 3

(Старомонетный пер., 10)

Подписано в печать 25.06.2012. Уч. п.л. 18,5

Формат 60×⁹⁰/₁₆.

Печать офсетная. Бумага офсетная

Тираж 3000 экз.

Заказ №

Отпечатано в

